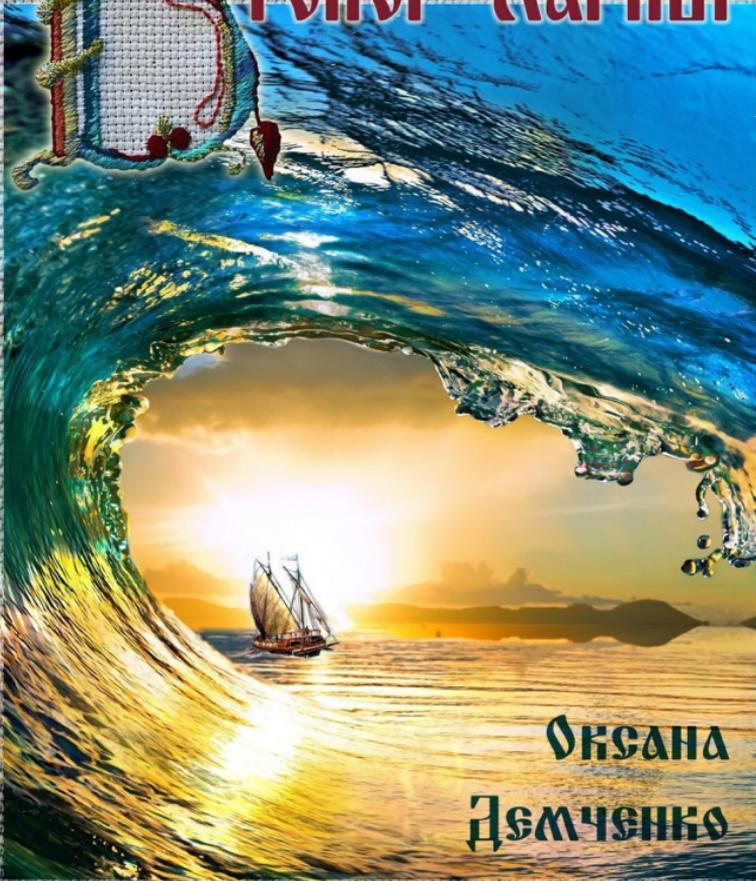

ЫШИВАЛЬЩИЦА.

КНИГА ПЕРВАЯ

ТОПОР ЛАРНЫ

**ОКСАНА
ДЗМЧЕНКО**

Оксана Борисовна Демченко Вышивальщица. Книга первая. Топор Ларны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19424698

ISBN 9785448301193

Аннотация

Стежок за стежком складывается узор. Кто-то желает любой ценой внести в узор имя... а иные имена сами вплетаются, да так, что не выпороть. Мировой канве тяжело принимать узор подлости. Столько узлов наделано, грубых следов по изнанке пущено – не счесть! Эта история о том, как выпороть из сердца грубую нитку мести, а неуловимую сказку вплести в явь.. В общем, жили-были люди да выры. И первым бойцом выров был Шром, а лучшим убийцей вырой – Ларна... И каждому из них досталась своя вышивка.

Содержание

Пролог.	6
Глава первая.	15
Глава вторая.	78
Глава третья.	97
Глава четвёртая.	155
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Вышивальщица Книга первая. Топор Ларны

**Оксана Борисовна
Демченко**

Фотограф Wilyam Bradberry

Редактор Борис Демченко

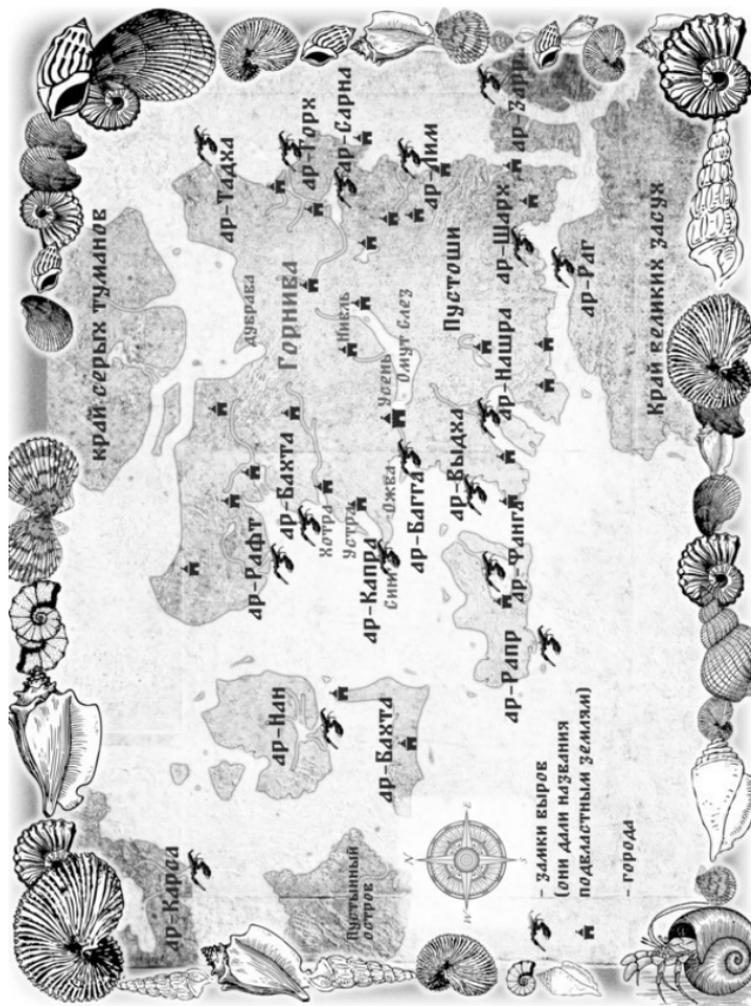
Иллюстрации <https://pixabay.com>

© Оксана Борисовна Демченко, 2018

© Wilyam Bradberry, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4483-0119-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор выражает благодарность ресурсу <https://rihabay.com> за возможность проиллюстрировать книгу. А еще моему папе – за терпеливую вычитку; и всем моим постоянным читателям за их поддержку и общение при работе над книгой

Пролог.

Сказка, вплетенная в канву мира

– А нитки бывают белыми?

– Всякое случается. Иди, не топчись на кочке. Болотник за пятку ухватит.

– Ты мне сказки-то не плети, не маленькая. Нет в мире болотников, есть дед Сомра. Только он спит и по мелочам не проявляет себя. Так что насчет ниток? Кимка, стой! Да что ж за напасть, ни слова толком...

Кимка уже во весь скок спасался от необходимости держать ответ. Мелькал рыжим беличьим хвостом в пестроте сочной зелени, забрызганной тенями. Шил её лучиком солнечной иголки – скреплял, плотнее сдвигал ветви, – и прятался в их лохматой гуще. Вот и нет его... Только стрекот вдали качнулся и отпрянул, с ветром укатился за дальний увал, в самое сердце топей дедушки Сомры.

– Эх ты... А еще друг! И не подкупай после орехами, ни

единого ядрышка не приму! Понял ли?

А ему хоть кричи, хоть молчи. Умчался. Он сегодня взялся в белку играть. Вчера весь день прыгал бессловесным зайцем. Тоже, ловкач. Как будто я обычного косоного от перекинутого Кимки не отличу. Уж всяко десять лет знакомы. Он – весь мой круг знакомств и есть, вот так гораздо вернее. Кимка, невидаль лесная, небыль хитроватая из Безвременного леса. Никому сюда нет прохода. И людям, и даже вырам, за опушку не заглянуть, земляники Кимкиной с прогалин, лиловым марником украшенных, не обобрать, а на чернику, что хоронится в глубине векового сосняка – так и не глянуть.

По какой такой великой нужде я среди запретного леса объявилась? Человек, да из самых обычных. Обычнее уже и некуда. Косица бурого цвета, невнятного. Глаза тоже карие, обыкновенные. Ни роста, ни стати, ни голоса. За что привечает? Может, ему скучно без приятельства? Так ведь еще и пригляд держит, год за годом, без отлучек и передыху... Спросите у Кимки сами – что да как, если хотите глянуть на беличий скок. Он ответов давать не желает. И всегда был таков, сколь бы вид свой ни менял...

Первый-то раз я его хорошо рассмотрела, он на кочке смиренхонько сидел. Благообразный он тогда явился. Пожилой, лукаво-кареглазый, и волосы серебрила седина. На коленях – ох ты, радость для дитяти – шапка валяной шерсти, да вся как есть земляничкой полна. Аж черной, пахучей, всякая ягода крупнее ногтя. Угостил, приветил, на опушку

сам завел. А каким таким способом я в лес вошла, хотя тень его пересечь никто не в силах – это к Кимке... Он верно знает, но – молчит и того вернее.

– Кимка!

Теперь до ночи можно шуметь, все без толку. И не стану звать! Пусть хоть раз поймет, каково это – без ответов и без приветов...

Идти по лесу и огорчаться, свой нелепо растреванный гнев хранить – дело неблагодарное. Лес сегодня ясен и весел. Шелестит, листьями плещет, с тетушкой тучей о дожде стоваривается. Уже заметно: дело двигается. К ночи засинит небушко, тень опустится до заката и лиловеть будет из-под спуда, от большой горки западной, от увала, где кимкины черничники всего гуще. В сумерках ветер падет на сосны, стон из них вырвет, чтоб тишина после легла полнее да глуше. Первой капле эхо дать надобно, без того и дождь – не дождь...

Когда такое событие готовится, когда тетка туча в гости в наш ближний лес собирается, не худо и поспешить домой. Вон – уже шумит переполох по верхушкам, старые листья лоскутьями полетели, аж в воздухе пестро. Скорым бегом да по тропочке – домой! Кимка такой, заботливый: он сам не выглянет, а тропку под ноги обязательно бросит. Удобную выберет: чтобы шла без коряг, не по самым затылкам увалов – и затейливо, с должной красотостью. Мимо озера, вдоль ручья, через заросли рябины. Бегом-бегом, пока нит-

ки дождя небо вовсе не заштопали.

Дом в Безвременном лесу – такое и звучит-то странно. Сам дом и того чуднее. Так уж оплетен и врос в корни дубовые, что и не понять: дупло или нора? Но и на избу похоже. Дверь имеется. Кимка её изукрасил резьбой: белочка прыгает, заяц низом скачет. Поверху, шею выгибая, лебедушка летит... Я все имена небылиц ведаю. Кимка любит их повторять и рисунки показывать. А то и в сны зверей придуманных засылает: смотри, мне не жаль. Все для тебя. Только вопросы не задавай лишние. Но как не задавать, если не знаешь, какие они – лишние?

По чести если, из-за белых ниток он уж больно резво взвился, обычно так не улепetyвает. Видно, не то спрошено, ну вовсе дурное. Того и гляди, дед Сомра пошевелится да пригрозит из-под топей, забулькает от возмущения.

Вот и дверь. Сухая совсем, не упала еще первая капля. Хотя сосны стонут, самое время прятаться. Ох и радость – нырнуть в свой дом да и прикрыть дверь! Сюда, в Кимкино владение, никакая напасть не сунется. Он, может, и прыгает зайцем, а только страха в нем нет, ну ни капельки! Одна лихость.

Дверь захлопнуть не получилось. Совесть ножку подставила, за косу веткой дернула. Оглянись: а ну там Кимка имеется, за спиной. Он ведь какой? Застенчивый, от обиды не скоро отходит. Орехи грозилась не брать, так он и домой в дождь не явится, если не позвать...

– Кимка, страшно ведь без тебя в такую ночь лиловую!
Кимочка...

Все мы на лесть падки. Оборонять вон – сразу явился. Одним прыжком из дубовой кроны упал – да и юркнул в нашу нору. А в сказках говорится: не лазают зайцы по стволам. Хотя, чего уж, никакой он не заяц.

Ох беда, вне тени Безвременного леса и слово такое давно истлело в людской памяти – заяц. У людей теперь мало слов. Но – не к ночи разговор, и так тетка туча багровеет всерьез, наползает на низкое солнышко. Борется, к земле его давит и ночь манит. Пусть. Сложно ли закрыть дверь – да не глядеть на их очередной разлад.

Первая капля стукнула в деревяшку, едва она мягко сошлась с косяком, словно дождевка попросилась в гости. Поздно, у нас все свои – дома. Кимка уже старичком разгуливает, песенку под нос бормочет. На стол собирает. И гриб дождевой принес, и орехи, и малину пахучую, и молоко олень. Заботливый...

– Бездельница ты. Нитки и не глянула новые.

– Прости. Я сейчас займусь.

– Опосля ужина. Я гнилушек разожгу, светляков позову. Тогда и работай.

– Что тебе за польза с моего шитья? Я вижу: нет её, будто обман вершу, а не дельное дело. Ты объясни, может, оно верно и сложится. Я стараюсь. Честно.

– Все объяснил, что умел. В лес ты вошла, а вот шить мо-

ими нитками не научилась... ну и не надо. С тобой мы и так славно коротаем время.

– Разве в этом лесу есть время?

– Ты на себя глянь. Было шесть лет, десять минуло... Есть время. Еще как есть. Вокруг людей оно завсегда водится, оно вроде мошкары. Не отвяжется ни за что.

– Тебе не вредно? Я раньше и не подумала, что я тут не к месту.

– Ишь, раззаботилась. Мне уже почитай все не вредно. Кушай.

– А нитки ты где берешь?

– Да везде... Разве ты их не замечала никогда? Так ясное дело, оттого и нет прока в твоём шитье. Не замечала... Разучился я сказки выплетать. Разучился. Беда... А может, и это уже не беда? Кушай.

Ну как с ним разговаривать? Все вроде внятно да ясно, только не осело ни единой крошечки понимания в лукошке моих разумений. А Кимочка огорчился так тяжело и даже безнадежно... Поник весь, меньше стал на вид. В чем вина и как исправить? Остается лишь снова разбирать нитки, раз принес и велел. Он ведь не шуткой считает их, а чем-то важным и даже, кажется, главным.

Нитки сегодня красивые. Лиловые, как марник под солнцем. Золотые с розовым – вроде сосновых стволов по утру. Черничные, какие тетке туче в пору подарить, так на её тушу похожи. И серые есть с ивовым глянцем – дождевики. И зе-

ленные в крапинах теней, прямо листовенные. И земляничные, аж запах от них идет. Остается взять иглу, рукой провести над тканью, восстанавливая натяжение. И начать шить. Сперва, знамо дело, небо. Синее оно, в нем покой и надежда. В нем свет. И туча, но и она – благо.

Нехорошее ниже копится. Там, где мы живем – люди да выры. Вся грязь вокруг нас лепится... Разве я виновата, что кимкиными нитками грязи не вышить? И не надо, а только и этот лес у меня не получается. Совсем. Сколь пробовала – даже иглы ломаются. Бестолковая я, огорчение кимкино, крах его надежд. Вижу, больно ему – а в чем беда, не рассказывает. Ушел в дальний лаз, завозился – на ночь устраивается. Тяжко ему глядеть, как я не справляюсь с делом. Чернику ем, молоко пью, расту... Время в лесу из-за меня роится, не переводится. Но вот пользы – нет и малой.

Небо, как обычно, получилось замечательное. И тетка туча, и штопка проливного дождя.

– Ты не плачь, – окончательно расстроился Кимка. – Еще такой напасти мне не хватало... Живем не тужим, складно дружим. И еще сто лет проживем.

– Кимочка, от твоих слов опять вопросы копятся. Сто – а дальше?

– Не твоя забота. Шей, бездельница. Может, оно и сладится. Но белых ниток не проси.

Отвернулся, завозился так сердито – и не скажи более ничего, всяко не отзовется. Только и без того многое вдруг яс-

но сделалось, вот как бывает. Чего уж себе врать? Вижу я нитки. Много их, и все как есть – старые. Некоторые с оттенком, а иные так уже залиняли, что вовсе костью мертвой белеют. Настоящие нитки, главные. А эти, какие Кимка носит – в них веса нет, оттого и не ложится стежок: канва-то не проста, это он смог мне втолковать.

Вредна я лесу, сильно вредна. И Кимке бесполезна. А уж про сто лет слушать вовсе жутко. Словно далее нет безвременья этому лесу. Нет, не так! Далее и времени ему нет. Безвременье сгнуло, когда я в тень сунулась. Если припомнить, тогда Кимка был другой. Не уставал, спать и вовсе не спал. Зато теперь по полной ночи беспробудно сопит, ворочается – кости у него ноют.

Значит, надо всерьез дело делать. Понять бы, как? И что за дело мне полагается в жизни... Раз молчит Кимка, добрая душа, непростое оно – дело. Может, вовсе трудное. Он потому и сердится, хочет огородить меня от тягот. Без пользы только – и дело губит, и себя заодно. Вон: мерзнет, озноб его пробил. Худо, первый раз такое.

Остается мне решиться на крайнее средство. Тетка туча говорит громом, я её слов не разумею. Ветер – сплетник, сам верных слов не знает, а чужие треплет без разбора и разумения. Зверье здешнее не умнее обычного, что вне заветного леса обитает.

Под дождем страшно и мокро. Молнии крупные, близко бьют. Но в иное время дедушку Сомру и не встретить, ему

ночь мила – так Кимочка сказывал. Значит, надо идти. Без кимкиной тропки самоходной, через корни сосновые и бурелом. Цепляясь за нитки, оборванные нитки, торчащие старыми потрепанными узлами. Хуже коряг они, ей-ей... Но я все ж пойду. Я решила.

У порога меня настиг стон Кимки. Озноб пробрал его, похоже, крепко. Разве оставишь одного? Очнется, искать бросится... Надо выждать, покуда выздоровеет. Он ведь обязательно выздоровеет, если сильно того желать. Вот уж в чем не сомневаюсь. И тогда сразу – к дедушке пойду, со спокойной душой.

Глава первая.

Оружие, отданное врагу

Шром, дитя прохладных бухт рода ар-Бахта, расположился подобающим образом: на носу корабля, хвостом по ходу движения. Стоял он не просто так, с должной боевой выправкой. Напружинены все десять пар кривых жестких лап под мощным хвостом. Три пары передних, по сухопутному обычаю именуемых руками – вооружены. Усы топорщатся чешуйчатými хлыстами, скручиваются и снова расправляются, шелестят негромко, предупредительно.

От выра в боевой позе исходит явная угроза, особенно зримая, когда главные глаза находятся на высоте в полную сажень над палубой, а головогрудь выпячена вверх с опорой на изогнутом хвосте.

«В бассейне ар-Бахта никогда не вылуплялось трусов и неумех», – упрямо твердил себе Шром. Пусть он не помнит настоящих глубин, он явился миру семьдесят восьмым

в общем счете рода после начала новых времен. Но Шром ар-Бахта рьяно бережет честь рода. Согласно канону, он присягнул вылупившемуся на два номера раньше Боргу, хранителю бассейна ар-Бахта. И принимает его интересы, как свои. Эти интересы и привели сюда: брат сказал, что имеется за родным бассейном долг, что надо оплатить.

Круглые тусклые глаза на длинных стебельках поникли, хлысты усов опали. Трудно сохранять веру в свой бассейн и безупречность его личинок. Он-то, Шром, бережет честь и помнит заповеди глубоководья. Но брат Борг дал худшее место из возможных. Словно в насмешку... Хотя разве можно такое представить: родственная насмешка? Теперь, когда их в главном зале бассейна собирается на церемонию пересчета – трое, Шрон-то не приплывает... Но даже если и его учесть – все одно, выров ничтожно мало. Полнит душу отчаяние от осознания конечности жизни рода. Отчаяние, прежде казавшееся пустой угрозой высохших в своих панцирях стариков, для которых вся жирная рыба и сладкие водоросли – в прошлом...

Но если не насмешка – то что? Он, Шром, – боец, родился таким. Совершенный, неущербный выр, один из немногих подобных. Его спинной панцирь прошел полное испытание булавой и тяжелыми стрелами. Он выдержал неравный бой на каменной осыпи у края мелководья, отправив на корм рыбам двух взрослых опытных ар-Багга, с которыми род ар-Бахта был в натянутых отношениях. Хвост Шрома могуч, он

позволяет выру плавать быстрее многих столичных курьеров. Чего уж прятать в донный ил заветное... Да, он мечтал о карьере при главном бассейне, о славе покорителя мятежников с глубинной суши, наконец. Увы, всему конец. Он стоит неподвижно и угрожает. Кому? Ничтожным кандалным рабам из числа людей. Отныне такова его участь, и ничего иного в жизни не случится. Ни хорошего, ни плохого... Потому что брат, страшно признать это, все же обманул и предал.

Хуже – некуда. Или есть? А вдруг не насмешка этот приказ стать надсмотрщиком? Вдруг породили его пузыри страха и лжи, вздымающиеся из недр сознания Борга. Все это сознание подобно гнилой лагуне, оно кишит червями ничтожных дел берега...

Силы панцирных лап Шрома хватило, чтобы в честном поединке отправить на корм рыбам трех бойцов личной стражи хранителя главного бассейна, кланда Аффара ар-Сарны. Достало бы мощи и на взлом жалкого подобия спинной защиты Борга, ведь брат неполноценен от рождения, слабо развит, к тому же он полупанцирный, с голым хвостом...

Шром вздохнул. Подумать только: одно движение отдает тебе все: замок, а с ним и власть в землях и водах ар-Бахта. Но так подло поступил бы лишь мелководник, для которого корысть выше преданности бассейну. Гнилой vyr жаждал бы стать властным хранителем. Гнилой бы убедил себя: это –

по праву, чего уж там, вполне даже по праву! Неущербность теперь редкое качество для выра.

Но мысли о мятеже никогда не проникали под вороненый панцирь головогруды Шрома. Сердца, все пять, бьются рокотом боевой доблести. Это правда. Но, видимо, Борг слышит лишь свои три, наполненные сомнениями подлнца-недомерка. У него не хватает пары верхних лап, усы позорно коротки. И мысли его протухли. Иначе нельзя понять нынешнее место. Увы, догадаться следовало раньше, в порту, еще раздумывая над правомерностью длительного контракта. До приложения пальцев нижней правой руки к сургучному озерку на пергаменте...

Никогда ар-Бахта не нанимались в прибрежный флот. Это удел низших родов, слабых, запятнавших себя позором уклонения от боя. Сколь мерзко стоять на палубе, с тоской смотреть на сияние моря, дышать целительным запахом терпкой теплой соли... И сохнуть под неумолимым солнцем. Терять гибкость и силу, подвергать панцирь угрозе растрескивания и шершавленья. Полдень горит над затылком, вынуждая плотно сомкнуть лепестки век спинного глаза. Полдень казнит неущербного Шрома волей и умыслом брата. Здесь, на палубе, жизнь выра сокращается вдвое по сравнению с естественными условиями её течения. Борг послал на смерть. Обрек родича просто так, из страха ничтожного торгаша. Из зависти слабого к сильному.

Зачем все это? Шром опустил усы, осел на утомленных

лапах. Хвост хрустнул и выбил пару щеп из досок палубы. Зачем корабль и рабы, зачем груз и дела? Зачем деньги чужой чеканки, суэта портов и волокита досмотров? Весь мир народа выров, весь смысл жизни, не существования, а полноводной жизни – уходит в прошлое. Необратимо умирает без надежды на возрождение... И никто из хранителей бассейнов не шевельнет усом, чтобы изменить судьбу.

«На наш век хватит», – эти слова принадлежат людям. Выры прежде иначе говорили и думали, гордость и доблесть вели их по жизни: нет такой глубины, которую нельзя покорить, вот девиз древнего кланда, глубоководного, мудрого. Впрочем, теперь такая глубина есть – неодолимая... Жалких тридцать, в некоторых местах сорок саженей туда, под глянцевоый полог поверхности – и начинается область неизбежной и скорой смерти. Проклятие всего рода выров и погибель его...

До чего дошло! Выра, рожденного плавать и жить в восхитительной морской воде, выра, созданного двоякодышащим – можно утопить. Такова позорная казнь, введенная двадцать лет назад, единая для людей и выров: утопление с камнем. Для людей казнь не особо мучительная, они захлебываются мгновенно, жалкие существа созданы природой не для моря... А выры страдают несколько дней, потому что желтой мутью низовых течений нельзя дышать. Она – яд и смерть. Медленный яд и верная, неодолимая смерть.

– Не устал? – лениво уточнил капитан, с презрительным

интересом изучая сухой панцирь надсмотрщика.

Это тоже часть оскорбления со стороны брата. Капитан корабля – человек. Он, Шром, единственный выр на борту. Его ненавидят с редким единодушием и рабы, и их хозяева. Его одного – за все грехи и ошибки народа... И за само проклятие, желтой мутью отравившее воды.

Когда глубины стали недоступны, вырами пришлось выйти на берег и занять здесь, в неуютной сухости чужого мира, место, достойное славного народа. Выры правят сушей уже пять человеческих веков. Правят неукоснительно и повсеместно. Но – не на этом корабле. Здесь творится бунт, оплаченный братом. Полдень жжет панцирь, но никто не вытащил даже одной бадьи с водой, чтобы сделать необходимое: смочить панцирь, промыть жабры. Шрома сознательно убивают, вот так и обстоят дела... Более не приходится сомневаться.

– Налегай, прибавь ход, – гулко приказал помощник рыжего наглого капитана.

Кивнул барабанщику. Тощий мальчишка в заскорузлом ошейнике раба, скорчившийся под бортом у самой кормы, вздрогнул, шевельнулся. Задал более плотный ритм гребли. Рабы обреченно загудели. Выр им – самому странно и подумать такое – посочувствовал. Он осознал, как горят спины у мягкотелых. Как жжет их, разорванные кнутом, невыносимое солнце. Точно так же плавится его тело под сухим панцирем.

Ветерок принес свежий запах соли и усилил мучения,

жесткой щеткой обдирая с панциря остатки влаги. Усы позорно стукнули кончиками по палубе. Бой на мелководье труден? Глупости, он – наслаждение и праздник. Предательство брата и этот пожизненный позор – вот пытка.

Шром снова хрипло вздохнул. Зачем он верен бассейну? Есть ли смысл в преданности теперь, когда у рода нет будущего? Можно уйти на пустынные отмели дальних островов и влачить существование отшельника. Бессмысленное, он сам так говорил брату Шрону, любимому и неущербному, окончательно покинувшему замок рода три года назад. Не понимал тогда Шром выбора старшего. Был, как теперь выясняется, глуп. Тот, кто всегда умел помнить заветы глубин, и на поверхности нашел свободу. Единственную свободу, доступную выру в мире, лишенном глубин и заполненном гниением людских интересов.

– Достойный ар, – в голосе капитана почудилась издевка. Слово крючок рыбака, подло спрятанный в наживке. – Ваш договор включает исполнение моих особых поручений. Хочу озадачить вас именно таким.

– Попробуй.

Все, что Шром смог себе позволить в ответ – «тыкать» капитану и не именовать его никаким титулом. Жалкая месть проигравшего...

Говорить больно. Дыхательное горло, предназначенное для воздуха, высохло и хрипит. Тонкая щель носа изначально не создана для человеческой речи, выталкивать чуждые

звуки непросто, тем более теперь, в изнеможении, близком к полному пересыханию. Но – надо держаться. Выр не станет унижаться.

Капитан сладко улыбнулся, шевельнул мягкой человеческой рукой, лишенной панциря – и не нуждающейся в увлажнении. Всякое качество имеет спину и брюхо, силу и слабость... Шром осел на хвост и позволил себе опереться о палубу нижней из трех пар рук, ведь именно так люди именуют его верхние конечности, сейчас вооруженные клинками. Шром решил, что от капитана и его особых поручений не стоит ждать добра. Значит, надо приготовиться к бою или хотя бы прекратить расходовать силы на никчемную показуху.

Из трюма донесся звякающий шум, дополняемый скрипом и стуком. Шром удивился, даже раздул ушные полости, повышая чуткость к звукам. На этом корабле трюм мал и тесен, отведен только для пресной воды: гребная галера прибрежья работает на коротких расстояниях, её удел – перевозка рабов. Они обеспечивают подвижность судну и служат товаром. Шром взошел на борт перед самым отплытием, страдая от постыдного одним своим видом ожога, отметившего панцирь багрово-бурым пятном согласия на найм. Шром почти опоздал, но все же подобное невозможно: ему не сказали о наличии живого груза в трюме. Надсмотрщику! Это тем более странно, поскольку шум создают колодки и гиря. Такой набор достается самым опасным преступникам, мя-

тежникам из дальней срединной суши. Их следует опасаться в первую очередь. Собственно, только они и есть враги, прочие мягкотелые на борту – ничтожества, корм для рыб.

Носитель колодок своим видом полностью подтверждал мысли Шрома. Огромный – ростом не ниже самого выра в боевой позе угрозы, то есть – сажень! Заросший диким грязным волосом до глаз – серых, холодных и спокойных глаз настоящего опасного врага. Руки хороши, – отметил Шром, любясь редкой для людей ширококостностью в сочетании с сухостью мышц. Двигается раб мягко, силу бережет. Ее осталось в теле немного, как и у самого Шрома. Но – есть, еще есть. Не вся высохла, хотя гнилых ран видно немало.

Раб с усилием протащил свою гирию до места, указанного помощником капитана. А как не тащить, если под горло вдели крюк и рвут мясо? Шром мрачно повел усами. Он себя чувствовал, странно сказать – точно таким же каторжным невольником. Солнце рвало сознание крюком боли.

– Мордой в доски, раб, – тихо и ласково, совсем как Шрому недавно, велел капитан. Обернулся к надсмотрщику. – Вот мое распоряжение, ар. Этого раба следует казнить и выбросить на корм рыбам, таков приказ знатного ара, хранителя бассейна города Синги. Само собой, голову мятежника мы сохраним, она стоит на редкость дорого. Я смогу снарядить еще один такой корабль, новый, с полным составом вёсельников и грузом белой тагги, вашего любимого напитка... Я выбрал казнь. Вешать скучно, топить и того скучнее.

Хочу, чтобы ты запорол его насмерть. Усами. Исполняй!

Шром замер в недоумении. Так его не оскорбляли ни разу в жизни. Полдела, что на «ты» и без вежливого обращения ар. Усы – оружие честного боя, славного сражения равных на мелководье... Усы – знак неущербности и чести. Использовать их для пытки и казни? В угоду ничтожного человечку, возомнившему себя всемогущим кландом на этом корабле? Чудовищно! Не может капитан не понимать, что, сказав подобное, проживет самое большее несколько мгновений.

Из тесного трюма, в котором полагается хранить лишь запас воды, выскользнули два наемника. Оба – со взведенными игломётами. Шром заинтересованно прошелестел порослью околугубных ворсинок. Он не ошибся в брате, хоть и распознал его гниль слишком поздно. Казнят теперь – двоих! Голова раба оплатит капитану новый корабль. Хвост выра с родовым узором и гравировкой герба ар-Бахта – кто знает, во что он оценен... Видимо, брат не поскупился на посулы, затевая гнилую игру.

– Исполняй, – еще раз повторил капитан. – Я жду.

С рабских лавок поднялись четверо, лениво стряхнули фальшивые ошейники. Пошарили у палубы, зашелестели звеньями толстых цепей с шипастыми шарами на хвостах. Шром припомнил: кажется, это оружие зовется кистенем и запрещено законом кланда... Мятаж, явный и подлый!

Люди, по своей обычной мягкотелой беспечности, прямоком зашагали к Шрому, высохшему в горячем шершавом

панцире, уже неопасному. Они шли след в след по узкому проходу, пихая сапогом то одного, то другого раба – тесно, мясо вы рыбе, отодвиньтесь... Шром чуть шевельнул нижней парой рук, добавил движение средней. Досадливо вспомнил: люди не знают языка жестов, принятого у боевых выров. Но сероглазый раб понял совет в точности и без промедления исполнил: стал сгибаться, падать лицом в доски.

Высохший обессиленный выр – уже не боец. Люди это знали. Только он еще не настолько сух, и даже если настолько... Это последний бой, и дать его – надо. Не зря подбирал незаметным движением хвост, не зря копил остатки сил.

Удар пружины хвоста выбросил тело Шрома вверх на полную сажень, закрутил! Усы свистнули, выходя в боевое положение. Правый срезал на излете голову капитана, распределяя зажатое в четырех верхних руках оружие между прочими людьми, явно виновными в мятеже. Левым усом Шром безжалостно пожертвовал, сознательно выламывая его из гнезда в панцире и используя, как копье. Ведь нападающие шли один за одним... и ус прошел их, нанизал на себя, как на вертел...

Весь бой – неполный вздох человека. Последнее усилие сухого тела, рвущее его и лишаящее надежды выжить. Кто даст воды – здесь?

Когда выр стал рушиться на палубу, прогибая доски и хрустя сухим панцирем, сероглазый раб уже не лежал. Он, кажется, без удивления поймал пару длинных клинков, бро-

шенных ему умирающим выром – оружие нижних рук земноводного. И отправил оба иглометчикам, продолжая то же движение, мягко и стремительно. Ненадолго затих: сил едва хватило на один рывок. Потом человек стал упрямо подниматься. Собрал себя в сидячее положение, к колодкам. Выпрямил спину, осмотрелся, морщась от боли. Grimаса приобрела некоторую веселость, когда в поле зрения раба оказалась голова капитана, лежащая у борта. В навсегда застывшем взгляде читалось недоумение.

– Советовали тебе, придурку: убей сразу, не играй, – прошипел сероглазый. Закашлялся смехом. – Но я в тебя верил до последнего.

Раб пополз к телу капитана, мучительно преодолевая сопротивление колодок, ослабевшего тела и гири. Справился, деловито позвенел ключами на связке при поясе трупа, обшарил сам пояс. Отомкнул свой ошейник. Содрал, снова сухо хохотнул. Снял запор с колодок. Жадно рванул флягу у мертвого капитана, напился. Поднял к небу бледное лицо, подмигнул полуденному солнышку.

– Давно не виделись, рад.

Пообщавшись со светилом, человек уделил внимание рабам-вёсельникам. Пересчитал их одним коротким взглядом. Сел поудобнее, упираясь рукой в палубу.

– Кто на этом корабле капитан, рыбе мясо?

– Ты, – первым сообразил пожилой темнокожий здоровяк.

– В целом разумно, – похвалил сероглазый. – У меня есть

правило. Я договариваюсь обо всем на берегу. Будем считать, сейчас и здесь у нас и есть берег: вы пока в оковах, таков ваш последний причал. Плавание начнется, если вы станете командой. Итак, условие. На корабле я принимаю решения. Кто оспаривает их, сходит на берег там, на дальних отмелях. Или прямо здесь...

– Одно условие? – удивился тот же здоровяк.

– Тебе больше нравится договор с сургучом? – хохотнул сероглазый. – Одно. Не знаю, надолго ли нас связал случай. Не верю никому из вас и не прошу многого. Но предупреждаю: приняли правило – значит, разделились на живых наемников, соблюдающих мой договор, – и мертвых бунтарей. Еще можно выбрать третье: малую лодку. Но только сейчас.

– Нас много, – весело оскалил щербатый рот молодой парень в первом ряду. – Ты один, и ты на труп сильно похож, как мне кажется.

– Многим казалось и раньше, – окончательно развеселился сероглазый. – Итак, начинаем делить вас на свободных людей, вежливо именуемых брэми – и прочих, кого мне лень именовать.

– Тебя-то как звать? – просипели из задних рядов.

– Брэми капитан, можно рискнуть и сказать просто «капитан», – в голосе сероглазого читалась откровенная издевка. – Тебе для доноса надо поподробнее? Так не трудись, я приметный, и так сообразят... Или ты не вылечился от пустого любопытства, даже столь изрядно подрастеряв зубы?

Больше вопросов не нашлось. Капитан с трудом выпрямился в свой полный рост. Пошел меж рядами, позвякивая ключами на связке и рассматривая вёсельников. Отмыкать все замки подряд он не спешил. Бесцеремонно ткнул пальцем в одного, другого, третьего.

– Вы – в лодку. Без обсуждения причин, просто знаю, так правильно.

Сероглазый двинулся дальше, отбраковал еще двоих. Прищурился, изучая скорчившегося под бортом барабанщика. Нашел нужный ключ и отпер замок его ошейника. Поддел мальчишку под локоть, помогая встать.

– Эй, дохлый малек! Тебе разрешаю, пожалуй, не исполнять приказы, если они тебе нехороши. Должен ведь кто-то ставить меня на место, если я не прав. И говорить от имени команды тоже кто-то должен.

– Вот еще, – буркнул мальчишка. – Вроде, отдариваешь за ту плошку с водой? Не надобно нам...

– Исключаю осложнения. Ты редкий тип упрямца: все равно не смолчишь, – предположил капитан.

– Оно да, есть такое, – оживился парнишка, довольный оценкой своего нрава. И свободной шеей, и видом на море, открытым во всю ширь горизонта для того, кто имеет право выпрямиться. – Так чего, расковывать всех, брэми? Не дело сортировать нас. Негоже, все хотят дышать без этой гадости на шее.

Капитан прошел по рядам, не отвечая «мальку», отомкнул

ошейники тех, кому предложил выбрать лодку. Люди нехотя и молча взялись готовить похожее на скорлупку суденышко к самостоятельному плаванью. Сероглазый отомкнул еще несколько ошейников, каждый раз придирчиво щурясь, иногда задавая вроде бы безобидные вопросы: в порту жил или на дальней суше, что из выпивки больше по вкусу, сподручно ли грести? Ответы выслушивал внимательно, молча. Шел дальше, снова щурился, выбирал по одному ему ведомым признакам... и не оборачивался, словно бить в спину тут некому.

Рослый темнокожий детина, который первым признал в мятежнике капитана, довольно скоро получил свободу. Он постоял чуть-чуть, озираясь и хмурясь. Принял решение и зашагал к выру, лежащему без движения. Подобрал конец длинной цепи с шипастым шаром – оружие мертвых наемников. Еще один бывший раб азартно сплюнул, взялся нашаривать вторую цепь.

– Я принимал решение по поводу судьбы выра, малек? – вроде бы с удивлением уточнил капитан, обращаясь к младшему.

– Не-а, – ехидно и с радостью откликнулся тот, не переставая глядеть на движение цепи и ежиться от каждого звяка шипастых шаров, ползущих по палубе.

– Славная потеха – замолотить гнильца, чё ждать попусту? – возмутился смуглый.

– Возьми бадью и поливай панцирь с полным усердием, –

тихо и внятно велел капитан. – Это дело и выбор твоей жизни, моряк. Или твоей смерти.

Здоровяк презрительно сплюнул и поудобнее подтянул цепь. Он чувствовал себя сильным, вооруженным и правым. Еще он полагал, что признание мятежника капитаном помогло снять ошейник, а после сразу же утратило смысл. Рядом стоял приятель, и тоже с оружием. Заросший израненный чужак при таком раскладе был заведомо слаб: он один и невооружен.

Сероглазый развернулся всем телом, неторопливо заскользил к противнику, на его губах дрогнула кривоватая улыбка. Убивать человека неприятно, если ты не выродок из тех, кому в радость чужая боль. Противно и калечить освобожденного раба, еще недавно – соседа по несчастью. Но на корабле может быть только один капитан... Тем более на этом, куда людские отбросы сгребли без разбора, приучив уважать силу.

Закованные рабы притихли. Южанин смотрелся крепче и интереснее, чем заросший, шатающийся мятежник: он твердо стоял на ногах, уверенно держал цепь и не молчал, смачно раззадоривая себя и советуясь с напарником. Мятежника-северянина именовал падалью на лад дальних от берега земель, а еще ручным выкормышем выров, что вовсе мерзко и оскорбительно.

Цепь звякнула злее, наматываясь на ладонь. Шар прочертил длинную полосу, начиная разбег. Рабы замерли, пригну-

лись, ожидая развязки и сберегая головы...

Но свиста летящего шара не последовало. Смуглый неловко, как-то жалобно, охнул... и мешком сполз на палубу. В тускнеющем взгляде возникло запоздалое недоумение. Откуда взялся в собственном животе нож – не понять. Враг был не вооружен, враг уже выглядел побежденным. Все было предельно вятно и просто!

Сероглазый сошелся с умирающим вплотную в одно движение. Вторым спихнул тело ниже, вернув себе нож. Хищно оскалился, ожидая действий вооруженного напарника южанина, замершего в нерешительности над телом. Выбор оказался простым: цепь стекла с расслабленной руки звонкими каплями звеньев.

– Бадью надобно тягать, значит, достойный брэми капитан, – тупо и торопливо запричитал недавний сторонник покойного. – Не извольте беспокоиться, это мы мигом. Дело ясное, мигом. Наваждение нашло, не извольте сердчать, уже оно сгнуло, солнце сегодня изрядно печет.

– Тебе прямиком – в лодку, – тихо велел капитан. Отстегнул еще два ошейника. – С бадьей управятся без тебя. Да: натяните парус над выром, тень необходима немедленно. Малек! Бегом в трюм, найди белую таггу, она воняет столь мерзко, что ошибиться нельзя. Еще добудь малый костяной ларец, должен быть такой. Наверху смотри, под потолком, в особом креплении. Захвати пресной воды, две фляги. Одну людям, вторую мне.

Мальчишка кивнул и юркнул в тень трюма. Капитан прошел по палубе и собрал оружие, сложил горкой в трюме, возле самой двери. Нашупал в тени сундук, подобрал к нему ключ и запер опасные привлекательностью идеи мятежа вещи, оставив ключ у себя. Отстегнул еще двоих вёсельников, следуя порядку рассадки и уже не вглядываясь в лица. Сунул связку ключей ближайшему нераскованному рабу, велел освободить себя и прочих.

– Ты и ты, по всему видно: в рыбной ловле мастера, море вам не чужое. Надо добыть скалозубов – вот тех рыбин, хотя бы двух, а лучше и поболее... Трупы за борт, не до церемоний, – негромко приказал сероглазый. – На наживку пойдут. Помощников выбирайте сами, готовьте крюки и веревки, я видел в трюме два багра, их тоже берите. Справитесь?

– Так чего же не справится? – удивился старший из получивших приказ. Удалился в трюм и там зашептал довольно громко, но невнятно, сдавленно.

– Дело спросил, – немедленно отозвался голос мальчишки, не способного молчать. – Капитан, выр ведь уже почти сдох, зачем он вам?

– Если бы не выр, я был бы сейчас окончательно мертв, а вы по-прежнему сидели на веслах, дожидаясь торга и прикосновения иглы тант, превращающей раба в тупую скотину, – ответил сероглазый, морщась и пристраиваясь возле поверженного тела земноводного. – Никогда не видел боевого выра такого впечатляюще безупречного сложения. Ни-

когда не получал из лап подобных ему оружие и не ощущал в них способности относиться ко мне, как к равному и даже – напарнику в бою. Никогда не предполагал, что выры могут с места прыгать на полную сажень, тем более пересохшие до полусмерти, отравленные... Разве всё перечисленное не занимательно? Я отсидел весьма непростые полгода в подвалах Синги, но сейчас полагаю: стоило маяться там и дольше ради столь удивительной встречи.

Капитан говорил негромко и почти невнятно, целиком занятый осмотром панцирного бойца, пребывающего у самой грани, отделяющей жизнь от смерти... «Малек» вывернулся из трюма, скользнул мимо зевак, наблюдающих за капитаном, сунул тому под руку костяной ларец и две фляги с водой. Морщась от ядреной вони, выставил бутылку темного стекла с плотно притертой пробкой. Сероглазый хмыкнул, уверенно надавил на неприметные выступы узора, вскрывая ларец. Достал иглу, маленькую ложечку, две трубки. Осторожно обнюхал рассортированные по ячейкам порошки. Смешал в свободной ячейке, набирая нужные крошечной ложечкой. Вскрыл напиток, и вонь смогли оценить уже все на палубе. Так мерзко пахло возле всех вырчих трактиров – припомнили многие.

Но сам капитан даже не поморщился: добавил в ячейку несколько капель жижи, растер смесь. Набил полученную вязкую массу в трубку, встряхнул, зажимая края.

Задумчиво изучил панцирную спину выра, жестом при-

казал перевернуть тело. Снова заскользил пальцами по сочленениям, нашел нужное место, упер в основание трубки плоско поставленное лезвие ножа и резко, с сухим хрустом, вогнал трубку на полную глубину, ударив по ножу.

– Ты умеешь лечить их? – поразился «малек».

– Травить, – усмехнулся сероглазый. Сделал несколько глотков из фляги, блаженно прищурился, вздохнул, хлебнул еще. Дополнил убыль таггой, высыпал две ложечки порошка, выбранного в ларце по запаху. Взболтал, передал мальчишке. – Меня хорошо учили травить... а прочее я сам усвоил, это дело времени и наблюдательности. Скоро он начнет шевелить ворсом у губ. Вот так разгребши щетину и капай из фляги прямо в рот. Понемногу.

– Он мерзкий, – пожаловался «малек», но флягу принял. – И вонючий.

– Ты тоже папахиваешь, и я – не менее, – хохотнул сероглазый. – Как тебя зовут, малек?

– Никак, – задумался мальчишка. – То есть всяко. Малек – годное имя. Мне нравится.

– Ладно же... Так справишься с делом?

– Не глупей иных буду, всяко уж.

Ткань паруса раскрылась над выром, даруя долгожданную тень. Морская вода заливала панцирь и палубу частыми волнами: плескали двумя бадьями, усердно, даже с некоторым азартом. Косились на рыбаков, глотали комки голодной слюны. Хищная острогорбая рыба вкусна. А чем её прикармли-

вают, не так уж важно. Торговцу людьми оказаться за бортом желали давно, и тайно, и в голос – проклиная... Прочих не жалели тем более. На отошедшую от борта лодку с изгнанными из команды даже не обернулись, усердно выказывая преданность капитану. Сероглазый хлебнул из второй фляги и отдал её ближнему из людей. Встал, прошел к борту.

– Эй, в лодке, – разборчиво и громко окликнул он. – Пожалуй, дам напоследок добрый совет, задаром. Держите к берегу, забирая южнее. Примета – белая скала с плоским верхом. Там безлюдье, морских дозоров выров тоже нет. Уходите сразу во внутренние земли. Глупости про затопленный корабль не пойте, не поверят. Лучше кайтесь в малом воровстве, удалившись от берега на три-четыре перехода. В ноги знатным падайте и клянитесь служить верно... Там был мор, крепкие руки требуются.

– А тебя сдать не надежнее будет? – зло откликнулся один из гребцов лодки.

– Как сказать... Зависит от ваших планов, – развеселился капитан. – Те, кто сдал меня полгода назад, уплыли на торг, испробовав иглы танта ещё в подвале городской крепости. Хотя им, само собой, обещали иное. Обо мне стоит забыть, если жизнь дорога. Именно так. Забыть понадежнее. Хотя бы потому, что я все еще жив. Не сброшен со стены с камнем на шее и не испробовал иглы тант... подумайте над странностью приговора, определенного мне.

Капитан отвернулся от лодки и оглядел свою галеру. Три

десятка изможденных людей, ненадежных и не особо приятных. Залитая кровью палуба, туша огромного выра, мелькающие с похвальной скоростью бады. Старый, не годный даже для средненького ветра, малый квадратный парус. Всё временно и всё – не годится...

– Идем на запад, к отмелям, – распорядился сероглазый. – Тут довольно близко. Погода нам благоволит, скоро упадет шторм. Ну, что встали? На весла, если не хотите, чтоб волны застигли нас вне мелких спокойных вод, где есть защищенная скалами бухта.

Рыбаки дружно зашумели, вытягивая на палубу тушу острогорбой рыбины. Капитан довольно прищурился: это уже вторая, и третья бьется на крюке, вот-вот добавится к улову. Вполне достаточно пока что. Самое время подзвать наиболее толкового из знакомых с морем, указать ему направление к бухте. И сесть, наконец, без сил, не пытаюсь скрыть усталость.

Капитан свалился мешком возле выра, чтобы рассматривать заново его, неущербного. Гадать: как этот прирожденный боец оказался здесь, на ничтожной рабской галере, в унижительной роли надсмотрщика? Изучать пластины могучего хвоста, щурясь и прикидывая, чей в точности знак на гравировке и как далеко от кромки главного бассейна находится данный род...

Выр в сознание не возвращался, хотя вода смыла белесую болезненную сухость с его панциря. Малек тоже старал-

ся во всю, часто и аккуратно капал лекарство в щель рта.

– Ты много знаешь про выров, – уважительно сообщил свои наблюдения Малек. – Специально учил? Ты, наверное, мстить им задумал и убил многих гнильцов.

– Глупое дело, – поморщился капитан. – Я всерьез собирался заниматься чем-то подобным давно, лет десять назад... но время шло, я менялся и умнел. Постепенно понял: нет в том избавления от бед. Я хочу много большего, чем слепая месть. Хочу понять, что вообще свело нас и что нас удерживает в нынешнем нелепом состоянии вражды за бесполезное? Зачем вырам власть над сушей? Берег им не мил. Если бы они могли, давно ушли бы. Но не уходят. И не уйдут, вот ведь что страшно. Лютуют, злость вымещают на нас. От безысходности бесятся. Мы сомнем их, Малек. Не теперь, не при нашей жизни, это я тоже понял. Их становится меньше, они вырождаются. Страшно иное. Передохнут выры, но смена власти не изменит нашего положения рабов. Мы тоже вымираем.

– Так чего ты хочешь? – всерьез удивился мальчишка, даже забыл в срок капнуть тагу в пасть выра. – Изменить закон? Стать этим... кландом всего побережья?

Сероглазый рассмеялся, а потом надолго замолчал. Он глядел на море, сияющее и прекрасное. Светлое в более мелких областях и темнеющее провалами настоящей глубины. Взгляд отмечал тень непогоды, тронувшую горизонт.

– Что-то в мире сломалось, – грустно вздохнул капитан. –

Видимо, пришло великое зло... Не скажу точнее. Только гадят и нам, и вырам. Третью силу я ищу, Малек. Давно ищу и усердно. Впустую пока что. Невидимка она, ускользает и прячется, нет даже намека на ответ. Есть лишь вопросы. Кто отравляет всякий посев спорыньей? Кто свел на нет пчел, были такие, толком не знаю, что за тварюшки, только помнится смутно старикам: лечились ими люди. Кто поразил бесплодием скот? Была такая штука: скот. Мясо он давал и молоко. Люди не знали голода в дальних от берега землях, куда вырам трудно пройти из-за маловодности тех мест. От всего скота одни козы да бигли остались... И тех мало.

– Скот, пчёлы... Странные слова. Не знаю их.

– Ладно же, скажу иначе. Кто делает несъедобной рыбу, ведь семь из десяти пойманных на юге в сухой сезон – отравы? Только эти вот, трупоеды, – капитан махнул рукой на туши, разделяваемые моряками при помощи коротких рабочих ножей, – жируют и здоровы. Кто водоросли метит рыжиной, убивающей все живое вокруг? Кто рвет штормами отмени, мешая там жить, кто отгоняет рыбные косяки? Я долго составлял счет к вырам, есть за что. Но постепенно осознал: страшнее и важнее в этой игре третий. Ему живется веселее всех... И я хочу сгноить его. Уж с помощью выров или под их прикрытием, мне безразлично.

– Так и в порту шепчутся, – вздохнул Малек, задумчиво и очень похоже на капитана хмуря брови. – Про мировое зло. Мол, есть у него корень. Говорят, раньше это звалось

колдовством. Сказки про чудеса были, а только и их никто уже не упомнит. Ох и голова у тебя, капитан! – Мальчишка азартно сверкнул глазами. – Злодея высмотрел. Всему миру помеху. Убрать бы его, слизь вонючую, да зажить по-людски. Чтоб еды до сыта и без рабства.

– Еда – тоже не суть дела, – снова вздохнул капитан. – Но вот рабство... Злости стало много в нас, кто-то её азартно выгоняет наружу, как ядовитый пот. Я сам прожил десять лет в таком поту. Я умею убивать выров, Малек. Собственно, вряд ли кто обучен этому лучше. Мне нравилось их убивать, да и теперь такое дело мне не противно. Но если глянуть со стороны, кто я есть? Часть игры третьей силы, которая забавляется моей ловкостью, нутром моим отравленным. – Сероглазый сухо рассмеялся. – Я не просто убивал выров, Малек. Я убивал так, что нашедшие их останки приходили в ужас. Сперва брал целенькими, травил. Потом рубил лапы и подрезал хвост. Мне нравилась полная беспомощность добычи. Я находил занятным разговаривать с ними, рассказывать о предстоящем.

– Тебя не зря держали в колодках, – предположил Малек, сосредоточенно глядя на пасть выра и капающую таггу особенно усердно.

– Не зря... – капитан задумчиво оглянулся на выра. Нагнувшись, изучил вбитую в панцирь тонкую трубку, покрытую теперь серой пеной по всей верхней кромке. – Я скажу тебе то, что никому не говорил. Меня учили сами выры, а точнее,

служители главного бассейна. Они же платили за уничтожение родичей, указывали способ казни и число полных дней от захвата жертвы до гибели. Мы все сошли с ума, Малек. Я понял это окончательно совсем недавно, пока сидел в подвалах, как заказанный выродёру выр. Обо мне было указание, как долго мне умирать и все прочее... Со мною тоже разговаривали, лелея глупую гордость слабаков. Иногда полезно попробовать боль на своей шкуре, чтобы утратить вкус к её причинению. Сверх того, у меня было время, я думал и сопоставлял.

– Разве не станет хорошо, если выры умрут все, окончательно? – осторожно уточнил Малек.

– Нет, наверное. Почему бы от чьей-то смерти должно вдруг стать хорошо? Ничего для людей не изменится... Выры убивают себе подобных моими руками и руками подобных мне. Люди тоже охотно давят слабых и доносят на сильных. Мы гнием равномерно, все вместе. Как это прекратить? Найти того, кто затеял гадость. Кому-то ведь выгодно происходящее. Только вот – кому?

Капитан рассеянно огляделся, словно тайный враг мог обнаружиться совсем рядом и даже пояснить свое коварство. Хмурость не покинула заросшее до глаз лицо. Малек с некоторой опаской осознал: этот человек и правда страшен. Страшнее выра. А еще мальчик подумал: собственно, много ли в его маленькой жизни приключилось зла непосредственно по вине клешнятых? Поселок сгорел из-за пьяной

выходки дядьки, на рынке поймали за воровством рыбы – люди, суд судили они же, и на корабль продали без приказа всяких там многолапых, да и кнут всегда держала рука человека...

– Что же теперь, выры хорошие? – возмутился Малек. – Ну, уж нет!

– Один выр неплох, – прищурился капитан. Стукнул сгибом пальца по панцирю. – Этот. Ему не нравилось причинять боль и видеть бессилие. Я знаю, научился наблюдать настроение и душевное состояние выров. Кажется, я нашел слаби-ну в неуловимости и невидимости третьей силы. Этот выр не содержит зла. Не считает людей мягкотелыми вонючками. Он смотрит на мир взглядом здорового существа, свободно-го от лжи... Может быть, как и ты.

– И что с нас толку? – нахмурился Малек, пытаясь смириться с тем, что нашлось качество, объединяющее его са-мого и гнильца-выра.

– Не знаю. Буду учиться у вас, – хмыкнул капитан. – До-ждусь, пока выр очнется, и спрошу, что он знает о мире и что думает про третью силу. Травили его грамотно, по своему опыту скажу: начали еще на берегу. Вряд ли возникли слож-ности... Он боец, в подобных делах ничего не понимает. Как ему и было велено, отдал на хранение свой ларец с лечеб-ными порошками, флягу тоже отцепил. Даже бутыль с таггой не взял на палубу, не по форме это – пить в дозоре. – Ка-питан усмехнулся. – Что его и спасло. После двух-трех ме-

рок таннской соли, растворенной в пресной воде, подаваемой обычно после завтрака для утоления жажды, выры сохнут с удесятеренной скоростью. Происходящего не понимают, списывают на солнце и ветер, на непривычность обстановки и усталость. Для преодоления напасти пьют белую таггу. Без добавки противоядия она еще сильнее ускоряет сушку панциря, отяжеляет движения. Так-то вот...

Снова повисло молчание. Разбавленная лечебная тагга закончилась, и теперь Малек сидел и страдал: капитан ему нравился до головокружения. И, странное дело, после разговора о казни выров вызывал еще и отвращение, граничащее с брезгливостью. Два несовместимых чувства боролись в душе, порождая боль почти что невыносимую. Капитан, кажется, и это знал. Усмехнулся, отобрал пустую флягу из-под лекарства и посоветовал сесть к барабану, помочь гребцам держать ход: шторм движется стремительно, а галера едва ползет.

Сам сероглазый нехотя отодрал усталое тело от палубы, взял бадейку с водой. Жестом отослал обоих поливальщиков на весла. И один остался над выром, поливая его, набирая воду снова, спотыкаясь и кривясь от боли. Капитан лил воду иначе, чем бывшие рабы: тонкой струйкой на стыки панциря, на затылок, на основание усов. Время шло, но выр по-прежнему не шевелился, зато серая пена над трубкой разрослась до размеров кулака. Капитан остался недоволен наблюдением, извлек из ларца вторую трубку, задумчиво покрутил, на-

бил неразбавленным порошком и вогнал прямо в затылочный стык панциря.

– Теперь или сдохнешь, или очнешься, – мрачно предрек он. – Хорошо бы еще остался в уме... Травить-то тебя начали, как я теперь понимаю, три дня назад, не менее. Но ты еще жив. Хорошо, я не брал по молодости заказы на таких здоровяков, мало вас осталось – неущербных. Небось, все пять сердец работают, и есть закрытые жабры в три ряда, и полноценные легкие на складном каркасе. Эх, сдохнешь – вскрою. Хоть гляну, как должно-то быть. Ничего я не знаю про настоящих выров, да уж ладно... Наверняка с порошком начудил, много насыпал.

Хвост выра судорожно проскреб по палубе длинную борозду. Капитан вздрогнул, беспокойно всмотрелся в лицо земноводного. Не лицо – но как еще назвать-то? Пара глаз на стержнях высоко, у основания усов, еще пара ниже – глубоко утопленных. Под ними плоская щель носа, который люди обычно по ошибке считают ртом, раз он произносит слова. Густая «борода» ворса маскирует настоящий рот. Мимики у выров нет, зато есть подвижность чувствительных ворсинок, бровных отростков, тонких волосков на стыках лицевых пластин. И они все указывают: выру окончательно плохо, его скручивает судорога. Его буквально выворачивает, мнет боль.

– Веревки давайте, – негромко приказал капитан. – Вяжем тут и тут, крепим тут, крюки под выступы спинного панци-

ря. Будем опускать в море. Пусть жабры свое сделают, легкие у него вовсе ссохлись... Живо, пока я добрый и рук не выпускаю.

С кормы захихикал Малек, не желающий верить в угрозы. Но прочие не усомнились. Забегали, исполняя приказ. Скоро туша выра, весящая изрядно более человеческой, шумно рухнула в море. Следом, морщась и ругая свою глупость, нырнул капитан. Некоторое время бывшие рабы тупо переглядывались. Обрежь сейчас верёвки, а это всего несколько движений – и снова не будет на галере власти. Вся сгинула, морем принята и укрыта.

– Не утонут, не сопите, – серьезно предупредил Малек. – Чё весла побросали? Бурю думаете удивить до оторопи?

– Капитанов подголосок, – презрительно бросил один из вёсельников.

– Зато в спину и в лицо одно и то ж говорю, – нахально прищурился мальчишка. – И ритм задаю верно. А кто рыбину тронет без капитана, того как есть заложу. Тоже, умники... Закон простой: еда для всех, но вы пока еды не заработали.

– Да, тень падает на горизонт тяжкая, аж море выгибает, – буркнул в усы один из рыбаков. – На весла, и то дело... Это корыто первого удара большой волны не сдержит. Вода ночной зелени полна, тут изрядно глубоко. Рябь ползет, беду выявляет. Верно капитан сказывал про шторм, и срок надежный дал... В порт нам ходу нет, а до отмелей покуда

добираться – взопреем. Малек, ты уж гляди, как гнилец себя покажет за бортом. Багор я приготовил. Мало ли, вдруг сунется к нам или еще что вычудит.

Люди зашумели согласно и нестройно, споро расселись по скамьям. На разделанную рыбу смотрели часто, от её вида и запаха голод донимал ещё сильнее. Гребля выходила злая, упорная. Малек выбрал удобный ритм и держал его, а сам неотрывно глядел за борт.

Веревки длинные, тело выра тянется за кормой, то всплывая и обозначаясь буруном, то исчезая под водой. Голова капитана пару раз вроде мелькнула – но точнее и не сказать. Одно ясно: пока нет ему угрозы от гнильца. Мальчишка сморщился и тряхнул головой. Разве хорошо это: звать всякого чужака гнильцом? Хотя – причина есть. Выры изрядно пахивают притухшей старой водой у рыбного причала. Еще и таггу пьют, тфу, гадость... Как сами терпят? Привыкли, наверное. Этот выр скоро отполоскается в море дочиستا и приобретет, скорее всего, иной запах. Поприятнее: соли, чистой воды. Даже из пасти не будет вонять невыносимо смрадно. Главное – путь выживет... От мысли, что капитан убьет еще одного выра, мальчику делалось знобко и тошно.

Шром умирать не собирался. Жабры, как и надеялся сероглазый северянин, в море раскрылись без участия сознания, заработали, жадно процеживая теплую вспененную галерой воду. Жабры добывали для выра надежду на спасение.

Яд уходил, чистая вода промывала и поила силой. На панцире быстро восстановился здоровый скользкий глянец, но судорога боли по-прежнему гнула тело, вынуждая выражаться в веревках, путаться все сильнее. Капитан ругался сквозь зубы, когда мог вынырнуть сам, вздохнуть и высказаться. Он раз за разом распутывал сеть, проверял прочность крепления крюков. В какой момент вырви глаза на длинных стеблях обрели осмысленность – то есть втянулись и направленно прицелились в человека, изучая его – капитан не успел отметить. Просто вынырнув очередной раз, сплюнув соленую пену и проверив крюк, он ощутил взгляд. Задумчивый и удивленный...

Выр пошевелился, выправляя движение должным образом, развернулся хвостом к галере, полнее заливая жабры влагой. Теперь он плыл сам, поочередно проверяя подвижность конечностей и обшаривая горизонт обоими разнородно двигающимися главными глазами. Отсутствие уса выр отметил дробным расстроенным перебором клешней, обычно плотно прижатых к головогрудю. Ощупал верхней парой «рук» затянутую серой пленкой рану.

– На борт втягивать или сам? – понадеялся капитан, хорошо понимающий, как непросто втянуть эдакую тушу. Особенно если упрется...

Выр нырнул неглубоко, вокруг его головогрудю вспенилось облако мельчайших пузырьков. После всплытия он резко выбросил из легких воду и продышался шумно, длинно.

Снова нырнул и снова продышался.

– Сам, – голос звучал слабо, невнятно. – Приятно дожить этот день, тем более – так... в воде. Приношу благодарность Шрома ар-Бахты, да.

– Трудно с тобой придется, – капитан сплюнул пену. – Не назовусь – обида навек. Назовусь – потащишь известно куда, к главному бассейну. Ты же выр глубинной чести, нелепое сочетание слов, забытое... Но ладно же. Имя мое Ларна. И я тоже признателен тебе за право дожить день... пусть и в воде.

– Дался мне главный бассейн, что я, не в уме, не знаю гнилости ар-Сарны? – ворс возле рта выра встал дыбом от презрения. – Честь ума не отравляет, да. Без ведома служителей кланда брат не мог исключить меня из числа живущих... Ларна. Имя знакомое, да. Получается, на твоей мягкотелой совести страшная смерть обоих старших бойцов ар-Нашра. Нехорошо, не по чести. Славные были выры, я с ними не раз затевал бои на отмелях, по-дружески. Но – кто старое помянет, тому ус вон. Мой уже вырван... Начнем заново пересчет заслуг и преступлений, человек. Все же у нас было в бою одно оружие на двоих.

– Начнем пересчет, – от души обрадовался капитан.

– Ты за второй-то ус держись покрепче, и нижние прихвати, да, – в движении бровных отростков читалась усмешка. – Вряд ли кто прежде прыгал верхом на выре. По крайней мере, на памяти моего рода. Это уж – да...

Ларна хохотнул, сердито сплюнул воду и взялся помогать выру развязывать веревки. Удобно вцепился в острые изгибы кромок спинного панциря, прихватил скользкие мелкие усы. Расслышал, как над бортом верещит Малек, сообщая всем подробности и добавляя от себя весьма спорные измышления. Мол, капитан силен, выра за усы таскает, воспитывает...

Выр фыркнул, предупреждая о погружении. Ларна глубоко вдохнул и подумал: не иначе, само слово «выр» происходит от этого звука схлопывающихся и раскрывающихся легких – фр-рр. А вовсе не является первым слогом от «выродок», как любят намекать люди... Мысли как раз хватило, чтобы пронаблюдать обросшее до безобразия днище галеры, мелькнувшее над головой, ощутить рывок и снова вернуться в родной человеку мир воздуха и света. Выр взвился над морем, взломав поверхность витой воронкой брызг. Перевернулся в полете и мягко – немислимо, но так – спружинил на все свои многочисленные лапы и «руки». Палуба испуганно застонала. Первый в истории рода ар-Бахта наездник выра скатился на доски и расхохотался.

– Это было славно, клянусь первым убитым мною выром... прости, вырвалось.

– Лучше бы поклялся последним, да, – достаточно мирно предложил выр, топоча лапами. Изгибаясь, он вытягивал глазные стебли, изучал свой помятый панцирь и сильно подпорченный хвост. – Хотя... род ар-Бахта богат. Может,

я найму тебя, чтобы сменить хранителя бассейна. Занятная мысль. Сам я сломаю панцирь Борга мгновенно, упустив всю прелесть мести. Ведь должна же быть в мести хоть малая прелесть, да? Я много раз об этом слышал.

Выр закончил осмотр себя и нашел повреждения несущественными: на мелководье, в боях, ему доставалось куда сильнее. Тогда почему ноет макушка, словно тагги выпил не менее трех бадеек? Шром еще раз огляделся. Приметил открытый ларец, пустую бутылку тагги...

– Меня отравили, – мрачность звучала в голосе вполне отчетливо. – Как мерзко. Чем лечил?

Шром ловко забросил длинную членистую лапу на затылок, поддел кончик трубки с порошком, вырвал. Сунул в пасть, пошевелил усом.

– Ты умеешь лечить выров. Надо же, полезный выродёр, да... когда не берешь заказов. – Шром насмешливо дрогнули бровными отростками. Медленно и не вполне уверенно выпрямился в рост, опираясь на основание хвоста. – Приветствую, люди. Я Шром. Видимо, волею глубин мы пока плывем в едином течении. Для вас это неплохо, я умею ловить рыбу и без... наживки. А вот кого вы намеревались завтра бросать за борт – это веселая тема, да. Три рыбины на весь корабль. Мне одному надо две, чтобы ощутить радость жизни.

Люди настороженно внимали разговорчивому и очень странному выру – самому странному из мыслимых и немис-

лимых, уж так точнее. Уважительно косились на капитана: как это он все уладил? Укротил страшилище, даже оттаскал за усы. Малек притих под бортом и не дышал. Ему только что пришло в голову: выр слышал все его глупости, до последнего словечка. Прав капитан, молчать кое-кто не умеет. Вот и расплата: великан топчет по палубе напрямик к обидчику. Не дергай выра за усы – это же более, чем закон, это основа правил выживания...

Выр внимательно рассмотрел барабан, ткнул в гулкую кожу кончиком лапы. Послушал звук, заинтересованно шелестя клешнями. Еще раз ткнул, посильнее.

– Эта штука была мне интереснее всего на борту, еще от самого порта, да, – признался выр. – Удобная вещь. Мы-то ритм отстукиваем хвостами. Но палуба сильно страдает...

Выр показал и стало очевидно: барабан очень полезен. Все люди на борту гребли, бессовестно глаза на говорливое существо. Выров на весь порт Синги и ближние земли пять десятков, хотя там основная боевая застава и рядом – мелководье, существующее ради сезонных поединков лучших. Пять десятков! Глянь на любого, пройди рядом, не склонив головы, – и голова сама слетит в последнем поклоне... Это известно с рождения и не поддается изменению. Но, кажется, одному выру забыли рассказать главный закон.

– Позвольте уточнить, достойный ар, – рискнул заговорить пожилой рыбак. – Вы прежде с людьми общались... часто?

– На мелководье людей нет, – Шром резко шевельнул ворсом у рта. – Только тантовые куклы, да. Не знаю, зачем их, то есть вас, так уродуют. Род ар-Бахта был против. Это еще при моем брате Бошtare, триста семь лет назад. Мы подали прошение. Куклы бесполезны и порождают отвращение. Они грязны и быстро изнашиваются. Простите, я повторяю слова прошения. Мы хотели допустить в особняки и замок обыкновенных слуг. Но нам, скажу коротко, отказали. – Шром повернул левый глаз к капитану. – Мой славный брат Боштар умирал девять дней, он был неущербным, жизнь медленно покидала его. Полагаю, ты знаешь, как такое делается, да... Три последователя Боштара в общем счете были раздавлены еще в зародышах. Чтобы изжить непочтение к закону.

– Помогло? – усомнился капитан.

– У меня есть почтительный к законам брат Борг, он хотел отправить меня в те же гроты боли, – на сей раз голос прозвучал тихо и даже мягко. – Я это помню, да... Я прежде видел людей, спросивший, я отвечаю – да. Бывал в трактирах и пил таггу, белую и даже зеленую, гулял по набережной. Очень старался помнить о своих братьях живых и раздавленных, соблюдая закон. Проще победить в бою на мелководье, чем прожить хоть короткую жизнь на берегу. Там нет боя, там сплошное уклонение, возведенное в ранг доблести, да. Вы уклоняетесь не хуже нас. – Шром отвернул оба глаза от рыбака и прицелил их в Малька. – Хочешь таскать выров за усы? Достойная внимания наглость. Накорми спер-

ва печенью. Надеюсь, никто не лишил меня права первым испробовать печень тех рыб? Всех трех, да! Мне необходимо восстановить гибкость тела. Жирное следует для этого поедать, да. И много, да. Иди и принеси, я сам постучу в эту штукювину.

Разговорчивость выра потрясла команду галеры. По сути Шром не замолкал: он часто поддакивал самому себе, широко поводил уцелевшим усом и постукивал в барабан поочередно всеми верхними руками-лапами. Ритм получался точный, хоть и отличный от прежнего: приплясывающий, многослойный. Выр удобно сполз под борт, изогнув хвост. Включил в работу еще три пары лап – и барабан показался людям совсем не бестолковым инструментом для создания музыки. Шром пощелкивал клешнями, взвизгивал по древесине бочков острыми кончиками панцирных пальцев, звякал лапами по медной окантовке и стучал по натянутой коже.

– Куда же это мы, мать честная, гребем? – ужаснулся один из моряков, глянув, наконец-то, вперед.

– Отмели там, – ус выра указал направление. – Едва вы закончите круг, как раз встанем на курс, да. Хороший курс. Там живет мой брат. Надеюсь, он в здравии, мокр и сыт.

Малек притащил бадью с печенью, сунул поближе к хвосту выра найденную в трюме вторую бутылку тагги. И ревниво отобрал свой барабан. Поцарапанный, сразу утративший даже жалкие остатки внешнего лоска. Выр виновато фыркнул и подцепил печень верхними руками. Человечьей ладо-

ни у выра не имелось, все пальцы росли из общего основания фаланги пучком – отметили любопытствующие, продолжая глазеть на выра вблизи, безнаказанно. На выра, сосущего и перетирающего печень! Между тем, за едой повелители мира якобы несносны и чужих глаз не терпят: вырывают. Порой говорят, потому они и выры... Им лишь бы кого изуродовать.

– Вкусно, да, – радовался Шром. – Не солили потому что. Вы всё солите! Это разрушает мою веру в разум людей. Зачем готовить еду впрок на теплом берегу? Чтобы отравиться понадежнее, да! Рыбий яд ужасен. Особенно для вас, сухопутных. Тант – рыбий яд. Безумие ваше, да. Наше – тоже... Зачем вырам повелевать сушей? Один кланд знает ответ. И мой брат Борг, пока еще живой. Но я этим займусь. Да, обязательно.

– Кландом или братом? – уточнил Ларна.

– Я буду думать. Не надо спешить в таком важном течении мыслей, – Шром быстро всосал очередную порцию печени, не растирая её пластинчатыми подобиями зубов. – Много рифов вижу на пути раздумий, да. Нет знания вод и скрытого, донного. Но есть намерение разобраться... Я довольно слабо сыт, но уже могу двигаться. Поплаваю, да. Много рыбы там и там. Хорошей рыбы, полезной. Без танта. Ты, недоросший, бери мешок. У вас для рыбы – мешок?

– Сеть, – предположил Малек. – И я зовусь Малек, а не какой-то недоросший.

– Бери сеть, – согласился Шром. – Цепляй к ней пузырь. Будем сразу выбирать полезную рыбу. Ты и я, да. Малек... Смешно. Никогда не учил мальков. В моем бассейне, – тут Шром загрустил и поник усом, – нет мальков. Нет готовых зародышей братьев. Только трое нас, настоящих ар-Бахта, в замке, и еще один на отмели. Все взрослые. Нельзя новых братьев будить. Нет разрешения.

Шром резко поднялся на лапах, получилось непривычно: не вверх вытянулся всем телом, а вдоль палубы, только головогрудь слегка наклонена и приподнята. Люди заинтересованно предположили, что такой способ передвижения для вырвов удобен. Они бегут, не напрягая нелепо выгнутую спину. Топочут своими множественными лапами слитно и ловко. Но – недостойно властителей суши. Сейчас глаза Шрома едва выдвигаются на один уровень со взглядом Малька.

– Залезай, – в шевелении ворсинок были очевидны признание. – Буду воспитывать личного малька... человеческого, да. Ну и что? Смешно. Годится. Ты и капитана дергаешь за усы, я вижу. Ты всех извел, да. Пусть отдохнут. Только ныркий малек доживет до отверждения панциря. Залезай уже, да. Голодный выр опаснее шторма. А голодный выр в шторм... да.

– На спину? – шепотом уточнил потрясенный Малек.

Ус насмешливо хлестнул его по руке, подгоняя. Мальчишка взвыл от восторга и полез, цепляясь беспорядочно за выступы панциря и скользя по его гладкой влажной поверхности. Станным образом он забыл сразу и окончательно

но, насколько плохо пахнут выры и как сам еще недавно звал их гнильцами. Рыбак подал сетку с привязанным поплавком, пожелал удачи – и выр прыгнул за борт, фыркая и азартно пощелкивая клешнями.

– Ему солнцем напекло затылок, – успокоил себя пожилой моряк, наблюдая удаляющегося от галеры Шрома с седоком на спине. – Свихнулся. Хорошо так, удачно и вовремя. Жрать нам, дело ясное, вовсе нечего. И сегодня, и завтра, и вообще... Но для нас охотится безумный боевой выр. Здоровенный. Я так прикинул, еще пополудни: багром не взять. Брэми Ларна, как вы умудрялись давить их, и не соображу. Не для людей дело.

– Я называл имя? – расстроился капитан.

– Настоящих выровых наемников не так уж много, – лениво усмехнулись с передних лавок. – Северян и того меньше, затопило вас слишком сильно еще два века назад, последние ваши селения опустели на землях за проливом, что севернее Горнивы. Мы прикинули и не ошиблись. В общем, хватит лохматостью всех страшать.

– Особая примета, – насмешливо сообщили с задних лавок, – на шее шрам от клешни выра. И второй под правым глазом, ухо же правое внизу порвано. Обманул нас прежний капитан. Вы стоите дороже галеры, брэми. Вы самая интересная сказка нашего времени. Во всяком трактире, напившись, считают убитых вами выров. И гадают, почему вы еще живы.

– Потому что убивать выров меня нанимали выры, – оскандился Ларна. – Полагаю, больше не наймут, не вижу смысла гордиться содеянным. Разве что Шром попросит разобраться с братом. Знать бы, почему они все – братья? И насколько соответствует смысл слова нашему, людскому?

Капитан задумчиво прочесал бороду пальцами. Поморщился: душно и противно быть столь лохматым... Сидящий на веслах почти рядом пожилой моряк буркнул, что прежде недолго брадобрействовал. И взялся точить нож. Ларна не возразил, ушел на нос галеры, всматриваться в светлеющую малой глубиной воду. Дважды он давал поправку курса и рассеянно скользил взглядом по ряби волн, пытаясь найти выра и Малька. На тучу, выросшую до угрожающих размеров полумира, не глядел.

– Брэми, что дальше? – посмели осторожно спросить из-за спины. – Отсидимся мы, непогода минет.

– Проще простого, – отмахнулся Ларна. – Подделаю пергамент на имя нового капитана. Того, которого вы выберете. Шром тиснет свою клешню, и пойдете вы дальними плаваниями работать, как наемный корабль семьи ар-Бахта. Славный вырий род, богатый, только больших галер у него – до двух сотен... кто их считает? Скоро брату Шрома и во все недосуг станет заниматься этим делом. Дальние перевозки хороши. Не рабы, а тагга с южных островов, северный камень для облицовки полов, прочий дорогой товар. Недурственная жизнь будет у вас. И спокойная, если по пьяни лиш-

нее в порту с языка не соскочит.

– А вы не с нами?

– Я? Сам по себе, как всегда, – поморщился Ларна. – Хотя нет, я со Шромом. Надо ведь разобраться, насколько сошел с ума этот выр. Или все прочие безумны? Я смотрю на него и понять не могу: как мы дошли до нынешнего состояния, если прежде в большинстве выры были неущербны? Они же не склонны воевать. Они вон – усы сами себе рвут... и оружие отдают людям. Кто нас поссорил? Очень хочу понять это.

– Говорят, на одиноком пустынном острове есть место, куда нельзя войти, – буркнул моряк. – Древнее место, люди его укрепили еще до рабства вырского. Только никто не находил того места.

– Знаю эту сказку, – кивнул Ларна. – Не верю, но, может статься, проверю...

Воронка брызг с оглушительным грохотом раскрылась у самого борта. Шром – сытый разыгравшийся боевой выр – взвился над палубой и рухнул, щедро рассыпая воду и пену. Малек визжал от восторга все там же, на спине. Затем он скатился на охнувшую палубу, снизу вверх глянул на капитана. Таким детским, счастливым и благодарным взглядом – Ларна даже задохнулся. Попытался вспомнить, когда в последний раз видел столь беззаботно смеющегося ребенка и был ли хоть однажды, в забытом голодном детстве, сам таков. Но память растопырилась вырым хвостом – и отдала

только боль невозвратности ушедшего.

– Я ныркий! – визжал Малек, азартно стучал по палубе кулаками и хохотал. – Ой, какой ныркий! Дядька Шром меня едва догнал. Правда, ну честно! Я рыбину поймал зубами.

Ларна старательно улыбнулся и громко похвалил. Принял у Шрома из рук веревку: выр исправно притащил за собой полную сеть рыбы. Надо поднять и разделать, надо распорядиться насчет ужина. Надо и про шторм не забывать, рядом уже, вон как море выглаживает, на большой ветер готовит парус поверхности... Много дел. За ними удобно прятаться от своей растерянности.

Утром, увидев Шрома на палубе, выродер Ларна зло подумал: неплохо прибавить этого здоровяка к тем одиннадцати. Последним, зато – до дюжины. Никто из наемников не может похвалиться таким роскошным списком клешнятых. Боевого выра завалить – дело интересное. Обычно требует оно длительной подготовки. Не быстр и сам процесс убивания: он растянется на семь, а то и десять, дней. Думать подобное казалось нормально. Еще кому напекло голову, вот вопрос... Он, Ларна, самый успешный убийца выров за многие годы. Он губил – теперь это страшно и больно признавать, но вряд ли есть ошибка – он губил лучших. Хотел разобраться, думал поймать в сеть своих замыслов загадочную третью силу. И умерщвлял лучших по приказу подлецов. Как один из подобных ему травил Шрома на берегу и готовил к казни.

Выр простучал броней лап по палубе, встал рядом и вце-

пился в канат.

– Сам вытяну, мне удобнее, я тяжелее тебя, да, – весело булькнул он влажным носом. – Я знаю весь косяк твоих мыслей, Ларна. Не туда он плывет. Ты убивал выров. Плохо, без чести. Я тоже убивал выров. Хорошо, с честью. Я убил пятнадцать. Но со всей своей честью я служил орудием тех же, как вы говорите, гнильцов. Честь, месть... Похожие в звучании слова у вас, у людей, да. Опасные, они туманят макушку и жгут спинной ум сильнее тагги. Надо нырнуть поглубже и успокоиться. Прошлое там, за кормой. Буря минет, мы немного поузмеем. Гнильцов много и у вас, и у нас. Хватит им служить.

– Тогда они всерьез займутся нами, – заинтересовался Ларна, помогая тянуть канат.

– Нет, мы займемся. Сами, зачем ждать, да? – Клешни азартно щелкнули. – Я знаю, куда нам плыть, да. Точно знаю. Ты слышал о золотых книгах глубин?

Рыба с шорохом перевалилась через борт, всей сеткой жидкого плеска и блеска шлепнулась на палубу. Ларна отступил, давая место мастерам разделки. Голодным мастерам: вон как ножи двигаются, только росчерк виден, не само лезвие...

– Никогда не слышал о золотых книгах, – удивился капитан. – Что это такое?

– Единственная причина интереса неущербных выров прошлого, еще до времен рабства людского, к ценному у вас,

сухопутных. Золото не стареет и не вымокает, не ржавеет и не ссыхается. Мы покупали его всегда. Раскатанное в тонкие листы, да. На них записывали важное. Глубинное и нестираемое, да. – Шром прилег на палубу, поскольку капитан в задумчивости сел и приготовился слушать. – Мы утратили многое, когда желтая смерть украла нашу жизнь в мире без суши. Но часть книг цела. Кланд боится памяти. Он мнёт листы и переплавляет в монету. Он запретил хранить книги в одном бассейне. Некоторые забрал и увез в городские крепости. Я знаю, где искать. Можно попробовать. Нужно, да. Мне, тебе и Мальку.

– Его не дам втягивать в...

– В пасть бед? – фыркнул выр. – Поздно, мы все проглочены, разве ты не ощущаешь вонь гнильцов и их мыслей? Я выр и знаю, где находятся книги. Ты опытный наемник и можешь отвлечь других выров. Но пройти по стеклу сторожевого зала не способны ни я, ни ты. Малька оно выдержит, да.

– Нельзя рисковать детьми. Разве ты не понимаешь? Малек еще слаб и мал.

– Глубины не делают поблажек. Давно, когда не было желтой смерти, из нереста в тысячу мальков до первого окостенения панциря доживали двое, самое большее – пятеро. Это делало нас неуязвимыми. Мы ничуть не боялись смерти, да... Когда пересчет идет на тысячи и сотни тысяч, можно так жить. Но, знаешь, я думаю: даже теперь нельзя жить по-иному. В полсилы.

– Но мы-то не нерестимся и не обзаводимся тысячами мальков, – отчаялся объяснить разницу в продлении рода Ларна.

– О да, это я знаю, – длинный ус обвис и стукнул по палубе. – Это была первая наша ошибка, так сказал мой брат Шрон, очень умный выр. Мы не поняли, что для вас дети – не мальки. Не осознали разницы суши и глубин... Мы не знали, что вы обретаете разум сразу и под опекой. А мы – только после окостенения панциря развиваем свой, да... Мы захватили порты, полагая вас мягкотелыми трусами, недостойными моря.

– Порты? – удивился Ларна. – Вы захватили всю сушу.

– Ты повторяешь слова других, не читавших книг, – фыркнул Шром. – Я тоже не свои говорю, но брат читал нашу книгу. Порты мы захватили сторяча, семь веков назад, может и больше. Давно, совсем давно... Тогда и началось непонимание, хотя мы поделили с людьми побережье и мир вернулся. Вот второй раз мы пришли на берег по иной причине. Просто не стало выбора у нас, да... Желтая смерть поднялась к самой поверхности.

– Откуда еще эта напасть взялась, – вздохнул Ларна. – И не уходит, не рассасывается. Точно как туманы на холмах. Знаешь о них? Злые туманы, тоже по-своему ядовитые. Убивают посевы, и люди уходят ниже, к берегу. Словно некто нас сгоняет в кучу, стравливает. Третья сила.

– Не обижайся, капитан, – ус презрительно лег вдоль тела

выра. – Не верит боевой выр в невидимого врага. Да, так вот. Если вижу – бью. Если не вижу, нет врага. Это моя слабость, знаю сам, но меняться больно и трудно. Мой брат Борг – третья сила и гнилец. Твои наниматели тоже все таковы, да.

– Тогда что ты хочешь высмотреть в книгах глубин? – задумался Ларна.

– Есть у нас большое горе: мы вымираем, – тихо, едва слышно, отозвался выр. – Причину я понимаю. Но как сломать её? Как нам желтую смерть одолеть, да... Это моя цель.

– Может, назовешь причину? – в голосе капитана скользнула вкрадчивость опытного сборщика сведений, нашедшего новое подтверждение своей идеи о тайном и могучемладыке зла.

– Не назову, нет! – выр рывком вскинулся на лапы. – Пойми верно и не злись. Ты человек. Хороший по-своему, но человек. Ты убивал выров и тебе это нравилось. Я не дам тебе тайны, годной для уничтожения рода. Не дам. – Шром снова лег и замолчал надолго, клацая броней по палубе, не успокаиваясь ни на миг. Потом сник и затих. – Объяснять надо слишком долго, да... Это тоже важно. Совсем мы разные. Может, потом поговорим. Совсем потом, нескоро. Одно добавлю. Это нас травят, нас хотят стереть из жизни. Вас только краем задело. Да, и не спорь. Нет третьей силы. В глубинах у нас нет великого врага, не было никогда. Но именно оттуда нас и выжили.

– Так это и людям не к пользе, тащить вас силой на по-

верхность, – обрадовался своей правоте Ларна. – Значит, есть еще кто-то и я прав, признай. Может, кто-то начал с вас, но не остановится он. Это мое убеждение.

– Убеждения хуже панциря, – Шром потер клешни о бока. – Когда их взламывают, бывает очень больно. Главное – не умереть и принять новое. Когда я прошел через первый возраст и достиг поры перемен... не важно, да. Это было большее всего. Знаешь, сколько живут неущербные?

– Нет.

– И я толком не знаю. Но еще лет сто у меня в запасе, – без тени радости отметил Шром. – Сто лет пустоты. И боль, которую не унять боем. Мы – взрослые – деремса, чтобы хоть на время стать прежними, да... молодыми и глупыми. Сегодня был хороший день. Бой. Много радости, еще больше глупостей. Я отдохнул и стал собой прежним. Цельным и вполне даже выром, да...

Ларна покосился на Шрома с некоторым сомнением. В словах выра нашлось немало странного. Как может выр не ощущать себя «вполне выром»? Тогда кем же? Ясно ведь, что тут и лежит разгадка многих невысказанных вопросов, на которые выром не будут даны ответы...

– Дядька Шром, – в голосе Малька звучала несвойственная ему ласковость, совсем не колючая. – Я тебе печени набрал. Будешь?

Глаза на стеблях обратились к Мальку. Чуть дрогнули вниз-вверх. Ларна рассмеялся. Стоило выру прожить день

в обществе людей – и он уже научился кивать. Глазами. На стебельках... Что будет завтра? Есть ведь пожатие плеч, подмигивание, кривая усмешка, морщенье носа, моргание... Исполнить невозможно, но найти свой способ отразить всё это без слов? Пока у выра получается.

Ветер задул неровными рывками, словно проверил борт, толкая и осаживая галеру, упрямо идущую к мелководью. Ларна встал, перебирая по борту руками. Двинулся на нос корабля. Мелкая вода уже рисовалась вокруг, охватывала все плотнее узором невнятных, но близких к поверхности скал. Провести здесь даже небольшую галеру сложно. Тем более в упрямо густеющих до срока сумерках непогоды. Но Ларна не сомневался в себе. Распоряжался коротко и внятно, зная: за спиной ему верят. Исполнят, и не стоит ждать ножа под лопатку или иной гадости. И не только по причине любви к сказке про удачливого вырождёра. Скорее уж из-за панцирной были в две сажени длиной. Себя не стоит обманывать. Он – опытный травленный зверь, и он с первого мига свободы боялся ночи на галере. Надеялся прикрыть спину выром, затевая спасение Шрома. Пусть выра режут и на нем вымещают злобу... так думалось днем, когда солнце пекло голову и вливалось в сознание усталость пополам с озлоблением. Теперь – иначе. Всё иначе. Выра никто не тронет. Ему не будут мстить за грехи родичей. Потому что его боятся? Может, да. Уважают? Не без того. Рассчитывают использовать? Люди

это соображение всегда держат на дне души... или рассудка. Но есть и иное. Выр теперь – живая сказка этой старой галереи, постанывающей под порывами ветра, поскрипывающей веслами. Её кормилец, её надежда и её доброта. Такая вот – неожиданная, с клешнями и без одного панцирного уса.

В мешанине пятен и теней на воде коридор движения едва обозначен даже цепкой памятью наемника. Сюда Ларна добирался дважды, пробно, полгода назад. И предпочел бы никогда не говорить о том Шрому. С третьей попытки он должен был убрать выра. Как теперь ясно, имя тому выру – Шрон. А заказал его все тот же Борг, неугомонный хранитель бассейна, пустеющего с каждым новым злобным помыслом.

– Ты хорошо знаешь проход, – в голосе Шрома проявилась хрипота усталости. Или тревога? – Я понимаю, куда он выведет нас. Скажи сразу. И он... тоже?

– Я солгал нанимателю, что не нашел его, – сразу признался Ларна, чувствуя себя совершенно счастливым от сказанного. – Но я видел его. Большой сплюснутый хвост и отсутствие двух пар верхних лап-рук. Трещина на панцире, разорвавшая гнездо спинного глаза. Шторм был жесточайший... а я тщеславен, ар. Предполагал вернуться, когда твой брат выздоровеет, иначе я мог утратить славу честного выродера. Наниматель моих идей по поводу чести не оценил. Хранитель главного бассейна Синги получил его письмо. И сказал: хватит возвращать сказку о непобедимом наемнике. Кланд

отказал мне в прилюдной красивой казни, создающей славу и после смерти. За что ему спасибо.

– Тебя подробно выпросили обо всем важном, а позже тихо и без огласки предназначили в рыбий корм, – голос Шрома обрел былую звучность. – Надеюсь, нового выродера за полгода не наняли. Занялись мною, да...

Выр доел печень и погладил пальцами плечо Малька. Парнишка заулыбался, придвинулся спиной к самому боку выра.

– Дядька Шром, ты не обижайся, я спрошу, ладно? Почему выры так пахнут гнилью? Ну, не особо это приятно для людей, и название опять же прилепилось гадкое... – Малек глянул жалобно. – Я думал, панцирь слизистый от гнили. Много глупого думал.

– Мы любим сырую рыбу, да, – предположил выр, от замешательства почти пряча глаза на втянутых стеблях. – Привыкли жить в соленой воде, которая нас моет. В погружении иначе все с запахами, а на воздухе... мы не учли суши и устройства городов, да. Есть особенности в жизни на берегу. Беда еще в том, – выр виновато шевельнул ворсом у губ, – что мы любим несвежую рыбу. Особенно с зеленой таггой. На чем настаивают таггу черную, тебе лучше и не знать, да. Говори дальше, я слушаю тебя. Видишь: уши свои сухопутные раздул, мне интересно и я не сержусь.

– Если бы ты умывался и полоскал рот, – глядеть на багрового от неловкости Малька было смешно и интересно. – Ну, я вот так смекнул, ты не серчай.

– И часто полоскать? – насторожился выр.

– После еды.

– Всего лишь запах, да... Примерно так и начинаются недомолвки, – предположил выр, поводя хвостом и вытягивая стебли глаз. – Не будь Малька, я бы за всю жизнь не узнал, что вас вынуждает отстраняться от меня на два-три шага. К ночи я заподозрил бы угрозу сговора и даже опасность нападения. Прождал подлости до утра. Без отдыха остался бы, да... Сопоставил слова и дела, додумал несуществующее и утром напал бы сам. Трудно жить молча, без понимания. Ты молодец, Малек, да. Я устал, у меня болит все тело так сильно, словно панцирь изнутри засыпан песком. Я хочу отдыха и снов, сладких снов об утраченных глубинах... Но сначала мы найдем моего брата. Идем умываться. Нырнем несколько раз и позовем его, пока волна невысокая. Покрутимся у берега. Согласен?

– Я ныркий, – гордо напомнил Малек. – Твой брат людей как – крепко не любит?

– Мой брат... не знаю, – задумался Шром. – Спросим при встрече. Он уже в годах, мы к такому возрасту или протухаем до окончательной мерзости, или становимся мудры. Я не готов превозносить свой род. Есть и гнильцы, и твердые ары, глубинные.

– Выры, – поправил Малек.

– Не вполне так, – нехотя бросил Шром, без лишнего плеска сползая с борта. – Скорее ары. Ар – слово особое.

Обозначает достойных. Достигших мудрости, да... можно так сказать, вполне. Прыгай, не топчись. Ус вот лови, крепче держи. – Выр шумно фыркнул. – Дожил. Только среди людей и могу находиться с таким позорным обломком уса. А ну как новый отрастет вовсе коротким? Переживаю я, да... А еще руку рвать, позором сургучного договора отмеченную. Завтра займусь.

Закончив с пояснениями и дождавшись, пока Малек гордо устроится на спине, выр поплыл к отмелям и заскользил по ним, порой касаясь лапами дна, а порой погружаясь до самых глаз. Издаваемых им под поверхностью «криков» люди не слышали. Но понимали, что Шром выглядел обеспокоенным: он не получал ответа и кружил, расширяя область поиска.

Галера миновала самый мелкий участок лабиринта и двинулась быстрее, капитан теперь то и дело поглядывал на небо, да и прочие не жаловались на утомление. Ветер начинал посвистывать и нагло рвать с волн пену, делая их макушки острее, а говор – злее.

– С юга задувает, – отметил старый рыбак. – Хорошо. Точки до южной оконечности отмелей далече, волна ссядется, настоящую силу не получит. Вот северный шторм страшен. Его надобно перемогать в ином месте.

Ларна молча кивнул, указал рукой на воду. К галере плыли два выра. Малек лежал на спине Шрома, вороненой и широкой. Второй выр был того же тона, но более тусклого. Он

остался у борта галеры, когда Шром вполз на палубу и ссадил Малька. Повел хвостом, выражая свой восторг по поводу погоды. Дождь срывается! Дождь, по мнению выров, лучшее, что есть вне глубин.

Шром резво подбежал к Ларне.

– Пусть кинут канаты. Мы с братом чуток подтянем вас, да... течение пошло в рост, без того нельзя пройти уверенно. Два каната. Носовой и кормовой.

Закончив давать указания, выр рухнул в море, наслаждаясь обилием брызг, шума и ничуть не опасаясь острых скал в мелкой воде. Ларна жестом указал, где крепить канаты, к каждому поставил людей для страховки. Подумал: удивительный попался выр. Боевой, неущербный, взрослый... и все же до смешного ребячливый. Скучно, оказывается, существу общительному и доброму по сути своей – быть хозяином мира. Пить тагу при молчаливых слугах, жить в окружении пустоголовых кукол. После действия тантового яда люди себя не помнят. Хуже: способны исполнять лишь простейшие указания хозяина. Зато – и не думают, и предать не способны. Куклы, иначе не назвать. Послушные и тупые. Спасшись из их мира, Шром доволен новым обществом, где его не просто слышат – его слушают.

Оба каната натянулись, галера пошла ровнее, гребцы зашумели, выражая радость. Ларна усмехнулся. Пожалуй, и это тоже в новинку для выра: его могут хвалить люди – и такая похвала приятна. Капитан уточнил курс, крикнул: скоро

станет видна и сама бухта. Удобная, с юга довольно высокие скалы. Надо готовиться к постановке на якоря. И снова подумал: как нелепо это разделение двух народов. Вместе можно делать так много интересного! Но создан целый свод законов. Выстроена крепчайшая стена, она разделила сухопутных и водных – положением в обществе, достатком, правами, привычкой и поведением. А сверх того – предрассудками и накопленными счетами обид, мести... Как изменить такое? На одной галере запросто получилось: благодаря Шрому, существу необычному во всех отношениях. И теперь эта галера, вся её команда, определено вне закона. Не так людям надлежит смотреть на своих хозяев! Мысли собравшихся здесь, случайно обретенный ими опыт – опаснее для миропорядка, чем все сказки про выродера Ларну, удачливо-го мстителя. Мечь не создает ничего достойного, она лишь укрепляет стену вражды. Он, герой побережья – сделал более самих выров для разделения народов. Он хотел найти третью силу и не заметил, что уже служит ей злее и полезнее прочих...

– Найду и убью медленно, – сквозь зубы пообещал Ларна самому себе. – Будь этот колдун хоть трижды братом Шрома... или же моим собственным.

Галера замерла на стоянке, заякоренная точно и крепко. Два выра играючи справились с делом, непосильным, скорее всего, трем десяткам утомленных людей, тем более при нынешнем ветре, при растущем волнении.

Шром взобрался на палубу, в два удара клешней прорубил в верхней части борта щель, готовя основание для временных сходней. Прямиком на камни уложенных: можно пройти, не вымокнув с головой, – люди удивились и обрадовались. Заспешили по доске вниз, несмело цепляясь за клешни и лапы двух выров, работающих перилами.

– Все сильнее подозреваю, что у меня бред, – поморщился Ларна, последним покидая галеру. – Это наиболее понятное объяснение происходящего. Простое, естественное. Мне дали выпить отраву и я брежу, по-прежнему находясь в трюме... Когда очнусь, колодки будут на своем месте, и гиря – тоже.

– Упрямый ты, да, – развеселился Шром. – Идем, рядом гроты. Нижние вам не годны, но есть два верхних. Сухие, да.

Сухие в представлении выра – значит, не затопляемые до самого свода, – это Ларна понял верно. И виду гротов не удивился. Лужи, подобные озерам. Острые камни, сырость и зеленые бороды водорослей по стенам. Зато буря воет далеко и глухо, злясь на утрату добычи. И есть масло, прихваченное с галеры, и есть доски, годные для костра. Рыба тоже имеется, как и малая жаровня, принесенная с галеры.

Люди разбрелись, выискивая относительно сухие места. Только Малек о сырости не думал, увиваясь вокруг выров и наслаждаясь странным обществом. Он, вчерашний сирота, уже умудрился пристроиться в племянники к Шрому и Шро-ну и гордился многочисленностью новой родни и славными

деяниями, только что вызнанными со слов «дядек»...

Ларна укрепил в щели наспех сделанный факел.

При свете изучать внешность старшего брата Шрома оказалось занимательно. Полгода назад он был куда как плох. Валялся на отмели, пойдн пойма – живой ли. Растрескавшийся панцирь било о камни, мотало – и выр не мог даже закрепиться, тем облегчив свои мучения. Убивать столь ничтожное существо показалось недостойным. Разве выродер может испортить счет, закрыв первую дюжину – падалью?

– Это мой брат, – Шром гордо встопорщил ворс у рта. – Мой любимый старший брат Шрон, да. Раньше я только с ним мог поговорить вволю, а уж последние года три весь ссохся в молчании. Весь, да.

– Ох-хо, – прогудел Шрон, неторопливо двигаясь к Ларне через глубокую воду одной из луж. – Выродер. Настоящий здоровущий выродер. Спас моего Шрома. Вылечил, вот незадача. Как же, как же, – выр подобрался вплотную и ощупал ладонь Ларны тонкими короткими вспомогательными усами. – Знакомый выродер. Ожидаемый. Не стал убивать меня прошлый раз, не стал... Гордый. Глупый. Самонадеянный. Интересно жить возле людей, всегда они готовы удивить. Не обязательно порадовать, но удивить – да... А, пожалуй, и порадовать. И это тоже.

Выр удобно присел на лапах и вытянул глазные стебли, наблюдая суету Малька. Тот уже собрал возле стены довольно сухие пучки старых водорослей, разжился куском дос-

ки и готовил удобное место отдыха для своего капитана. Ларна поблагодарил, похвалил и сел, продолжая изучать выра. Старого: прежде не доводилось видеть столь потертый панцирь с множеством тонких выпуклых линий сращивания трещин, полученных в боях. Гладкость поверхности исчезла под неопрятными игольчатыми наростами, кое-где имелись истончения брони, столь значительные, что серо-розовое тело с темными нитями сосудов просматривалось сквозь них. Оба панцирных боевых уса изломаны. Лапы неравной длины: многие росли повторно, после утраты прежних. Тонкие короткие усы распушились густо, в них прижились водоросли, закрывая голову подобием бороды – зеленоватой, пахнущей морем и совсем чуть-чуть гниением.

– Я больше не служу главному бассейну и не хочу мести, – твердо сказал Ларна. – Не зовите меня выродером, достойный ар.

– Ишь, не зовите, – Шрон насмешливо шевельнул бровными отростками. – Так я и не звал, но ты сам явился. Ох-хо, чего уж. Тоскливо тут одному. Хоть и важное у меня дело, а все равно – тоскливо. За брата беспокойно, я как окреп после бури, собрался плыть домой, дела проверять и Борга брать клешней за голый его нежный хвост. Но прежде завершения моих сборов вы сами явились, так-то. Брат сказал мне про твои мысли. Третья сила, большое зло... Эк оно просто получается! Нет виноватых, вот ведь что ты удумал. Выры не виноваты, люди тоже. Ох-хо, не годится дума о третьей си-

ле, ничуть не годится. Я сто сорок лет живу, колдунов не видал. Нюхом их не чуял, слыхом не слыхивал о таких. Иное ищу. Брат говорил. Беду нашу изучаю, желтую смерть.

Выр мрачно скрипнул старыми, неплотно закрывающимися клешнями. Ларна с должным уважением покосился на их серповидные кромки. Покрупнее даже, чем у Шрома, хотя сам старик мельче младшего брата. Поуже телом, хвост имеет относительно короткий, с плохо развитыми боковыми плавательными гребнями. Зато головогрудь крупна, есть даже ощущение, что её раздуло. Словно выр весь немного искажен временем.

– Желтая смерть... – вдохновенно шепнул название новой тайны Малек, возникая рядом, и снова с бадейкой вкусного в руках. – А вот спинки рыбы, жирненькие. И головы, как дядька Шром велел. Ужинать будете? Я прихватил с палубы тагу, пропадет ведь в шторм.

– Будем ужинать, мелюзга ты прыгучая, – в голосе старика прогудела нежность. – Садись тут, у меня хвост помягче братова, обомшелый. И слушай. Дело-то ясное, Шрому интересна наша беда, но ты глазками живо блестяшь, вроде и тебе не скучно. Да... Ничего мы в ней не понимаем, в погибели рода. Я на отмели ушел, чтобы разобраться. Путь вниз хотел проторить, вот как. Мы же думали: она суть мертва сама и в воде растворена, все пять веков мертва и неизменна, от подводных кипунов плывет. Есть такие, вроде печей, что ли. Ядом плюют. Мы думали: кипуны заплывали море,

а позже-то уймутся, тогда мы и нырнем.

Выр поник усами, придвинул ближе бадью с рыбьими головами. Шрон вкушал ужин неспешно, тщательно перетирая пищу старыми, сильно сточенными ротовыми пластинами. Молчал сосредоточенно и грустно. Малек сел на хвост, презирая запах старых водорослей. Погладил панцирь Шрона, взялся проследить пальцем крупные линии заросших трещин. Выр от такого заботливого сочувствия постепенно пришел в благодушное настроение. Ел всё быстрее, с аппетитом. Даже пару раз запил рыбу таггой. Сыто пошевелил усами. Сам придвинул бадью с водой и умылся: новое правило борьбы с запахами уже приживалось в семье, радуя Малька.

– Не мертва наша смерть, – тихо сказал Шрон. – Есть в ней гниль с кипунов. Но есть и иное, похуже. Паразиты. Как у людей, вот так. Я знаю. Нырнул глубоко, совсем глубоко. Мешок придумал, чтобы дышать из него годной водой. В желтую муть ушел саженой на сто... И вернулся. Живой. Шторм вскипел, а я уже не чуял его, да и себя не чуял. Жабры мне все как есть погрызли. Дышать я не мог, язвами покрылся. Панцирь вон – тоньше пергамента местами сделался. Вот тогда... Ох-хо, как раз тогда выродер меня и видел.

– Чем спасся? – жадно выдохнул Шром.

– Солнышка они не любят, – презрительно повел усами старик. – Солнышка и воздуха. Как шторм ушел, припекло меня на отмели. Тут и сгнула напасть. Язвы зарастали долго, отравка обычная – из кипунов – гнала по телу озноб, заби-

рала силы. Но прочее все пропало. Вот так. Теперь я важное знаю. Беда наша с теплом моря связана и со светом. Ниже какой-то глубины не живут паразиты, я так надеюсь: холодно им там. И выше сорока сажений не поднимаются: солнце их губит.

– Ниже – ты уверен? – восхитился Шром.

– Рыбу проверял, – солидно уточнил старик. – Ей тоже едят жабры. Глубинной, которая через муть сюда лезет по осени. И скалозубам, я ловил их, эти-то часто ныряют в желтую муть, они живучие... Теперь знаю, почему косяки, выйдя из глубин, к самой поверхности жмутся: лечатся. Частью не спасаются, мрут, но частью выживают. Все я проверил, брат. Далековато вниз плыть, нет нам пока что туда входа, в родные глубины. Но есть небольшая надежда. Раз беда живая, можно её и умертвить. Вот так я думаю. – Старик сердито клацнул клешнями. – Только без надобности мои слова главному бассейну. Нет в кланде жажды глубин. Нет почтения к древности, золото ему – не хранилище знаний, а монета сухопутная.

– Пока что книги нужны нам, – прищурился Ларна. – Главный бассейн пусть булькает себе проточной водой. Начнем с вашего дома. Ладно уж, дополню счет до дюжины мягкохвостым гнильцом. Ваш братец Борг пробовал нанять меня, а позже самого пустил в заказ. Я отплачу ему схожей монетой.

– Хорошее дело, – заинтересовался старик. – Верное. Борг

знает много, но мало скажет без должного для себя страха. Про книги знает: смекаю я, не он ли плавит листы? Галер у нас, у ар-Бахта, больно много развелось. И тайн, и жадности. Золото – оно сродни желтой смерти, тот еще паразит. К кому в жабры влезет, душу отравит, тех уже не отпустит, сожрет дочиста... и солнца не испугается. Верно ты придумал: спросим Борга. Шторм отшумит, и мы займемся очисткой родного бассейна.

– И пересчетом, – нехотя, едва слышно, добавил Шром. – Боюсь я увидеть гнезда с личинками. Как бы не подмокли они. – Выр дернул глазом на стебельке, переводя обзор с Ларны на Малька, дружно подавшихся вперед, слушать новое. – Умные, да... Тайну большую почуяли, главную. Скорее даже – беду... Из подмокших теплых гнезд, захваченных на воздухе гниением, не вылупляются неущербные. Пойду. Шторм красив, хочу поплавать, да. Заодно галеру проверю.

Выр развернулся, резво зашуршал по камням, плеснул водой луж – и скрылся в недрах тьмы гротов, ведущих к морю.

Глава вторая. Напутствие деда Сомры

Странно подумать, что время – мошкара. И в ушах оно не жужжало, и жалить до сей поры не пыталось. Десять лет... Пока Кимка не указал, и заметить было трудно. Кто ж себя замечает? Это других сразу видно. Особенно вне леса. Это там время жалило и нещадно гнало людей, как свою законную добычу. Исполнилось пятнадцать – изволь явиться на сборный двор к достойным брэми шаарам, наместникам кланда, повелителя всех выров и людей. Побеседуют, оценят и решат, вернешься ли домой. Закон прост и честен, так принято говорить. Выры берут себе лучшее. Правом одарить владык следует гордиться. Себя терять, родных, саму жизнь. И гордиться. Хотя бы напоказ. Чтобы близким не пришлось вовсе уж худо.

Но выры далеко, а шаар, их соглядатай – рядом. Человек. Всегда – человек. Гнилой, пуще всякого клешнятого гото-

вый вцепиться, разрезать жизнь поперек, разорвать на обрубок разом сгнувшего прошлого – и отчаяние predeterminedного грядущего.

Шаар хуже и гнилее выра, – так говорил князь. Да, прежде у людей была своя власть. Мне ли не знать! Сама князя видела. Вряд ли настоящего, горбатый он был и попрошайничал совсем уж тускло, неумно. А только за ложью его, шитой пустыми нитками, читалась канва прочная и настоящая. Я тогда про нитки и канву ничегошеньки не знала, но потом в ум оно вошло, вот и примерила на новую свою науку прежние воспоминания. Кимка тогда единожды мною был доволен. Я вышила самое странное, что можно удумать неумной девчонке. Пальцы князевы. Как помнила – так и вышила. Кривые, заскорузлые и дрожащие. До сих пор в памяти они, проклятушие. Хлеба просят, жизни хоть крошечку – и веры в свою ложь... Сам он верил, неумный старик с грязными больными руками и засыпанной мукой седины макушкой. Лица его в вышивке нет, не запало в душу, не оставило следа. Он в землю глядел. И устало, заранее зная и смех, и короткий свист камня, твердил свое. Мол, правили тут предки мои, испокон, от древней воли забытых богов... а мне бы хоть корочку во исполнение прежней клятвы ваших предков – моим. Словно и без него в мире мало хозяев.

Ох и больно мне досталось дома за ту корку! Страх родню раззадорил: а ну соседи, добряки скородеи, шепнут про милостыньку брэми шаару и людям его наемным? Мол: при-

няли над собой старую власть, про богов слушали и хлебом делились, повторяя шепотом имя Пряхи... Значит, богаты, строптивы, тайное в голове держат. Сковырни таких – да получи в полную власть еще один надел.

Тогда меня и отправили в Безвременный лес. Свои же, да прилюдно... Князю подала – так иди да живи по его закону. Даже мать не плакала. Я знаю. Я за неё плакала. Сперва по глупости детской, а позже и всерьез, но без слез. Выров я только на картинке видела. Люди и без них хорошо обходятся, сами клешнятые. Гребут под себя, гребут... Кимка – вот и вся моя семья. Он бы никому не отдал. И не отдаёт. Даже плакать с ним невозможно, нет вокруг него дурного. Не живет он людскими мыслями, которые по земле ядовитым туманом плывут, жадно к зелени тянутся, душат и губят. Он заяц, мой Кимка. Он – ветерок веселый. Любой туман обманет, от беды ускользнет и солнышко раздобудет – зелени в подмогу.

Десять лет я верила в Кимкино веселое всеисилие... Росла, себя не зная. И не желая примечать вполне даже внятное. Я – человек, я тоже туманом ползу и от солнца правды прячусь. Кимка болеет, а мне словно глаза отвело! Покой свой берегу, вот ведь как. Себе не признаюсь, взгляд отвожу. Руки у него дрожат? Так ведь тени от облаков бегут. Заяц прыгает ниже обычного? Показалось. Карие глаза стали темны и тусклы... ночь их поменяла, она такая – капризница. Вороватая самую малость, то росу на ожерелье снимет с травы, то звездочки

посрывает – на серьги...

Вот только прятаться от себя я больше не в силах. За кимкиной спиной отсиживаться и дела его в пустую забаву обращать. Болеет мой Кимка. Как слег с ночи, когда тетка туча ругалась с поздним солнышком, так и не сделался прежним. Глянуть на него боюсь. Такое чудится, хоть плачь. Но нельзя мне плакать, вот беда. От моих слез он пуще прежнего меняется.

Хорошо хоть, сегодня поднялся, погулял у дуба и черники покушал. Я сама набрала, угостила. Радовался, даже вроде улыбался по-старому, как давно не получалось у него: с хитринкой, на солнечный блик похожей... И в кулак не поймать, и на ладони аж щекотно от тепла. А после сник, ушел отдыхать. Заснул сразу, да так страшно – без звука, без вздоха. Словно воздух из него весь вышел. Мешком свалился, серой старой дерюжкой... Надолго. Я внутри почуяла: именно что надолго. И глубоко он в сон ушел, не до меня ему, такой он не знает меня, безвременье его тянет. Рвется он между мной и лесом. Видно, нельзя небыли с былью слишком уж коротко сходиться. Сказки – они на то и сказываются, чтобы радость дать. Цветами распускаются, в иной мир зовут – и исчезают, стоит шагнуть за обманкой. Сказкам полагается себя беречь. Только этот заяц меня бережет... было бы, за что.

Ну вот, слезы. Непутевая я. В той жизни не сладилось, не вышло по нужному. Переиначивать порядок вредно, порядок – он упруг и велик. Накатится и подомнет, ежели

не уступить... Нет более в мире князей. Есть попрошайки безродные, неумные, достойные только камня и злого смеха. Как не усвоить столь простое? Вот ведь – не справилась, малодумная моя голова. Хоть бы отвернуться сообразила, всяко – годное решение. Люди так делают. Себя от бед берегут. Не моя беда – и не вкатится она в мои ворота, раз я на неё не гляжу. Мимо валит, к соседушке, хоть пироги ставь: чужая беда вроде праздника кое-кому. Ну как такое взяться вышивать? Невозможно. Но и иное не выходит...

Без кимкиной путеводной тропки до болот, как и положено в сказке, семь верст, и все лесом. Увалы высоки, корни у сосен крепки, как вырви щупальца. Или что у них? Вот незадача: не ведаю... Аж занятно. Вырами младенцев пугают, а видеть их, на земле и в воде равно ловко живущих, за весь век порой и не доводится. Шаарами-то не пугают, их имена поют сладко и ласково. Им улыбаются и служат. Хотя вот у кого – щупальца...

Корни отомстили за сравнение с гнусью нездешней. Пребольно впились в пятку, толкнули вперед, носом в узловатый комель выворотня. Слез прибавилось. Кровинка из носа показалась. Знаю я, за что корни казнят. Кимкины они, родные. Они и рвут его, к лесу поворачивают, от меня отваливая. В себя вращивают. Только он – не дерево. Он тоже один пропадает, без пригляду. Сказка не может жить, если её некому выслушать.

Я уняла слезы, забила в нос жгутик ниточный, добытый из подола передника. И подробно рассказала корням, сколь они нехороши и огорчительны для Кимочки. Могли бы и сами уняться, когда ему так беспросветно худо. Рябина зашумела, поддерживая меня. И даже старая елка заскрипела на негодников.

Хорошую тропу мне не выделили. Так – насмешку над прощением учинили. Гнилую бестравную глину кинули под ноги. Прямохожую зато, в тяжелом обрамлении выворотней и глухих темных кустов с шипами наизготовку. Чтоб не передумала, а передумавши – не увернулась от дела. А ну и пусть! Мое дело – сторона, и понятно, какая: болотная. Туда что по траве чавкать, что по глине съезжать – одна морока.

Вечер плох тем, что убавляет свет. Но и хорош тоже, в ночи дедушку Сомру звать сподручнее. Я не пробовала, но так понятно из кимкиных оговорок. Он, проказник, с дедом явно был всегда в сложной хитровой дружбе. Шкодливой – и оттого изворотливой: не угодил я тебе, старому – а все одно от поучений увернусь. Мне думается, дед его любит. Кимочку нельзя не любить, в нем тепло живет. Настоящее, нутряное. А если так, дед мне просто обязан высказать всю правду. Не допустит же он для леса такой непоправимой беды, которая уже творится моим попустительством... Кимка болеет. Совсем худо болеет, чего уж там.

Убеждать себя надобно постоянно, когда по глине едва ползешь. От шипов уворачиваешься. Страх ведь – он вроде

ветки малой: не тронь – и не качнется. А разок задевши, уже не уймешь... Мой страх давно качается и шумит всей своей темной сухой листвой. Гонит кусачих муравьев по спине, дыхание сбивает, ноги делает слабыми. Дурная я. О чем думаю? Так ведь ясно, о чем – болотника боюсь... Кимка страшил им. С зайцем моим я никого не опасалась, ясное дело. Зато без него и тени куста пугаюсь, хоть самую малость. Отвычка у меня от незащитности. Крепкая отвычка, десятилетняя. Только пора и от неё – отвыкать.

Вот оно, болото. Глина тропы прямехонько уперлась в него грязным указующим пальцем. Ноготь лужи обозначила – и далее ни-ни. Дед Сомра всяким там корягам-вывертням, изломанным своей ревностью к Кимочке, – не по зубам. Дед Сомра... Тот, о ком я слышала по сто раз на день. Всякое слышала, но обязательно хвалебное или уважительное. Странное дело, так хорошо знаю его по словам, а видеть не приходилось. Спит он, так Кимка твердил. Хотя шутошное ли дело: спать всё время? Ох ты, хуже: всё безвременье!

Прошлепав через лужу, холодную и склизкую, я вступила в дедовы владения.

Порядок у него сразу замечается взрослый и солидный. Елками моховой ковер прижат, сосны сторожат гривки возвышенностей. Опасные бочаги синим приметным цветком – купом – прорисованы. Узорно, пушисто и цветно. Ниток старых нет... А только и это болото не смогу вышить. Знать бы: почему? Глаз у меня наметан, небо шью без задержки и точ-

но. Прочее же не осиливаю. Игла не лезет в щель нитей канвы, даже так иногда случается.

Ну, довольно отлынивать от дела. Всё, кончились отговорки, пора.

– Дедушка Сомра! – шепотом говорю. С опаской, хотя не ухватит меня болотник, что за детские глупости? Погромче надобно звать. Может, глуховат дедушка, да и спит он, пожалуй, крепко. – Дедушка!

Крика не получилось. То ли робость помешала, то ли уважение, но я лишь чуток голосу добавила. Всё равно низовое эхо его поймало, к самому мху прижало и погнало вдаль, аж видать, как шевелятся камышины, пропуская мой зов и вроде бы его подгоняя, поправляя, чтобы впустую не развеялось имя хозяина здешних мест...

– Ох-хо, – вздохнул голос у меня за спиной. Да так обстоятельно вздохнул, что выросла я в мох пуще страха своего. Словно нашелся обещанный Кимочкой болотник, схватил за обе пятки и держит. Да что болотник! Мох вполз до колен – он и путает, и упасть не дает... А дыхание дедово затылок щекочет жутью. – Ох-хо... Долгонько ты добиралась сюда, долгонько.

– Здравия вам, дедушка, – голос сел до шелеста.

– Оно неплохо, здравия-то... – вроде бы ободрил голос. Низкий, спокойный, страха не копится от него. Скорее уж наоборот, покой приходит. Немного сонный и основательный. – Неплохо бы. Спасибо, да... Вежливо молвила, хоть

душа твоя в самый мох сползла, там и запуталась, вот ведь как... А ты сядь, я кочку подвинул. Сподручнее спрашивать сидя-то, уж наверняка так. Бруснички вона почерпни да угостись. Хороша у меня брусничка, отведай.

Обещанная кочка сама толкнула под слабые колени и поймала моховым мягким шаром сиденья. Брусника лежала в наполненной водой горсти каменной чаши – чернично-синей, цвета вечернего неба. Не попробовать было невозможно. Даже на вид сочна, рука сама тянется зачерпнуть бусы ягод из студенной воды, сладко-хрустальной. У Кимки, и то не водилось столь крупной ягоды. Ядреные, брызжущие соком, пахнут немислимым среди безвременного лета инеем свежести.

– Спасибо, вкусна твоя ягода, деда, – похвалила я. – А только зачем со спины стоишь? Мало ли я тут чуд насмотрелась, привыкла. Кимочка вон...

– Я не стою, – задумался мой собеседник. – И не тут я... Везде. Мое болото, я часть его, так-то вот. Неверный вопрос, ненужный. Более не изводи себя по глупостям. С важным пришла, а вишь-ка: мелочи собираешь да перемалываешь.

– Прости уж, напугалась я, – нет смысла таить свой страх. – Вот и горожу пустое. Из-за Кимочки пришла. Плохо ему, и думается мне, в том моя вина великая. Ты уж вразуми, лекарство какое подскажи. Я в точности исполню, у меня кроме Кимки – никого.

– Лекарство! Ох-хо, поди ты, что удумала, – в голосе за-

гудело удивление. – Нет нам лекарства. Ты сама лекарство, вот так уж вовсе верно сказать, пожалуй... Всякая работа, пусть и великие мастера её исполняли, требует подмоги и бережливости. Наша вот истрепалась изрядно. Да оно бы полбеды, мимо время течет, поток его не трогает нас, не приводит краски к тусклости, а замыслы – к забвению... Однако же и пользы от нас нет большому миру. Когда твой Кимка высказал мне это, крепко я со сна озлился. Не нашел в его словах правды, не заметил. Он смолчал, да втихую все по-своему учудил, тебя приволок и вздумал учить уму-разуму. Ох-хо, все были против! Только не слушал он нас, ничуть не слушал. Он такой, своим умом живет, и лес ему, хитрецу, не службу служит, а дружбу дарит. Разницу понимаешь ли?

– Еще как! Весь нос у меня этой коряжьей дружбой испарапан, и коленки сбиты... Точно уж, не в службу старались! Но и я Кимке не чужая. Я тоже старалась: он учил нитки выбирать да шить ими. Только я неумеха, бабушка. Криворукая я. Уж видно, никакого не будет с меня толку.

Сказала – и замерла. Кончился воздух. Трудно приговаривать себя в бестолковки так вот, полным голосом. Стыдно и больно. Я неумеха, а весь стыд моего бесполезного бытия на Кимочку ложится. Его давит и правду его выстраданную против дедовой рассудительной – делает малой и слабой...

– Не в тебе дело, девонька, – голос прошелестел огорчением. – Нет, не в тебе. Ты шить умеешь, все постигла и даже больше, чем можно было ждать. В Кимке дело. Он

ведь как хотел? Без оплаты работу совершить. Ты не вскидывайся, ешь бруснику-то, налегай. Оно полезно, когда разговор непростой, заедать огорчение. Кимка хотел сам оплатить твоё шитьё. Оно ведь, как уж заметила, не простое. В нём много собрано, в одну нитку скручено... Само собой, умение, но это у тебя есть. Только мало канву видеть да уметь иглу держать. Надо душу вложить в дело. Думаешь, нитки – они из пряжи создаются? В общем, правда... Только пряжа та – она из души надергивается. Без жалости к себе и без страха перед болью. Одну ты вышивку в жизни и создала. Тому старику до конца его дней хлеб в руку вложила. Хорошая работа, верная. Не перстень княжий безумцу вышила и не оружие для мести насмешникам... Всё точно, ни убавить – ни прибавить. Взрослая работа, цельная и сильная. Вот так.

– Так и те нитки Кимочка принес, – не поняла я.

– Дались тебе нитки, – расстроился голос. – Ты их выбирала – рассматривала? Сами в руку прыгали. Твои они, из твоей боли свиты. Потому вес в них есть, сила им дана полная. Нет гнили, нет и пустоты. Поняла ли?

– Почему же я не могу...

– Потому он тянет нитки из своей души, оберегая твою от забот, – голос загудел огорчением. – Любит тебя, семьёй числит, будто у чуди сказочной имеются семьи. И эту привязанность готов оплатить по любой цене. Даже самой полной. Чего непонятно, и не знаю уж...

Мне стало страшно, бусины ягод треснули в зажатом кулачке и потекли к запястью бурой болотной кровью. Кимкины нитки, черникой да земляникой пахнувшие, мягкие, легкие. Я их так споро тратила! Я бестолково расходовала их и полагала пустыми, а Кимочка себя изводил. Как есть изводил, до самой последней крайности. Наверное, полагал: рано или поздно я все пойму. Так уже почитай – поздно...

– Но я вышила руку князеву, и мне не стало дурно, ничуть. Наоборот, из снов этот страшный человек ушел, покой более не нарушает... Зачем меня оберегать?

– Затем, что настоящие взрослые вышивки в большом мире делаются, – голос деда сошел на шепот. – Только там. И там от нас, чуд, не будет тебе ни помощи, ни защиты. Плохо в мире, вовсе худо – болеет мир. Те, кто изъял этот лес из времени, большое дело сделали. Может, однажды и скажу, какое... а скорее и сама ты до всего добредешь, без подсказок стариковских. Великое дело создали, да. Его успели довершить, а прочее не поддалось им, сил не достало. Мы – старый замысел, плотина от прежних бед. Нового, годного для исправления новых напастей, нет. Кимка твой как хлебушек в той руке увидал, возликовал. Отсюда мол, можно мир исправить. Ан – не вышло. Пока болью своей беду не взвесишь, сильную нитку и не скрутишь.

– То есть мне пора...

– Да. Страшно так говорить, но иного нет, не обессудь. Не ведомо мне, есть ли для мира надежда. И есть ли для те-

бя защита. Сгинешь – себе не прощу. Но, удержав тут, тоже буду виновен, пуще всех виновен, ох-хо. – Голос деда надолго смолк. – Одно могу тебе дать. Безвременный он, наш лес: пожелав выйти, ты выйдешь на свою опушку, по той же тени. Это – *куда*, и место я не изменю. Но иное важное я выправлю – *когда* выйти. Пока же поспешай, Кимочку своего лечи. Должна сладить. Три денька тебе на вразумление, на сборы. Ох-хо... Мне тоже надо подумать. Выбрать тебе время. Десять лет – это твой счет, он к тебе одной и прилип. А я его настрою так, чтобы хоть малая имелась надежда на подмогу. Чтобы там, вне леса, не мертвый сезон стоял, *когда* ты выйдешь. Оно ведь как? Нет движения в обстоятельствах – и хоть все руки исколи иглой, но вышивка не родится, негде ей враси в канву, нет и малой щели. А коли найти яркий год... Удачи тебе, девонька. И помни: лес тебя однажды принял. Будет надобность, и снова впустит.

– Надобность?

– Вопросы – они такие, – усмехнулся голос деда. – Они растут, как отвалы водорослей на берегу. Пройдет шторм, и вот тебе новая груда непонятного. Как накопится непосильно обломков догадок и шелухи домыслов, так и приходи. Ни в чем не ограничу. Все глупости сказочные отменю про три вопроса, да с испытаниями... Ты только шторм переживи и себя сбереги. Чтоб и выжить, и душой не высохнуть.

– Чудно звучит твоя болотная сказка.

– Так все мы тут – чуды да небыли, – голос растаял, сошел

в слабое эхо.

– Спасибо, что правду сказал.

Поклонилась я болоту, зачерпнула напоследок полную горсть брусники и пошла к ближнему лесу. Кимкины ревнивцы чуток одумались: не иначе, дед их пристрожил. Тропу мне выделили золотистую, из мягкого речного песка. Марником обсадили по кромочке, парадно – прямо извинение за прежний свой поступок. Я вслух им сказала: извиняю, с чего бы мне сердиться? Кимочка такой, его нельзя не ценить. Попросила приглядывать, он ведь скучать станет... Марник нагнулся под ветром, подтверждая готовность беречь. И побежала дорожка бодро да резво. Крупные увалы все как есть попрятались, бока жирные чуток подобрали. Большой дуб выказал себя недалече – словно так и полагается. К деду Сомре я ползла по глине полночи, а назад добегала одним духом.

Кимка мой лежал на прежнем месте. Маленький, как игрушка, зайчонок из дерюги, заплатка на заплате, нитки цветные да солома под ними, кто-то таким может его увидеть, наверное... Вот только мне Кимочка и живой, и родня, и вполне себе человек. Просто получше прочих, которые белкой обернуться не могут, олениху подоить не сподобятся, да и сказку не выплетут из узорных слов...

Взяла я иголку, провела рукой над канвой, выравнивая её... И стало мне неловко. Не могу его вышивать. Не могу –

и все! Мне-то он человек, иголкой уколоть страшно. Да ладно бы только это. В лесу Безвременном все непросто. Куда колоть и как? Нет моего Кимочки на канве, и места ему нет, и цвета, и формы. Безвремяе – оно свою метку в мире иначе кладет, надо полагать. Уж не чета мне мастерицы создали сказочное полотно. Весь лес здешний – именно полотно, полное чужой выработки и чужого замысла. И Кимка мой в нем. Вплетен, соединен и неотделим. Не зря коряги так воют!

Я закрыла глаза. На ощупь не так страшно. На ощупь я не вижу его. Можно подойти, сесть и делать то, что с людьми не делают. Подновлять... Нитка нужная, как дедушка и обещал, сама прыгнула в руку. Смешная нитка, крученая, и даже сквозь веки знаю: вся она разноцветная. Тут черничная, а чуток подальше – земляничкой отдает. Прыгает, норов кажет, петли заячьи кладет под иглу. Путается, норов выказывает. Я все руки исколола, пока нитку одолела и к делу пристроила. Убрала иглу с коротким хвостиком без полного цвета, заткнула в шов передника. И осторожно открыла глаза.

Кимочка мой спал сладко и мирно. Здоровый на вид, такой весь – праздничный. Румяненький, со щечками – лесными яблочками. А то осунулся, сделался ну чисто опенок по осени, вся кромка на его шляпке обтрепалась, да и сама шапка сделалась ненова, потерта и буровата...

Очнулся мой Кимочка после полудня. Солнышку улыбнулся, а потом на руку свою глянул – и поник.

– К деду ходила, негодница?

– Кимочка, ты не серчай...

– Да чего там, поздно. Пойду, орехов в запас тебе наберу. – Сказал так серьезно, что и слова в ответ не возразишь. Он, оказывается, бывает вполне даже обстоятельным. – Эх, дед Сомра... я тебя перехитрил, своего добиваясь. Но ты выждал, мои мысли к своей пользе повернул. Разные мы... так и надо, наверное.

– Кимочка, ты про меня – что разные?

– Про деда, – тихо отозвался он. – Другая у него сказка. Взрослая. И не сказка вовсе, легенда, наверное. С особым смыслом. Тебе до той легенды чтоб добрести, еще сколько сапог надобно стоптать. Не хочу так! Почему у людей обязательно всё через тяготы да испытания, да что за напасть такая?

Он безнадежно махнул рукой и побрел к двери. Отвернулся резко, но я-то его знаю. Теперь даже лучше прежнего, пожалуй. Оказывается, он умеет плакать. И от моей штопки душа у него не перестала болеть. Как и у меня. Всемогущий мой заяц, способный лишь собрать в дорогу орехи... Там, вне леса, его ведь совсем нет, пожалуй. И силы его нет. Только память о нём сохранится. Спасибо, позволил мне дедушка вернуться однажды с новыми вопросами. Уже немало. Навсегда с Кимочкой прощаться – надвое душу рвать...

– Неслушница! – это он шумит от порога, не возвращаясь в дом. Указания раздаёт, пробует всё по-прежнему оставить,

хоть ненадолго.

– Да, Кимочка.

– Три дня он тебе дал, это уж обязательно... Вот сядь да шей. Исхитрись мне приятеля удумать.

Я удивилась так, что ноги сами вынесли к порогу: выяснять продолжение. Как это – приятеля? Как это – удумать? Кимка шурился весело, по-старому, с задорной хитринкой, на солнечный лучик похожей. Мол, всё одно деда обману и на свой лад его умысел выверну...

– Дети сказы слушают, а как подрастут – сами выплетать пробуют, – охотно пояснил Кимочка. – Вышей на память сказ. Про меня не сладишь, я тут исконный житель, мой случай особый. Ты по-иному назови. Фимочкой или может – Тимкой... И смотри: проверю, не жалела ли себя, мысли в канву ввязывая. Пожалеешь – коряги мои, и те не послушаются его. Тетка туча изведёт, она ведь, непутевая, что ни вечер, в дуб высверком целит, маковку ему хочет засушить. Щекотно ей над дубом ползти, так и шумит, так и жалуется.

Я улыбнулась с облегчением. Вот теперь он точно – мой Кимка. Веселый, и заботы не про него созданы, и беды не ему грозят. Сиганул с места длинным скоком. Когда шубку серую накинул, и не понять, а только по траве уже пятки заячьи замелькали.

– Фимочку сошью, – пообещала я вслед. – И жалеть себя я не обучена, ты такому никогда не наставлял. Тоже, высказал нелепицу, насмешник.

Как этого самого Фиму неведомого шить, мне и подумать страшно. Только против Кимкиного слова я – немая, послушная. Сказал – значит, надобно исполнять. Не пояснил прочего – значит, сама думай, голова не только для того имеется, чтобы косу привесить было сподручнее.

Я добыла иголку из шва передника. Чудная иголка в моём вышивании. Пока не надобна, рыжим штрихом прячется, нет в ней ни твердости, ни колкости. А тронь с замыслом – и сама явится. Золотая, острая, до дела охочая. За пустоглядство пальцы колет, а ещё солнышку бликом подмигивает.

Канва под руку легла удобно: небольшая, на шейный платок только и годная. Или малое полотенце. Небо я вышивать не стала. Всегда, неумеха, с простого начинала, от главного увиливая. Небо – оно сплошной покой, а разве в хорошей сказке покой водится? Там всякое иное, кроме него... Только и это шить в первую очередь не след. Что же мне выбрать, с чего начать большое дело? За что мне зайца нового изловить, чтоб не убежал до срока, не увернулся от своей сказки? Я хихикнула – и начала с пятки. Вот он, попался. Мелькнёт пятка – а прочее само додумается, пожалуй.

– Жил был, – важно сообщила я пустой канве, – в Безвременном лесу Фимочка. Чудо новое, доселе небывалое. Тетки тучи он не боялся, с дядькой ветром наперегонки бегал. И никого он не уважал так, как брата старшего, Кимочку. Учился у него всем премудростям леса, чтоб не попусту скакать, но и дело крепко знать... А дело его важное, коренное.

Мир в лесу хранить, вот так.

Я вздохнула, осторожно улыбнулась. Прав дед Сомра. Из своей души нитки драть изрядно больно. И дело хорошее, и нет в нем темной памяти, как с князем безумным было, – а слезами исхожу, над шитьем сидючи. Носом хлюпаю, всю канву замочила. Руки дрожат, иголка стала колючей и за каждую ошибку наказать норовит. Непросто свою к Кимке доброту вплетать в узор. Приходится отдавать и прощаться, да так, что душу надвое, лучшую половину – всю как есть тут оставлять, допустив для неё новую жизнь чуда лесного.

Вполсилы разве кого оживишь, будь он даже вовсе простой заяц? Вполсилы только изуродовать можно, оболгать да ленью зарастить... Но мой Фимка не таков совьётся. Без узелков да без изнанки лохматой, выказывающей нерадивость швеи. Он будет настоящий, чтобы с самим дедом Сомрой спорил, чтобы расти мог и своим умом жить! Жаль, времени дадено мало, три дня. Но я уж постараюсь. И Кимочке память, и мне надежда. Хоть так – а буду с его лесом родная, значит – вернусь... И себя в большом мире не потеряю. Фимка – моя тропка к себе, к лучшему и памятному в душе, к очень важному.

Глава третья.

Замок выров ар-Бахта, хозяев всей Ласмы

– Как вы управляетесь всю жизнь – с одной парой рук? – очередной раз удивился старый Шрон, ловко лязгая клешнями. – Ох-хо, я после шторма пообломал лапы, вот уж познал тяжесть людского удела. Нет, негоже ваше небо распорядилось. Наши-то глубины куда добрее к своим детям. Сколь дали, сколь в запас ещё добавили...

– Воистину мудры глубины, дядька Шрон, – поддакнул Малек, бережно поливая панцирь из бадьи. – Не печёт? А то солнышко злое сегодня, может, я заслон натяну?

– Не печёт, – голос старика прозвучал гулко, ласково. – Если нас ядом таннской соли не травить, мы на берегу до десяти дней не сохнем. А при должной подготовке, да если вода на протираание есть, да еще и масло особое – так полный

ваш месяц выдюживаем. Думаешь, иначе могли бы мы одолеть дорогу к дурацкой этой власти, гнилью наши же умы напывавшей? Вот то-то, теперь понимаешь. Перестарались глубины, вымеряя нам запас крепости. Обманула нас наша сила, к полной слабости вывела кривой тропкой береговой... Я знаю: уже третий век все наши кланды ущербны. Это угодно сильным замкам аров, да и не только в их интересах дело, если глубже глянуть. Мягкохвостые крепче за власть цепляются, хитростью берут. Им власть дороже глубин. Привычка к ней возникает великая... Гнильцы, как есть гнильцы!

Клешни сердито щелкнули. Старый выр удобно устроился на палубе – просторно, лежа на брюхе и изогнувшись. Тремя парами рук он чистил рыбу, а отведенными к спине клешнями резал тонкий узор на бревне, приглядывая за всеми работами пятью своими глазами: глубоко сидящими нижними, вынесенными на стеблях главными и наиважнейшим в бою для лишнего шеи выров – спинным... Малёк восторженно наблюдал многоделие старика. Помогал по мере надобности. То воды приносил – полить панцирь и вымыть руки. То отгребал негодную рыбу и отходы очистки. То держал и поворачивал бревно.

– Краску надежно смешал, в цвете ошибки нет? – очередной раз уточнил Шрон.

– Дядька, я уж не дурнее прочих, – обиделся Малек. – Вон, сам гляди: доску вымазал для пробы.

– Вот оно как... – Глаз на длинном стебле качнулся, изу-

чая образец. – Недурно. Прямо тебе скажу: даже и вовсе хорошо, а чего врать-то, коль дело сладилось. Только ты не сердчай, погодя я еще спрошу. Занятие мое наиважнейшее, оно беспокойства требует и усердия. Шутка ли: знак рода вырезаю, на корме буду водружать. Краски герба ар-Бахта от глубин не меняли цвета. Три тона в узоре. Три, так у всякого выра, в любом роду. Запомнил?

– Не дурнее прочих, – отмахнулся Малек, придирчиво рассматривая плоску с растертыми и смешанными с маслом красителями. – Наш герб всех иных краше. Наш герб включает наилучшие цвета. Чернь донную, обозначающую основательность. По низу она идет, ромбами вверх пробивается, крепит на себе узор. Затем золото красное, наилучшее: оно суть знание и даже мудрость, глубинами не всякому выру дарованная. Золото вверху лучится, тонкими штрихами наносимое с должным почтением к славе рода ар-Бахта. Третий же тон у нас просто безупречный, он бурый с серостью и прозеленью, неоднородный, словно течение в нем играет. Являет он собою кровь выра, коя есть основа чести его и боевой доблести.

Сказано было нараспев, значительно и серьезно. Гребцы на веслах – и те вняли без насмешки. Пожилой рыбак улыбнулся в усы и похвалил едва слышно, отвлеченный разговором от готовки обеда. Мол – растёт Малёк, старшим не перечит и гонору дурного не выказывает. Шрон и вовсе: прекратил чистить рыбу, сплел множественные пальцы с вос-

торженным шелестом. Умилился.

– Ох-хо, не всякий век в бассейне столь умное дитя вылупляется. Не родной, рук всего две, а приходится допускать наличие родства. Иначе оно не по чести... Не Борга же мне числить братом, никак не его. – Старик сердито шевельнул бровными отростками. – Гнилец! Кланду Аффару ущербному, небось, первый хвостотёр-полировщик. Знаю я их мысли, скудный косяк, весь как есть больной. Кланд властью насыщается, забыв исконный завет: право и честь боя за место вожака похода! Ох-хо, велик счёт бед, велик... Зачем тантовых кукол создали? Чтобы мы людей ненавидели! Чтобы отратить от людей душу всякого молодого выра, покуда она мягка, покуда собственным панцирем убеждений не обросла.

– И чтоб люди вас не понимали ничуть, и тоже ответно ненавидели, – пискнул Малек.

– Верно гребешь, нужную волну избрал, – дрогнул глазами выра. – Стена ненависти имеет две стороны, и обе – ядом лжи гуще густого вымазаны, вонью отчуждения замараны. Только не ясно: с чего началось непотребство? Вот то-то мне и не ясно, ничуть не ясно. Затеяли поход на сушу ещё настоящие кланды, глубинники, наилучшие бойцы моего народа. А закон гнуснейший удумали и вовсе – сказать такое страшно – подлинные ары... Достойные мудрецы, постарше меня и поумнее. Им золото не застило ума, а только наплели они хуже гнильцов.

– Так война была большая, уважаемый ар, – осторожно предположил старый моряк. Принюхался к запаху варева в котле. – Война без розни да разделения – как уха без соли да рыбы. Наши старики говорят шепотом: полвека люди от вас отбиться надеялись. Может, и дольше того.

Выр закончил чистить рыбу и дал Мальку знак к началу уборки палубы. Повернулся к говорливому моряку, поплотнее подобрал хвост. Задумался, шелестя пальцами по вытертому, прозрачному панцирю, пострадавшему от паразитов.

– Дело говоришь, дело. Читал я наши книги о той войне. Север долго стоял. Мы ведь в большие холода – не бойцы, скорость теряем, ко сну клонимся. В зиму выры и удумали первых тантовых кукол изготовить. Их из пленных делали, из мирных жителей тоже... и гнали на бойню. Тяжко читать, сколь полегло и людей, и выров. Не пойму, за что бились, что делили? Мир велик, не тесно в нем и нам, и вам. На кой выру власть над севером? Ох-хо, тайны старые крепко схоронены. А только без них трудно разобраться в нынешней нашей жизни. В третью силу я не верю. В ту, что Ларна во всяком разговоре, в любой день до восхода еще умудрится врагом обозначить и к казни приговорить. Но есть в прошлом то, что развело нас по разные стороны стены. Забытое и опасное. Мыслю я, кроме страха ничто не возводит столь мрачных стен, именуемых законами. Мы, выры, силу имеем и глубинами награждены щедро. Вот только и у вас нашлось могучее оружие, окончательно опасное. Его искореняя, кланды

вели войну до полной победы и неоспоримой власти. Потом прикрыли страх забвением. И сами сделались гнилы...

Выр отвернулся от гребцов и занялся изучением бревна, украшенного сложной резьбой, представляющей полный герб рода ар-Бахта. Такой знак несет всякая галера, капитан которой – знатный выр. Без знака на корме нельзя ходом миновать узкие прибрежные каналы и войти в закрытую бухту родового замка. Между тем, Шрон, посоветовавшись с братом и Ларной, намеревался поступить именно так: уверенно войти в широкое устье реки. Назваться страже. Он – старший в роду и следует домой, развернув ради важного дела первую же попавшуюся в море галеру из числа своих, ходящих под знаком рода. Идея казалась безупречной. Спорить с решением выра не осмелился бы ни один капитан из людей.

Всякий человек выходит в море, купив или построив галеру. Числит себя её хозяином. Но от берега может оттолкнуться и омочить весла в море, лишь принеся клятву верности знатному роду выров. Получив от хранителя бассейна пергамент с перечислением допустимых грузов, портов захода и путей следования. Приложив к сургучу запястье, ожогом обозначив согласие отдавать две десятины с дохода на нужды бассейна и сверх того – исполнять волю любого выра из рода хозяев...

– Дядька Шрон, – в голосе Малька образовалась ласковость, перенятая у Ларны, умеющего убеждать самых упрямых. – Я соберу тебе печёночки, и даже на солнце выдержу,

чтоб она припахивала... ну, как для вас вкуснее.

– Чего хочешь-то, сразу говори, – серый стариковский ворс возле рта пошел лукавой волной.

– Краску самолично положить на герб.

– Хоть на волос ошибешься, рыбам скормлю, – строго предупредил выр.

Зыркнул глазами: верит ли хоть кто в его зверские намерения?

На веслах усердно гребли, склонив головы или отвернувшись к борту. Прятали усмешки... В злобность старого выра никто не верил. Другое дело – Шром. Его опасались, сознавая непрстой нрав прирожденного бойца. Еще уловили жутковатую особенность: порой младший из братьев словно с ума сходит. Едва сдерживается, на пустом месте затевает ссоры и резко ныряет за борт – в полную силу поплавать, согнать жар внезапной злобы... Возвращается хмурый и даже виноватый. Отмалчивается, без аппетита ест. Просит Малька сесть рядом и с ним общается, с ним одним.

Вот и теперь, на десятый день плаванья, начатого через неделю после шторма, Шром пребывает вне галеры. С ночи буркнул: надо счистить ракушечник и иные наслоения с днища. Нырнул и более не показывался над водой. Только слышно, как скребут его клешни по днищу. Споро, зло и непрерывно. Усталости ищут в работе. От чего за той усталостью прячется боевой выр – о том и спросить невозможно. Даже Мальку не ответит...

Ларна выбрался из трюма, где сладко дремал с утра. Оглядел свою команду, жестом снял пожилого моряка с лавки и сам сел грести. Малёк немедленно подбежал, сунулся осмотреть спину капитана. Швы на самой крупной и глубокой ране свежие, дважды подновлять приходилось: а ну опять разойдутся от работы?

– Нет, я живучий, на мне зарастает, как на выре, – рассмеялся капитан. – Глянь, корка подсохла, так я ощущаю. Шром не выныривал?

– Нет, – жалобно вздохнул Малёк.

– Так не сиди с кислым видом. – Хитро прищурился капитан. – Нырять сам. Он так яростно скребет, что я переживаю за доски. Уговори упрямца сменить занятие.

– Рыбу девать некуда, – со вздохом перечислил Малек. – Рулевое весло выправлено по всей лопасти, киль проверен, ракушечник мы вместе изучали. Чем ещё занять?

– Учись нырять, – посоветовал капитан. – Этого он не упустит. Или спроси про тактику боя. Или уточни, как надо идти в хранилище книг. Тебя учить каверзы затевать – только портить. Давай живо за борт, пока он доски насквозь не проскоблил. Как похмельный, ей-ей! Никогда такого поведения у выров не наблюдал.

– Возраст у него переломный, самый что ни есть тягостный для живущего вне глубин, – прогудел старик Шрон. – Дело говорит капитан. Нырять, Малёк. И напомни ему: до устья реки уже совсем ничего осталось идти. Прятаться

пора. Там наверняка дозор из низших родов, ну и два-три прихвостня Борговых в норах у дна. Негоже показывать им Шрома. Хотя как мы в малюсенький трюм запихнем и его, и этого выродера... ох-хо, я и думать о том не желаю.

Шром, о котором так много говорили на палубе, явился сам, в сиянии радуги обильных брызг. Вырвался по своему обыкновению из воды высоко, шумно. В точном и красивом прыжке рухнул на палубу, спружинил. Повел одним усом, обозначая далеко не худшее настроение. Гордо дернул вторым, отросшим за время путешествия на ничтожную длину двух ногтей Малька.

– Закончил я чистку, да. Всю как есть закончил. Старая галера, пора её подновлять. Вот это я твердо усвоил. Доски слабые, да. Малек, ты по дядьке скучал?

– Еще как!

– Плавать уже нельзя нам, досадно, но так. Давай красить герб. Быстро-быстро, да. Потом пойду прятаться, как последний мягкохвостый трус. Ну, не беда. Потерплю. Клешни я наточил славно. Родной замок с боем брать – дело для выра новое, интересное. Мне оно по душе, да. Кисти приготовил? Вот молодец. Я буду кромку вести, а ты нутро узора заполняй. Готов?

– Не дурнее...

– Не дурнее, это уж точно. Да. – Нежность в голосе Шрома прямо-таки булькала. – Такой удачный Малёк... даром, что без панциря, зато гибок умом и ловок телом.

Похваливая названного племянника, Шром принес бревно, установил. Верным образом расположил площадки с краской. Основу для черни он сам добыл, со дна поднял. На золото истер монету, смешав со стружкой металла рыбий клей. А вот бурую сложную краску собирал по своему разумению Малек, и её готовой Шром видел впервые. Похвалил. Быстро нанёс контуры на герб и стал наблюдать, как мальчик сопит, открыв рот, то и дело прикусывая язык от усердия. Заполняет цветом узор. Словно это и правда – его семья и его герб...

Берег тянулся по правому борту рябью штрихов у самого горизонта. Постепенно отдельные пятна и точки сливались в островки зелени, дымку прорывали клыки скал. Берег приближался, устье реки обещало открыться во всей красе ещё до сумерек. Назначенный по общему согласию поваром старый рыбак снял с огня котел с варевом, засуетился, устраивая обед. Ели по очереди, как это обозначил капитан – «отдыхали, высушивая за один присест по две пары весел».

Завершив обед, повар занялся переработкой новой кучи рыбы, выпотрошенной и подготовленной старым Шроном. Выры, хоть на засолку и смотрели косо, но в дела и привычки людей не вмешивались. Не до того: оба напрягали зрение, стараясь рассмотреть стены родового замка. Как все крепости выров, он высился на сплошном камне острова у слияния пресных и соленых вод. Огражден был сложным течением, острыми камнями, прочными скалами с подводными зарешеченными гротами тайных ходов. А ещё цепями, перепо-

раживающими судоходные коридоры, ведущие к внутреннему малому порту. Имелись и стены с бойницами, и неусыпная охрана из числа людей, отведавших яда тантовой иглы, Дополняли и возглавляли дозор выры-стражи.

Шром повел хвостом и нехотя отвернулся от берега. Молча ушел в трюм, долго возился, устраиваясь у стены и стараясь оставить место для Ларны. На корме уже закрепили знак, Шрон занял подобающее место – хвостом по ходу корабля, в угрожающей позе, соответствующей уровню недоверия выров к людям. Пожилой моряк переоделся в запасной наряд прежнего капитана, найденный в трюме. Привесил к поясу длинный нож и верительный вырий пергамент в золотом чехле. Тоскливо глянул на Шрона.

– А ну как не будет у них доверия ко мне?

– Молчи поболее, прочее я устрою, – успокоил старый выр. – Пусть-ка попробуют не поверить мне, мелюзга безродная... А вот и они. Ну, помоги нам глубинный свет.

– Я думал, там темно, – едва слышно прошипел неугомонный Малек, обнимая свой барабан и выстукивая должный ритм.

– Там для нас ничуть не темно, – так же тихо отозвался Шрон. – Там наш настоящий дом...

Скоро вся команда отследила на воде две тени движения, отмечаемые белой пеной при касании панциря с поверхностью. Выры охранения замка двигались слаженно, уступом: один впереди, второй на полкорпуса отставая, правее.

Передовой неловко полез на борт, пользуясь заранее приготовленной веревкой с узлами. После великолепия Шрома смотреть на этого его соплеменника было ничуть не интересно. В сравнении проигрывает неизмеримо: мелок, слаб панцирем и медлителен. Весь рост в длину – сажень и полтора локтя. Клешни не длиннее ножа капитана. Зато презрения к людишкам заготовлено с избытком. Сразу же выр занял подобающую позу, изо всех сил вытягиваясь вверх и добавляя себе роста. После нормального движения братьев ар-Бахта по палубе это ненадежное балансирование на хвосте выглядело нелепо. Гребец на задней лавке зашелся судорожным кашлем. Соседи от души врезали по его спине, призывая к порядку. Не до смеха. Всё висит на волоске. Жизнь решается... или смерть.

Оставшийся в воде выр проплыл вокруг галеры и зашипел на своем языке, чуждом людям. Очевидно, герб впечатлил его.

– Достойный Шрон ар-Бахта, какая честь, – мокропанцирный гость припал к доскам палубы и поник усами. – Но... но вы не сообщили о своем визите.

Шрон мгновенно подался вперед движением опытного бойца – и хлестнул клешнями по головогруды прибывшего, отмечая её двумя длинными трещинами.

– Я? Не сообщил? Тебе, гниль береговая? – голос загудел на низких тонах и булькнул возмущением. – Не сообщил о намерении попасть домой? Может быть, на корме нет гер-

ба?

– Не извольте гневаться, достойный ар, – страж замка уже лежал на палубе, пластаясь и пряча усы под брюхом. Из свежих трещин тонкой струйкой пузырилась бурая кровь, пятная палубу. – Но таков приказ вашего славного брата, я обязан, это строгий приказ.

– Вон с палубы моего корабля, – приказал Шрон. – Ты должен знать, я никому в этих водах не обязан... И ты пока что жив только по причине моего уважения к брату твоему, ару Дарге. Не вынуждай забыть прошлое и лишити тебя клешней за поведение, граничащее с мятежом против моего рода.

– Но приказ ара Борга требует осмотра галеры, – если бы выр мог плакать, как человек, он бы рыдал в голос. От жгущей бока боли и еще более – от страха, поедающего нутро. – Умоляю...

– Я могу и усы обрезать, – тихо предупредил Шрон. – Или вырвать. Лежать! Ты не ушёл, когда я тебя отпускал. Теперь поздно. Теперь сказано новое невежливое слово, и я еще не принял решения по второму оскорблению. Ты самовольно вполз на палубу – это было первое. Оно ничто в сравнении с желанием обыскать мой корабль в родных водах моего рода. Изложи приказ Борга в точности.

– Славный ар и хранитель Борг ар-Бахта велели вчера по утру никого не пропускать к замку, кроме курьеров главного бассейна. Еще велели ждать галеру о десяти парах ве-

сел, с парусом синего узора, точно подобную вашей. Её до-
смотреть. Если есть на борту... – Выр запнулся и, кажется,
попытался впитаться в палубу, хотя такое невозможно. – Я
не могу это сказать. Простите.

Тяжелые клешни Шрона лязгнули по доскам и плотно со-
мкнулись на основаниях усов стража. Второй дозорный, бес-
покойно мелькающий в волне у самого борта, увидел это
и, втянув от ужаса глаза, нырнул. Тишина повисла тягучая
и душная. Выр на палубе клокотал слабыми недоразвитыми
легкими. Сипел, присвистывал и не шевелился. Люди сиде-
ли изваяниями, исправно нагнув головы в подходящих по-
клонах.

– Ты и ты, иглометы на левый борт, – спокойным тоном
велел Шрон. – Второго, как только вынырнет, убрать, если
не будет ответа. Этого я казнию сам. Мне не отвечают! Мне!
Дома! В моих водах! Мои слуги!

Гнев старика был безупречен в исполнении и – страшен.
Люди безропотно достали иглометы и встали у борта, ощу-
щая себя законной собственностью выра из рода ар-Бахта:
тон не позволял сомневаться в праве последнего владеть
и жизнью, и смертью.

– Ваш брат сказал, что род ар-Бахта предали, – просипел
страж, запинаясь. – Что достойного ара Шрома убил выро-
дер. Но славный хранитель выкупил его хвост, дабы испол-
нить погребальные церемонии и обрести право на возвра-
щение новой личинки.

– Так просто говорить правду, малыш, – ласково прошелестел Шрон. – Давай ещё раз попробуем. Кто здесь отдает приказы?

– Вы, ар.

– Молодец. Вчера курьер прибыл с посланием, не ранее, так я соображаю. От кого было послание, как брат принял его?

– Послание из порта Хотра. Там сказано: не пришла в означенное время ваша галера. Еще было второе послание, я видел бурую с золотом ленту на нем, ар. Более ничего не знаю. Хранитель прочел и сделался мрачен. Он троекратно усилил дозоры, а утром выгнал на стены и в коридоры всех тантовых кукол замка. Его хвост, да не оскорбит вас это, посинел пятнами.

– Страх для Борга вполне уместен, это описание меня ничуть не оскорбит, – бровные отростки Шрона весело встопорщились. – Малыш, ты осознаешь, что Борг не пощадит тебя уже за одно то, что ты случайно выяснил, заподозрил или увидел?

– Да... Но в нашем роду нет неущербных, некому выйти на мелководье и просить о новом покровителе для братьев. Мы не выбираем, кому служить, ар. Мы заложники вашего бассейна уже пять поколений. Прошу, не казните мою ничтожную честь за грехи своего брата.

– Ох-хо, удумал, – буркнул Шрон, убирая клешни в мирное положение. – Заложники. Это ты, пожалуй, точно ска-

зал. И тягостно мне услышать подобное, ох-хо. Тягостно, за- сиделся я на отмелях... Даю тебе вот какой выбор, раз речь зашла о залоге и праве на свободу. Можешь плыть в замок и поднимать тревогу. Но можешь вернуться к Боргу и сообщить ему иное. Что галера пострадала в недавнем шторме, что она едва ползет, люди устали и их вполовину меньше нужного. И еще. Скажи ему: хвост Шрома ты видел. Мертвый, в соли, по всему судя – засол недельной давности.

Дозорный осторожно вытянул вверх стебелек одного глаза. Осмотрел палубу, людей и плотно прикрытый люк трюма.

– Мы служим роду ар-Бахта, не зная наград, – тихо шепнул выр. – Мой брат Дарга ар-Ютр стар и болен. Его ларец с порошками опустел, а заполнить снова не удастся, это для нас слишком дорого, достойный ар. Может быть, право на доход хотя бы с двух галер дальних путей было бы нам полезнее иных даров щедрого хозяина этих вод. Дороже даже и свободы. Полагаю, я видел хвост мертвого Шрома. Но я смею надеяться, что и договор на галеры – тоже.

– Деловитый ты, домовитый и не жадный, – беззлобно усмехнулся Шрон. – Если разобраться, и десять галер – недорого за один ясно видимый хвост. Ларец для Дарги я соберу сам, когда осмотрю старого. Все же я – один из лучших выр-ых лекарей. Вот так оно будет точно сказано. Вполне точно. Тебе нужна клятва или...

– Вы никогда не нарушали своего слова, ар, – выр осмелился принять более достойное положение, приподнялся

на лапах и выпустил второй стебель с глазом. – Полагаю, вам следует скрыться под килем галеры. Обстрел со стен слишком опасен. Простите заранее, но я скажу. Обстрел, да. Иного приказа хранитель не даст, узнав о вашем присутствии на борту. Советовать снять герб я не буду, не рискну усами. Герб на корме есть, но вряд ли это будет замечено, если я не укажу на ваше присутствие прямо.

– Второй страж...

– Род Ворт, – охотно сообщил выр. – Десять галер прекрасно обеспечат нас обоих, ар. Я сейчас же всё улажу. Он останется на галере, надзирать за прохождением каналов. Осмелюсь посоветовать людям по прибытии в порт укрыться за бортами. Я постараюсь убрать тантовых кукол со стены над главными воротами. Но ничего не обещаю наверняка. Однако же успеха вам желаю, как и себе самому. Мой выбор и его последствия распространяются на весь род. Но я выбрал.

– Неущербное решение, малыш, – похвалил Шрон и двинулся к борту.

Перевалился, нырнул и скользнул под киль. К поверхности немедленно метнулся второй страж. Сам вид могучего старика Шрона вышвырнул молодого ущербного выра на палубу. Выслушав пояснения приятеля, страж не возразил и не выказал удивления. Занял место на носу галеры, приняв неизбежную, привычную для выров и людей позу угрозы. Неугомонного Малька крутило всё сильнее, он по-

стукивал пальцами по коже барабана и норовил подсказать: не страх вызывает поза, а смех. Не надо так шевелить усами, да и кривоватые нижние руки лучше не растопыривать, они слишком слабы, это и мальчишке заметно. Только уважение к новым родичам – дядькам Шрому и Шрону – замыкало рот. Оба велели молчать, ведь Малёк дал слово. А чего он достоин, если своему слову не хозяин? Позор рода, ущербный слабак и пустобрех.

Сложный, слегка спутанный ритм барабана выправился. Галера пошла ровнее, пожилой фальшивый капитан – передетый рыбак – освоился с ролью и принялся вполне деловито покрикивать, управляя движением весел, что немало важно в узостях каналов. Двоих людей он выставил у бортов с баграми. Малёк трогал барабан и ощущал, как тот весело бухает в такт с сердцем.

Впервые он увидит бой! Его приемная семья идет воевать собственный замок. Большой день. Так и хочется дать ритму яркости, прибавить ход и сократить ожидание. Мучительное, осыпающееся по капле с поднятых весел, звенящее течением возле кия.

Вот уже и порт: короткий причал, тусклый в ранних сумерках. Серый камень, серые люди с безразличными лицами и неживыми позами. Туча наползает с берега, пожирает свет, а звуки делает наоборот, отчетливее. Скрип уключин, падение мокрой веревки на причал. Так хорошо – когда рядом берег. И дом... У него, пусть даже на один этот безумный

день, есть дом. Захваченный злодеем, но все же – родной.

Куклы-люди скопились у кромки причала, шагнули единым неловким движением через борт, намереваясь обыскать галеру. Над главными воротами задвигались такие же, разворачиваясь и покидая посты: страж из рода Ютров сдержал слово. Или – заманивает в ловушку? Уже не важно. Потому что ворота не заперты. И, как заверил Шром, в замке «жалких полсотни отравленных людишек». Ещё любимый дядька сказал, презрительно дернув ворсом у губ: выры сами перехитрили себя, снизив до смешного и ничтожного уровня обороноспособность родного дома. Тантовые куклы – не бойцы, а готовый рыбий корм.

Трюмный люк открылся без звука. Страж на носу галеры осел, опустил все вооруженные руки, мгновенно опознав самого удачливого выродера побережья. Ларна скользнул мимо, не уделив внимания мелкому выру, вовсе негодному для замыкания первой дюжины мертвых земноводных. В два движения качнул плоский якорь, выверяя его полет. Метнул в щель неторопливо сходящихся створок ворот: их полагается прикрыть при подходе галеры к причалу.

Металл звякнул, веревка натянулась – и за неё азартно вцепился всеми руками Шром! Ворота испуганно ахнули, настезь распахиваясь перед законным владельцем замка. Выр подобрал хвост и прыгнул, как умел, возможно, из нынешних он один – сразу, первым движением в коридор... Под лапами хрустнули ребра трех охранников из чис-

ла отравленных тантом. Выр не задержался ни на миг, дробно затоптал по камню, двигаясь с удивительным проворством. Ларна метнулся следом, пребольно отвесив подзатыльник – и заодно толкнув голову любопытствующего мальчишки вниз, под защиту дощатых бортов. Оттуда ничего невозможно стало рассмотреть. Но Малёк слышал плеск и стук, и не сомневался: старый Шрон тоже миновал пристань и вошёл в замок без осложнений.

Поникший страж выверился на тантовых кукол и зашипел им приказ, его права в этом замке позволяли распорядиться ничтожными рабами. Спотыкающиеся шаги зашаркали по камню, удаляясь. Мелкий выр пробежал галеру от носа до кормы и сел рядом с Мальком.

– Ар строго приказал беречь тебя, – пояснил он, деловито толкая к борту и не давая поднять головы. – Ты новый шаар рода ар-Бахта, так полагаю... хоть ты и мелковат. Не дергайся, ничтожество. Все мы принадлежим одним хозяевам. Пусть выясняют имя хранителя, оно мало что меняет в общем порядке вещей.

– Я не гнилой шаар, а воспитанник Шрома, – возмутился Малек.

Выр замер и долго молчал, пытаясь осознать услышанное. Наконец убрал руки от головы «воспитанника» и недоуменно опустил на хвост. Подумал еще немного – и его усы задрожали.

– Меня утопят только за то, что я слышал это, – тихо ужас-

нулся он. – Но ведь я не просто слышал, я участвую. Они так и решат. Они назовут меня – мятежник. Они раздавят всех нерожденных моего рода.

Выр опустился на доски палубы и обмяк. Малек некоторое время глядел в мутные бессмысленные глаза, утонувшие в своих сборчатых глазницах. И удивлялся: какие разные существа – выры. Совсем как люди. На тысячу серых и пустых найдется, если повезет, всего один Ларна. А Шром, надо полагать, ещё большая редкость в своей породе... не зря каждый на галере готов считать его достойным восхищения вопреки предрассудкам. Шрома невозможно не оценить.

– Вставай, Малёк, – разрешил временный капитан. – Они далеко уже прошли. Надо думать, угроза миновала, не до нас теперь хозяину замка... бывшему хозяину. Иди под стену и будь там, мне Ларна пояснил: при обстрелах это самое тихое место.

Малек упрямо мотнул головой и прихватил бадью. Набрал воды из-за борта, старательно облил голову и грудь неподвижного стража.

– Интересно, сколько у него сердец? И хороши ли легкие?
– Четыре и очень плохи, – едва слышно шепнул страж. – В воде я почти что неущербный, только некрупный. А вот на воздухе...

– Давай еще полью. Как тебя там... ар Вотр.
– Лей, – безнадежно согласился выр. – Только – зачем? Все мы уже мертвы. Кланд не потерпит нарушения главных

законов мира. Этот замок снесут до основания, до последнего камня растащат... Так погиб родовой дом ар-Нагга, они владели землями за проливом, к северу от ар-Сарна. Теперь там Серый туман. И нас не пощадят. Нас высушат на солнце, вскрыв панцири.

– Прежде смерти не хорони себя, а когда беда придёт, не хорони всё равно, – повторил Малёк слова дядьки Шрона, подслушанные вчера. – Пошли. Может, им нужна наша помощь.

– Им? – в голосе выра колыхнулось безумие. – Помощь? Шром страшнее кланда! Его панцирь безупречен. Он способен нести оружие даже в двух парах беговых лап. Он в состоянии разрушить эти ворота ударом хвоста, я-то знаю... Какую помощь можно оказать великому Шрому, которого убоялся сам кланд, о мягкотелый недоросль?

– Я хотя бы попытаюсь, – уперся Малек. – Где игломёт? Пошли, выр. Тебе велено быть рядом. Куда рванул дядька Шром?

– О, ужас глубин... дядька? – захлебнулся выр. Убедился, что бестолковый человечек покинул галеру и шагает по коридору, удаляясь в недра замка. Нехотя потащился следом. – Тут правее. И еще раз.

Собственно, указания не требовались. Шром пер через родной замок с бесхитростностью полнопанцирного. Малёк шагал, то и дело зажимая рот и торопливо отворачиваясь. Отведавшие танта люди – они все равно люди. Рассмат-

ривать неприглядность их смерти больно. Осуждать дядьку – невозможно. Но тошнота всё рано подступает к горлу, а слезы делают серость коридоров тусклой, нерезкой. Запах прелых водорослей омерзителен. Гниль под ногами чавкает и скользит, гниль и водоросли впитывают кровь людей... Бессмысленные жизни оборвались ещё более бестолковыми смертями. Замок, дом дорогих уже и вполне родных существ, выглядит мерзостной норой без света и тепла. Грязным осклизлым склепом, годным для позорной смерти, но никак не для достойной жизни.

Выры и люди – очень разные. У людей принято говорить: «Он добыл себе место под солнцем». У выров, как пояснил дядька Шром, хвастают «сырой тенью», отнятой с боем. Зато поверженного выпихивают на казнь полуденного светила. Отсутствие общения делает пропасть разницы и того глубже. Малек еще раз с благоговением подумал про дядьку Шрома, умудрившегося перемахнуть эту пропасть в один удар пружины-хвоста. Дать оружие врагу-выродёру и ему же уступить победу в последнем бою. Поставить всё на честь – самую нелепую и осмеиваемую, самую сказочную и ненастоящую ценность двух народов. Куда понятнее выгода, безопасность или просто сытость... Только ради них не стоило называться приёмным родичем выров.

– Он великий боец, ар Шром, – тихо сказал страж, поддерживая Мальку под руку и продолжая свои мысли вслух. – Это все мы знаем. Может статься, он последний из настоя-

щих... Когда я осмеливался, я гордился тем, что знал его лично. Когда я был дерзок, то полагал, что он мог бы вызвать на бой кланда... и перевернуть мир. Но потом пришла весть о злодеянии выродёра. Дерзость покинула меня. В гнездах моего рода всего сорок семь личинок. Так было год назад, при последнем пересчете. Хранитель Борг плохо бережет их, за год погибли в сырости ещё две... Если мир не перевернуть, мы выйдем в считанные поколения.

Малек резко остановился, вцепившись пальцами в скользкие гниловатые лишайники на стене. Великая тайна рода, которую сам дядька не высказал вслух, только что оказалась бездарно выболтана испуганным стражем. Ели всё так, как оно почудилось...

– Совсем нет новых гнезд? Даже у кланда? – вкрадчиво посочувствовал Малек, удивляясь ровности и незаинтересованности своего тона.

– Без глубин? – шепнул выр. – Откуда? Идём, воспитанник. Никто из людей не должен видеть бассейн. Тантовым кукам, даже им, туда закрыт проход. Но, полагаю, и этот запрет утратил смысл.

Выр погладил слабой нижней рукой срез бронзовых проушин разрушенного засова двери. Малёк усмехнулся, опознав знаменитый и описанный во всех сказках удар двуручного топора выродёра Ларны. Запрет на осмотр бассейна не просто утратил смысл – он оказался разрублен надвое...

Малёк юркнул за полуприкрытую створку и попал в ко-

роткий тёмный коридор, удивился гладкости его пола и свежести запаха моря, дохнувшей в лицо. Тугое эхо заметалось под низким сводом, вторя цокоту лап выра. Впереди узкой светлой щелью наметился выход. Ещё одна дверь – вот он, бассейн. Все о нем слышали – и никто прежде не видел. Никто из людей...

Круглая чаша вместилища воды сияла перламутром. Она располагалась в центре зала и была достаточно мала – Шрому пришлось бы плотно сложить усы, погружаясь. Сам зал бассейна выглядел безупречно чистым и сухим. В стенах на уровне плеч Малька располагался сплошной ряд узких глубоких ниш-арок. Над ним уступ-коридор – и ещё ряд, и ещё. Пять ярусов. Каждая арка забрана прочной решеткой. Страж остановился возле одной и благоговейно сложил руки. Его длинные панцирные усы ловко проникли в щель решетки и ощупали нечто в недрах ниши.

– Мой род, все будущие Ворты, спят здесь, – прошелестел выр. – Одна сетка – одно гнездо, то есть три личинки... Эти ещё сухи и целы. Я много раз помогал знатным арам вести счёт. Есть опыт. Но я не понимаю, как личинки могут оставаться здоровыми на воздухе, что их оберегает. Эта тайна принадлежит хранителям.

– Тайны не треплют вслух, – прорычал Шром, возникая за спинами Малька и его провожатого из ниоткуда, ведь не было шумного цокота лап. – Малёк, я велел ждать за дощатым бортом, не поднимая головы. Ты плохо расслышал?

– Я хотел помочь, – вскинулся мальчик, показав игломет, висящий на плечевом ремне. – Мало ли, что и как. Вас всего-то трое. А тут целый замок врагов.

– Замок целый. Врагов нет... – Радости в голосе Шрома тоже не наблюдалось. Глаза развернулись к сражу. – Твои личинки целы?

– Эти – да.

– Отныне хранителем является Шрон. Он говорит, ты разбираешься в воздуховодах, умеешь ловчее всех вырвов их чистить. И неплохо знаешь этот зал. Проверь все вместилища, прощупай каждое гнездо. Требуется полное понимание состояния бассейна. Справишься, да?

– Но я не имею права даже усомниться святыни старших родов, знатных, – дрогнул страж.

– Даже как первый помощник хранителя? Шрон к тебе благоволит, сказал – умный малыш этот Ворт, да. Не дрожи усами, он не оценит ни страха, ни гордыни. Я тебе прямо объясню положение дел, без вранья и недосказанности, да, – хмуро буркнул Шром, поводя стеблистыми глазами и быстро осматривая зал. – Борг совершил непотребное. Полагаю, он додумался во всём обвинить меня. Потому что сделанного уже не вернуть, грех несмываем. Сейчас важно понять число неущербных личинок среди нерожденных. Не для одного рода, но именно для всех. Опасаюсь худшего... Крепко опасаюсь, да. Работай, Ворт и помни: надо узнать правду. Даже самую гнилую.

Шром развернулся, без пояснений забросил себе на спину Малька. Понесся по коридорам, удивляя мальчика скоростью перемещения. Прежде казалось: выры на суше медленнее людей, но и это знание – ложное.

– От вида смерти сильно мутит? – предположил Шром на бегу.

– От запаха сырости и прочего – сильнее, – виновато сознался Малек. – Дядька, как же это? Нет деток, нет совсем. Вы же пропадете.

– Людям полагается радоваться этому, – огрызнулся Шром.

– Как ты можешь говорить такое! Разве я чужой? Да я, если хочешь знать, не дурнее иных. Ларне ни полслова не скажу про наши гнезда. Он выродер, хоть и бывший. Мало ли, что удумает...

– Он видел бассейн и он тоже не дурак, да, – мрачно булькнул Шром. – У меня душа ноет, словно её солнце высушило, потом ещё и песок отчаяния засыпал... Представить не мог, насколько всё плохо... Зал подтапливало весной. Был большой шторм, Малек. Следовало немедленно просушить гнезда. Следовало задействовать шлюзы и отсечь воду, проверить все гнезда и пострадавшие немедленно привести к проклеиванию, спасая хоть так. Это большая работа, самая важная, да. Но... но тот тихоня Ворт один сушил и хлопотал. Его никто не желал замечать... Борг ведь отсутствовал, золото отвлекло его. Золото, за которое не купить ни единой

жизни и не вернуть ни единой... Мы храним гнезда семи больших родов и ещё десяти малых. За это нам платят и служат. Борг всех держал за усы, угрожая гибелью гнезд. И вот угроза, возможно, сбылась по его попустительству. Виновным в подгнивании гнезд являюсь я... так сказано в послании брата, отправленном по весне кланду и тем, чьи гнезда подгнили. Он свалил с себя бремя вины, как только узнал о подтоплении. На меня сгрузил тягчайший грех, за который нельзя даже казнить прилюдно. Люди не знают наших тайн. Меня приказали высушить и отдать безумному выродеру.

– Откуда ты всё знаешь?

– Ларна занимается братом Боргом, – в голосе Шрома проявилось мрачное удовольствие. – Тебе не надо смотреть и слушать. Совсем не надо, да.

Шром выбрался на верхнюю галерею замка. Промчался по ней и стряхнул Малька возле массивной двери.

– Здесь храним книги. Золотые. Иди, смотри, как это выглядит. Привыкай. Скоро мы отплываем. Время нас предало, Малек, да. Если не найти выход теперь, позже искать станет некому. Про стекло и способ составления копии листов всё помнишь, да?

– Всё, дословно.

– Пробуй, для того ты здесь. – Шром сбросил ношу, занимавшую всё это время его нижние руки и до сих пор малопонятную Мальку. Яростно щелкнул клешнями, перерубая полированное дерево засова. И, не сдержавшись, правой

остро взвизгнул снова, уже по камням стены, высекая искры и разбрызгивая мелкое крошево. – Проклятые гнилые законы и вонючие мудрецы, перехитрившие себя самих! Я, потомок рода, не могу войти и читать книги своего рода! Сплошное стекло... И скалы внизу. От кого мы прячем прошлое? От себя? Беспамятные мы, даже честь наша – она на таком же стекле основывается, никому не близка и не нужна. Оттого и не в почёте. Всё забыли и променяли на выгоду, да. Ненавижу. Где мне найти врага, понятного живого врага, которого можно сделать мертвым и так решить проблемы? Хоть бы оказался прав Ларна! Колдуна мне, ох как хочу завалить здорового злодея-колдуна, да-а.

Огромный выр развернулся одним движением, крутнулся на панцире ловко поджатого хвоста – и заспешил прочь, время от времени метя стены глубокими следами своего бешенства. Малёк восхищенно погладил выбоину в полированном мраморе. Он знал, как крепки клешни неущербного. Но знать и видеть воочию – не одно и то же.

Малек уперся в тяжелую створку и стал её оттеснять всем весом своего худенького тела. Грустно усмехнулся: библиотеку не открывали непомерно давно. Бронзовые петли двери глухо жаловались на забвение, сопротивлялись. Но упорство – оно порой важнее силы. Если толкать, не унимаясь и не жалея себя, преграда сдастся первой.

Когда дверь образовала малую щель, годную для проникновения, Малек позволил себе отдых. И рассмотрел зал

от порога. Не усомнился, строили люди. Видно по всему: красивые боковые коридоры с высокими окнами. Много света, узор на стенах лиственный, такой вырам ничуть не нужен, чужд. Тем более был чужд тогда, в незапамятные времена уважения к глубинам.

– В этом замке прежде жил князь, – вслух предположил Малек, припомнив сохранившееся лишь в сказках название правителя людей. – Или этот... владыка. На юге были владыки, так, кажется. Теперь я знаю точно: они были. Это правда. Вон там нарисованы люди на стенах. Их стирали ударами клешней, но не стёрли. Прошлое упрямо, дядька Шром. Оно тогда не захотело умирать. И теперь не пожелает.

Утешив давно покинувшего коридор дядьку и самого себя, Малек замолчал и сосредоточился на исследовании стеклянного пола. Чуда, о каком прежде и слышать не доводилось.

Пол состоял из крупных, не вполне прозрачных, несколько кривоватых пластин-квадратов по сажени каждая. Некоторые пластины крепились к основанию – балкам. Иные висели на цепях. Между пластинами тут и там имелись щели – широкие, опасные. Как и обещал Шром: «Там нет ничего устойчивого. Всё колеблется и норовит вывернуться, а то хуже, разбиться. Сбросить вниз, на скалы и верную смерть»...

Малек презрительно фыркнул. Не дурнее других. То, что одни построили, другие обязательно переиначат и приспособят. Он внимательно слушал дядек, он учился уму и у самого

Ларны. Он выживал довольно долго в городе, уворачиваясь от охраны и стражей. Справится и здесь. Главное – не спешить и не делать глупостей. Ни одной глупости. Первая же сбросит вниз, сделавшись последней...

Оставленный Шромом груз оказался мешком, тяжелым и довольно большим. В нем нашлось всё то, что обещал ещё на галере дядька. Тонкие стержни для крепления, прочные и удобные. Веревки с крючками и мягкими петлями. Присоски – изобретение выров, подобное устройству их задних вспомогательных лап. Клей, сохнувший почти сразу. Шершавые налокотники и наколенники из кожи хищной рыбы – скалозуба.

Перебор сокровищ занял немало времени. Темнота спустилась на замок и мешала все сильнее. Под стеклянным залом нечто шуршало, звякало и смутно щелкало. Малек не любопытствовал. Ему поручено большое дело – можно ли не исполнить?

Свет зародился в недрах внешней галереи. Окреп, наполнил коридор. Ларна без звука прошел и сел рядом, на пороге зала. Изучил аккуратно рассортированные вещи.

– Молодец, не полез вперед глупо, не разобравшись. Страшно тебе?

– Вот ещё...

– Страшно, само собой. Это хорошо. У кого страха нет, тому камни внизу – итог похода. За книгами нам лезть ночью. Света не будет. Это худшее из условий. Шрон сказал: можно

обмануть и такое. Дал жидкий свет глубин. Что за штукови-на, доподлинно не знаю. Но вот она, в лампе. То есть – в ча-ше. Набираешь сюда и аккуратно забрызгиваешь зал.

– Удобно, – обрадовался Малек.

– Веревку привязал? Я буду страховать отсюда. Не спеши, сейчас у нас есть время. Там, в зале, многие плиты крепятся не так, как кажется сверху и сбоку. Есть балки качающиеся, они могут разбить стекло. Есть поворотные. Но это Шром рассказывал тебе. Готов?

– Знамо дело.

– Не вскидывайся, успокойся. Это не приключение, а важ-ная работа. Твой долг перед семьей, можно сказать... – Лар-на криво усмехнулся. – Дожили. Семья выров и людей, а я, выродёр с опытом, оказываюсь в роли доброго приятеля. Стоило Шрому прыгнуть, и мир начал переворачиваться. Правда, пока это мало кто замечает. Меня радует то, что упрямец наконец-то поверил в колдуна.

– Он просто зол, – запротестовал Малек. – Ему нужен враг.

– Неужели и ты не веришь в злодея, стоящего за всеми бе-дами? – расстроился Ларна. – Жаль, он был бы удобен. Мо-жет, я потому и придумал его. Один большой злодей легко устраняется силами одного славного героя. Я хотел стать ге-роем, даже если – мертвым... Славы я хотел, памяти на века. Смешно признавать подобное, я же не мальчишка. И боль-но – тоже. Как менять мир, если злодея нет, но все мы носим

яд в себе? Так сказал Шрон. Он, пожалуй что, мудр... Иди, теперь ты привык к полумраку и успокоился.

Малёк кивнул. Ларна оттолкнул створку двери, настезь распахнул ход в зал. Первая стеклянная плитка лежала близко и удобно, образуя узкую щель, которую легко пере-шагнуть. Малек презрительно прищурился на столь явный и убогий обман. Начал крепить плитку к полу коридора парой стержней и клеем. Ровно и широко, за самые углы грани. Выждал, проверил. И осторожно тронул рукой. Прочно, не норовит вывернуться и уронить. Сажень, можно считать, пройдена.

– Вперед лезешь, как полоумный, – насмешливо предположил Ларна. – Не советую. Крепление плиток к потолку самое сомнительное. Могут обрушиваться, качаться и крутиться. Но – дело твое.

– Так вправо плохо, наклонная она. И влево...

– Это твой путь. Я просто рассуждаю вслух.

Малек сердито замолчал. Глянул на заманчивую удобную плитку, подвешенную на цепях. От неё еще одна, и еще – и вот уже середина зала... А крепить правую, наклонную и явно верткую – трудно, к тому же она не приближает к книгам, расходуя время, клей, стержни и силы. Малёк тяжело вздохнул – и повернул вправо. Второй раз крепить было сподручнее, работа удалась гораздо быстрее. Ползти по чуть наклонной поверхности, вопреки опасениям, оказалось легко, рыба шкура впивалась в гладкое на ощупь стекло с усер-

дием, достойным уважения. Не создавала трещин, что тоже важно.

Выбор третьей плитки Ларна не обозначил словами. Сам думай, вот смысл его молчания, – вздохнул Малёк. Выбрал дорогу к середине зала. Надёжно закрепился, пополз... И всё шаткое сооружение, собранное на тонких штырях и клее, жалобно задрожало.

– А говорил, «не дурнее иных», – в голосе Ларны прозвучала насмешка. – Почему не крепил боковые плитки? Думаешь проскочить на одной удаче? Непрочно уже теперь, а дальше станет совсем плохо. Возвращайся и исправляй.

Малек не отозвался. Он качался на только что закрепленной плитке, слушал скрип стержней, смотрел, как тянется упругий клей. И ощущал, что сердце превратилось в огромный гулкий барабан, отбивающий ритм страха. Оторвать руки от стекла сделалось невозможно. Шевельнуться – тоже. Кромки двух плиток то расходились, то соприкасались с мерзким визгом и хрустом. Сунься он вперед чуть резвее, плитки уже выискали бы повод разбиться...

Дыхание вернулось в норму постепенно, небыстро. Танец неравновесия затих. Малёк осторожно отполз назад. Закрепил первую плитку еще раз, вторую – не только к первой, но и к полу коридора. Третью к соседним.

– Так – хорошо?

– Следующий раз у кого спросишь? Не знаю. Сам думай и сам решай.

– Но, Ларна, ты же видишь... Я решаю.

– Будь у тебя усы, они бы сейчас дрожали, что недопустимо для воспитанника рода ар-Бахта, – усмехнулся Ларна. – Но ладно. Так пока что недурно. Выбирай снова. Полагаю, ты начинаешь понимать прелесть стеклянного зала. Он разнообразен, не так ли?

Малёк не отозвался. Как выбирать? Темно. Пузырчатое неровное стекло не дает оценить тип крепления внизу. Не позволяет понять, есть ли на нем трещины – или это пыль, слежавшаяся за несчетные годы и даже века. Выбор превращается в игру без правил. Прямо, направо или налево? Три шага, из которых неверными могут оказаться все три... Малек тяжело вздохнул и выбрал: «прямо». Закрепился, проверил плиту. Проверил ещё раз. И осторожно, стараясь не раскачивать хрупкое сооружение, пополз вперед.

Трещина почти не создала звука. Щелкнула слабо и вроде неопасно, но в следующее мгновение Малек уже рушился вниз, не успев охнуть. Само стекло тоже падало, неровный его обломок достиг скал и распался эхом звонов и хрустов... А Малек повис, удивляясь своему неожиданному спасению.

– Больше так не делай, – проворчал Шром. – Не всегда дядька будет цепляться к скале и ждать, покуда ты ошибешься, да... Опять же, панцирный ус у меня один. Падал бы ты с той вон плитки, я бы и не достал, пожалуй. Клешней – оно всяко надежнее, да... Испугался?

– Очень, – кое-как Малек выдохнул хоть одно слово. Вце-

пился в знакомый панцирь и прижался к нему всем телом. – Ох и страшно.

– Вот-вот, верное дело. Бойся. Я тоже боюсь, да. Отсылать да страховать – оно совсем уж неумоготу, проще самому лезть, – пожаловался Шром, взбегая по стене и ныряя в неприметный темный лаз.

Малек не успел отдышаться, а дядька уже стряхнул его у двери библиотеки и сгинул. Ларна стоял на прежнем месте и недовольно рассматривал взлохмаченный обрыв страховочной веревки. Разрезало кромкой стекла, – пояснил он. И Малек отчетливо разобрал даже в полумраке: выродёр бледен, руки его предательски вздрагивают. Значит, дядька прав. Страховать страшнее, чем ползти по стеклу! Эта мысль странным образом обнадежила и развеселила. Совсем не одно и то же: красться по осклизлому стеклу, надеясь на себя одного и сомневаясь в каждом движении – или же ползти все там же, зная, что тебя ценят, берегут и страхуют... Что из-за тебя у самого Шрома пару раз ус дернулся! Малёк не стал даже пытаться отогнать улыбку. Пусть родовой замок грязен и воняет гнилью, пусть ночь черна. Пусть от выродёра подозрительно пахнет терпко-рыбьим духом вырьей крови: не иначе, Борг умирал долго и страшно... Пусть старые стекла утратили прочность и оттого вдвойне опасны. Он все равно справится.

Уверенность согрела руки и прогнала сомнения. Уверенность сделал больше, чем прежняя опасливая осторожность.

Может быть, – прикинул Малек, выбираясь на стекло, – так действует на Шрома его тагга. Греет, умяя беды и даруя веру в хорошее...

– На тебя упало крупное такое и внезапное вдохновение, – предположил Ларна, наблюдая, как Малек возится и прищелкивает языком любимый барабанный ритм. – Ох, смотри, опасная штука. От него до самоуверенности – шаг шагнуть. Я знаю, точно так получил метку на лице. Это был мой пятый выр. Я казался себе непобедимым. Он был силен и стоил... – Ларна тяжело вздохнул. – Пожалуй, жизни он стоил. Но тогда я думал иначе. Он испортил мне лицо и порвал ребра. Я поблагодарил его за науку и дал ему легкую смерть. Малёк, тебе очень противно слушать меня?

– Нет, мне интересно, – сообщил Малёк, закончив крепить обманное стекло и заново на него выбираясь. – Вовсе я не самоуверенный. Просто я в свою родню верю, это другое. Знаешь, я только теперь и понял: мы точно родня. Внутри что-то изменилось, выправилось. Это мой герб, мой замок и мои дядьки. Всё всерьез. Тебе такое слышать не смешно?

– Грустно. Шром отдал мне победу в своем последнем бою. И выиграл другой бой, куда как посложнее. Он более капитан галеры, чем я. Меня боятся, а его уважают. Доходит до того, что я сам непрочь стать частью семьи ар-Бахта. Но выродёру, пожалуй, в ней не место. Придётся оставаться другом семьи.

Малек хмыкнул, довольный своим превосходством пол-

ноправного воспитанника, признаваемым всеми. Он – ныркий, ловкий и гибкий. Он заслужит уважение и без панциря. Обязательно: не может ведь Шром ошибаться, выбирая себе малька? Никак не может...

– Я придумал страховаться на цепочку, – гордо сообщил Малек, съехав до края верткой плитки и повиснув там. – Цепочка не рвется об острый край. Я теперь переклеиваюсь на каждой плитке заново, на две точки. И я уже дошел. Сейчас сделаю последний мостик и начну копировать. Дорогущая штука, наверное, этот тонкий лист для накатки черни.

– Сорок золотых за десяток, немало даже для нас, – прогудел снизу, из пропасти под стеклами, голос Шрома. – Ты уж не шали и не спеш. Много видишь книг?

– Семь, в каждой... – Малек осторожно скользнул по массивному трехслойному квадрату стекла, удерживающему книги. – В каждой по двенадцать листов.

– Значит, две он извел на переплавку, – мрачно довершил мысль Шром. – В этих же должно быть по шестнадцати листов. Гнилец! Тягостно мне, что нельзя второй раз его в лепеху мокрую смять, да... Книги, Малёк, хранятся под печатью самого кланда. Я срезал её и нарушил закон... А мой брат не срезал, его дела имели одобрение. Он построил временные мостки и впустил в зал служителей главного бассейна. Было это год назад, он сам признался.

– Интересный был выр, говорливый, – зло, с долей презрения, отметил Ларна. – Я вполне доволен, что порабо-

тал с ним. Если я открою вторую дюжину, то исключительно мягкохвостым гнильцом. Выродёрство – дело не вполне вредное.

– Трудно выру соглашаться с твоими словами, – прогудел Шром. – Но мир несовершенен. Кое-кого неплохо и задрать, вынудив хоть так к откровенности и гласному письменному раскаянию. Память, опять же, хорошо восстанавливается, да. Едва ты вскрыл его спинной щит, он припомнил, где в гротах под замком завалило камнями моего брата Сорга. Без того никогда бы не найти нам умирающего, да. Страшная кончина: голод и заиливание жабр.

– Так у меня есть ещё один дядька? – восхитился Малек.

– Не знаю, – буркнул Шром. – Стражи и сейчас стараются достать его из завала. Жив ли, пока не ясно. Неполнопанцирный он, хоть и здоров душой. Первым из семьи сюда добрался, про меня начал выяснять, бассейном интересоваться. Но у Борга уже имелось разрешение на погружение в морскую воду нового гнезда личинок рода ар-Бахта. Кланд вышвырнул из жизни нас троих, предпочтя гнильца Борга и его вонючую ложь...

Малек слушал, кивал и порой вставлял в разговор слово-другое. Но от главного дела не отвлекался. Смазывал золото страницы чернью. Осторожно, без смещения и поправок, укладывал поверх тонкий лист, мягкий, как ткань. Плотно прижимал. Проскребал гибкой скользкой щеткой, вминающей лист в знаки сквозного древнего письма глу-

бин. Осторожно снимал и устраивал сушиться, переворачивал страницу и чернил следующую...

– Дядька Шром, а нельзя книги вынести?

– Можно. Из одной библиотеки, из этой. Но тебе следует пообвыкнуться в деле, да... – отозвался выр. – Из других тоже можно вынести. Ели замки брать штурмом. Сил у меня много, Малёк. Но убивать выров я не готов. Нет, нельзя столь злое дело затевать, даже ради древнего знания. Потому и хочу брать тайно.

– А вот если снизу пройти, ты же на стене держишься.

– Выше не могу подняться, только до лаза, – нехотя признал Шром. – Камень сверху густо засажен особой слизью. Гниль, не во что вцепиться. Зато она душит меня без клешней. Я пробовал лезть. Нет, выше никак. К книгам – только по стеклу. Но я стану страховать тебя, да.

– Закончил шестую книгу, – гордо сообщил Малек. – Дядька, а если зайти с верхних галерей зала?

– Вот ведь ныркий, – восторженно умилился Шром. – Нет, я уже думал. Проверял. Там опасно. Таннской солью всё засыпано, в нишах для людей тантовый порошок заготовлен. Одно движение неловкое, одно разбитое стекло в заглушенных боковых воздуховодах – и библиотека превратится в ловушку. Убьет всех, кто пришел за книгами, да.

Малек проверил липкость черни на листах и начал бережно посыпать последний сушащей пылью. Поочередно свернул все в длинную тонкую трубку. Подполз к краю стекла

и спустил трубку вниз, целясь поближе к усу Шрома. Бросил – и довольно рассмеялся, когда дядька поймал без малейшего усилия, точно и бережно.

– Ларна, а почему из тебя не стали делать тантовую куклу? Прости за такой вопрос, но я давно думаю... – вздохнул Малек.

– Не служу ли я и теперь главному бассейну? – развеселился выродёр. – Нет, не служу. Из сильных врагов выры не делают тантовых кукол. Видишь ли, отнять у меня память разума можно. Но память тела... Если куклу с моими навыками ударить кнутом, результат непредсказуем. Вероятнее всего я попытаюсь убить обидчика. Бессознательно, но ведь – попытаюсь, и скорее всего преуспею... Я не рабом родился, кланяться точно не стану.

– Верно говорит, – отозвался Шром. – Были слухи. Вроде, в прежние века воины, утратившие память, пытались убивать хозяев. Их сочли опасными.

– Я закончил очистку книг и убираю крепез, – важно сообщил Малек. – Я хочу уйти тихо и бесследно.

– А я хочу свернуть тебе шею за это, – ласково пообещал Ларна. – Не переходи к самоуверенности. Сделанное нами всё равно будет обнаружено. Лишний труд и лишнее время тратить не надо. И рисковать тоже. Сползай вниз, Шром поймает, не надо возвращаться по стеклу. У меня голова болит от этого беспокойства. Шром, слышишь? Я стал совсем мягкотелый.

– Я не лучше, – прогудел выр. – Аж панцирь чешется, как переживаю. Ох, другое дело. Поймал я его, ныркового нашего Малька.

– Жду на галере, – с явным облегчением отозвался Ларна. – Мне там привычнее.

Шром не откликнулся. Он уже бежал по скале к темному провалу лаза. Малек блаженно лежал на панцире, обмотанный для надежности длинным усом. Щекой мальчик плотно прижимался к твердому прохладному боку дядьки. И ощущал себя совершенно счастливым. Он справился, он сегодня вел себя неущербно. Запах чуть подсохшего панциря приятный, если привыкнуть. Море в нем, соль и водоросли чудятся, не более того. Особенно теперь, когда дядьки повадились умываться по три раза на день. Им, кажется, и самим понравилось.

– Устал? – нежно булькнул Шром.

– Очень.

– Да уж. Трудная ночь. Я тоже устал. Мне дом наш не нравится. Ты прав, вонюче живем. Гниль, сырость, запустение. Тоска, да... На галере лучше. Дерево – оно приятно панцирю. Да и солнце мне нравится, когда оно не светит в затылок постоянно. Поговорю со Шроном. Пусть эти... как они зовутся-то? Окна, вроде. Вот их пусть от камней освободят, да. Замок уж больно на ловушку похож, серость да стены, стены да серость. Как тут растить мелюзгу? Гнильцами того и гляди сделаются, в гнили копаясь.

Малек вздрогнул. Только теперь он понял: дядька всерьёз задумался о том, что называют «погружением гнезда в воду». Значит, скоро в замке появятся крошечные выры. И он, человек, станет не так уж важен...

– Если я тебе дядька, – продолжил мысль Шром, – то эти будут уж полноценные братья, по вашему людскому закону, да. Хорошо, когда есть братья. И им хорошо. Будут знать, как разум накопят, на кого следует становиться похожими. У нас ныне в роду ущербных нет. Гнильцов, то есть. Я сильный, Шрон мудрый, Сорг в торгом деле силен и ещё он добр, а ты уж вовсе хорош, ты – ныркий. Новое принимаешь верно, это большой дар, да.

– Дядька, я тебя обожаю. Я-то боялся...

– Глупости. В древние времена, глубинные, – усмехнулся Шром, – мальки за родом числились очень условно. Пойди их опознай... В море растут до трех, иногда и до пяти лет, потом в ум входят начинают. Так-то в целом по масти, по иным признакам, можно предположить родство. Хотя и неточно. По-настоящему род принимал лучших, и только по делам их. Если сильный род, конечно, как наш, да. Мальки прежде сами искали способ произвести впечатление на ара. Наш ар, если по старинному слово понимать – Шрон, глава рода. И ты его любимчик, да. Вот вырастешь, он тебе подберет хорошее взрослое имя.

Шром выбежал в широкий коридор, и навстречу отчетливо пахнуло морем. Малек огляделся: тела погибших уже

убрали, кровь смыли, даже грязь немного разгребли, наспех. И продолжали работать. Три безразличные ко всему тантовые куклы неторопливо, но безостановочно, грузили на тележку водоросли и лишайник. Мелкий выр помогал им. Малек заподозрил в нем знакомого стража и на всякий случай помахал рукой. В ответ неуверенно качнулся ус.

Команда галеры отдыхала на борту, вполне довольная удобством родной палубы. Шром взбежал по сходням и устроился у мачты, на привычном уже месте. Старый рыбак, сменивший вычурную капитанскую одежду на прежнюю, немедленно подал ранний завтрак. Мальку – уху, выру – печень в сыром виде и бутылъ белой тагги.

– Да, пожалуй, тут я совсем даже дома, да, – оживился Шром. – Где капитан?

– Спит в трюме, – отозвался рыбак. – Вы не сердчайте, ар. Только сыровато у вас в замке-то, да и кормят не пойми чем, сказать по совести. Я уже и стражей ваших угощал, – гордо добавил старик. – Как есть все нахваливали печёночку. Ту, что Малек утром на солнышке выдержал да с водорослями тертыми намешал. Ларна же просил вам сказывать: мы все тут, потому ждем приказа. Вроде, плыть надобно снова.

– Надобно, да, – оживился Шром. – Только к ночи ближе. Отдыхайте. Рыбу следует наловить, да...

– Так ужо ловят, – отозвался рыбак. – Достойный выр Жавра ар-Ютр изволил сам предложить. Это который кукол тантовых убрал со стен. Вот он и вызвался с подмогой.

Малек облизал большую деревянную ложку, поблагодарил рыбака и отдал пустую миску. Зевнул, размышляя, кому и в чем следует помочь, утро-то уже горизонт высвечивает, не время для безделья... и заснул мгновенно, побежденный усталостью и обилием впечатлений. Шром бережно поймал на руки клонящееся к палубе тело, унес в трюм, устроил на запасном парусе, у самого люка: и свежо, и уютно.

Вернулся к мачте и внимательно осмотрел команду. Люди отложили свои дела и ждали. Еще бы! С недавних пор каждый день в их жизни меняет слишком многое: привычки, оценки, саму судьбу. И стержень всех перемен – он. Шром, неущербный выр, для которого законы значат меньше собственных представлений о чести.

– С братом я поговорил, – негромко молвил Шром. – Кому неуютно и даже боязно, тех не держу. Трудное дело мы затеяли, не пощадит оно многих... Шрон примет всякого, он в верхних залах, вас проводят. Уходящим выплачено будет из средств рода ар-Бахта. Двадцать полновесных кархонов золотом, да. Ещё пергамент, чтобы вас на новом месте приняли без вопросов. С вас же слово: уйти во внутренние земли, хотя бы на десять переходов от берега. И нам спокойнее, и вам, да... Кто остается, те пусть ждут. Шрон закончит с делами и сам явится. Обсудим новый договор. Есть тут, в сухом доке, совсем новая галера, да. Малая, но сработана чисто, собой хороша и быстра. Личный корабль Ларны и мой, вот так. Дело затевается трудное, оплату дадим хоро-

шую, но покоя не обещаем.

– Никто не пойдет на берег, – за всех и сразу отозвался рыбак. – Мы все обдумали, ночь была длинна да бессонна. Коли сейчас уйдем, от скуки да сожаления помрем скорее, чем от прочего чего,.

– От скуки? – заинтересовался Шром. – Страшная кончина, да... Ну, от такой беды я вам обещаю спасение, вот это точно. Если кто не устал, пока брат Шрон разгребает дела, помогли бы с замком, да. Окна надобно восстановить. Гниль повымыть. Перед Мальком мне совестно, да... Дом мой во-нюч, совестно. Никто в него идти добром не пожелал, ясно вы показали мне это. Сам тут остаюсь, да.

– Пособить можно, – пообещали от борта. – Я по прежней-то жизни каменщик.

Шром заинтересованно вытянул стебли глаз, дважды качнул ими, выказывая приязнь и согласие. Свернулся на палубе, подогнув хвост к головогрудю – и замер. Спал он тихо, дыша беззвучно, незаметно. Сторожевых усов сетью не растягивал, полагая людей галеры вполне своими. Это оценили. Сразу натянули полог от спешащего на восход солнца, умеющего слишком усердно сушить панцирь. Приставили человека с бадейкой: поливать время от времени выра. И ушли, негромко переговариваясь, к распахнутым настежь воротам. Делать приятное Мальку и заодно – любопытствовать. Никто и никогда не видел замок выра изнутри, если не стал тантовой куклой.

Страж из рода Ворт, рассмотрев эдакую толпу людей, чуть не утратил сознание, что нетрудно при его слабых легких. Выр подбежал ближе и задохнулся окончательно. Пришли помогать и не просят оплаты, потому что уважают Шрома.

– Ты глаза не пучь, – увещевал рыбак, выбранный говорить за всех. – На черпак мне не кажи, не дело. Мыть надобно с толком, от самого верху. Четыре лопаты давай, три молотка, еще две тачки, бадеек с пяток, а лучше водовозку. Еще швабры, скажем... четыре. Эй, да не падай ты. Сам вижу, склизко тут. Еще надобно... да не спеши, дослушай!

К полудню Шрон завершил учёт личинок. Подтвердились все подозрения, шепотом высказанные новым помощником из рода Ворт. Сам старый выр от роли хранителя впал в мрачность и осторожно надеялся лишь на то, что замок будет подновлен, а стражи прекратят униженно падать всем телом на камни при виде хозяина. Трое уже освоились, а наследники родов Ютр и Ворт старались более прочих, занимаясь сразу двумя, а то и тремя, делами. Галеры и новая должность помощников самого Шрона – потрясли семьи... Шрон истратил еще некоторое время на сортировку почты Борга, его деловых отчетов и личных записей. После такого занятия воздух замка показался особенно гнойным и мерзостным. Мягкохвостый предатель был ловок. Он стравливал соседей, угрожал зависимым родам порчей личинок, подкупал независящих от семьи ар-Бахта выров и стремился к высокому званию при кланде. Он же был одним из тех, кто предложил

переплавлять книги в монеты.

Глубинную основу замысла Шрон постиг быстро: нынешнему властителю Аффару ар-Сарне хотелось полностью стереть из памяти народа выров самую суть понятия «кланд». Ведь это не князь людей и не правитель, а только военный вождь, наделённый властью в годы немирья. В иное же время, спокойное, кландом именуется тот, кто выдержал поединок на мелководе. И, значит, нет для него власти. Боевая его слава имеют значение лишь для сезонных поединков и длятся год, до нового испытания! Нынешний кланд по закону древних на власть не имел ни права, ни даже основания. На камнях близ Синги безусловным победителем уже два десятка лет значился только один выр – Шром. Страх перед его великолепием бойца грыз ущербного кланда сильнее, чем паразиты глубин – свою добычу. Страх привёл к решению о подлой и тайной казни Шрома по лживому навету. Зависть же потребовала сделать убийство как можно более мучительным и позорным...

Шрон закончил чтение пергаментов, сгреб гнусные секреты мертвого Борга в большой сундук, запер их там до поры. И поспешил вниз, к воде – омыть тело и успокоить мысли.

Передвижение по коридорам замка привело старика в гораздо лучшее настроение. Полы чисты и свежи, пахнут морем. Спустившись на три яруса, Шрон замер в недоумении. Знакомые люди с галеры деловито продолжали уборку, трудились сами и покрикивали на тантовых кукол, приданных

им в помощь. Два выра-стража без устали таскали водовозку, ругались с людьми – и выглядели вполне довольными.

– Ар, мы надеялись управиться к вашему прибытию, – сипло выдохнул утомленный страж. – Это вроде подарка... замок сильно похорошел.

– Не без того, вот уж точно, – согласился Шрон, удивленно изучая коридор. – И всюду так?

– Верхние ярусы убраны начисто, – гордо отозвался страж. – Ниже пока по первому разу проходим. Не мог и представить, что людям требуется больше воды, чем нам... Но я с лап сбился, а они льют и льют. Мы живем морем, но до нынешнего дня, ар, в нашем доме не пахло солью и радостью. Только гнилью, вы уж простите.

– Я уж, пожалуй, похвалю, изрядно потрудились, изрядно... – старик гордо встопорщил усы. – Что брат? Пришел в себя Сорг?

– Плох, но в сознании, надеемся на лучшее, – осторожно предположил страж. – Он на пристани. С ним воспитанник ара Шрома. Очень, осмелюсь сказать, полезный Малёк. Ваш брат его почему-то слушается. Разрешает чистить жабры, хотя это весьма мучительно.

По коридору снизу затопотали поспешные шаги выра. Шрон, собравшийся ответить стражу, промолчал, ожидая новостей. И точно: подбежал выр рода Вортов. Тяжело повел усами, без слов жалуясь на горькую участь обладателя слабых легких. Люди загудели, сочувствуя, полили из бадейки,

помогая отдышаться.

– Три галеры в устье реки, – сипло шепнул гонец. – Еще пять бурунов над панцирями. Идут открыто. На парусе герб рода ар-Дох. Есть гербовый столб на корме, наши стражи видели.

– Мы храним их личинки, – тихо молвил старик Шрон. – Плохо сберегаем. Интересно мне, как Борг намеревался усидеть хранителем, разворошив эдакую бурю, да без Шрома, против которого выр в здравом уме не пойдет никогда?..

– Осмелюсь высказать то, что слышал случайно, – просипел страж. – Он нанял даже не одного выродера, а двух. Это мои домыслы, ар. Но я слышал про оплату услуг, две оплаты. Обе вперед и обе по пять сотен золотом или более, полного счета я не разобрал.

– Давно был разговор, с кем?

– Галера, доставившая вас, до того приходила два месяца назад. Капитан, которого я более не вижу в команде, говорил на пристани с вашим братом. Я стоял над воротами, ветер был в мою сторону... и я слышал, хотя это далеко. Ущербность порой отнимает важное – и пытается вернуть нам по мелочам несущественное, – грустно поник выр. – У меня слабые легкие, но очень тонкий слух. Лучше бы на оборот.

– Уборку замка прекратить, – велел Шрон. – Людей принять и разместить в кольце стен. Галеру убрать от причала. Цепи главного канала опустить, ар-Дохов встретить перед

узостями каналов и провести к причалу. Сам справишься? Вот и молодец, вот и правильно. Ты помощник хранителя, помни это. Лапы не гни, ты не раб и не слуга. Скажи: я жду на пристани. Так сразу и скажи. Хранитель Шрон, мол, хотел вас видеть и готовил курьера, но вы сами пришли, за что спасибо. – Старик хитро блеснул глазами. – Не боишься к ним на палубу взойти?

– Личинки моего рода теперь не заложники моих слов и дел, – тихо молвил страж. – Прочее не так уж страшно.

– Приятно сознавать, что глубины еще дороги нам, с их ценностями и честью, – гордо отозвался Шрон. – Иди.

Сам старик еще раз с интересом оглядел чистый коридор и заспешил вниз.

На пристани, само собой, было далеко не так пусто, как приказано. Малёк лежал на животе, запустив руку по самое плечо под панцирь Сорга. Малек ругался тонким ничтожным голоском, требуя от третьего своего дядьки терпения и послушания. Да, больно – но ведь он из славного рода и обязан быть сильным... Едва живой Сорг стонал, дергался и бился, но его прижимал к камням сам Шром, и тот же Шром держал в зажимах лап сильно отогнутый кровотокающий панцирь бока и брюха, позволяя Мальку чистить забитые илом жабры. Ни у кого иного, – сразу догадался Шрон, – в столь малую щель просто не пролезла бы рука. А проливать водой бесполезно. Камни и мелкий сор впились глубоко и слежались, спеклись с кровью и заживляющей пеной...

Увы, в данном случае скорее вредной, чем полезной. Стоит повременить еще день – и жабры утратят способность даже к самой простой работе, затянутся пеной навсегда... Сорг не сможет нырять, но это – полбеды. Гниение под панцирем не прекратится, и жизнь брата станет сплошной мукой, растянутой на долгие годы, лишаящей сна, отдыха, подвижности, а позже – зрения, слуха, чувствительности лап.

– Еще потерпи, дядька Сорг, – всхлипывал Малек, которому было тягостно причинять боль. – Я стараюсь бережно, ты не кричи так, я очень стараюсь. Еще воды. Дотянуться сложно, вот и получается долго.

– Хоть кто-то покинет пристань? – без особой надежды уточнил Шрон.

– Вряд ли, – отозвался Ларна

Он как раз вытянул очередную бадью и размашисто выплеснул её в щель панциря. Сунулся было снова набрать воды, но передумал. Задумчиво присел и указал Шрону на вмятину в головогруды Сорга.

– Тут бы дырку сделать. Вот так, длинный косой пролом. Отсюда пролить водой, сверху, а?

– Выродёр, – простонал Сорг.

– Не без того, – расхохотался Ларна. – Но еще и лекарь. Исключительно для вашей семьи, славный ар.

– Тут, так тут, – не оспорил совета Шром и прицелился клешней. – Прямо или вскользь бить-то?

– Дай покажу. Бей вот так, и сразу, не вынимая кончик

клевши, слегка расширь щель. Оттуда ток воды будет прямо на жабры поступать, если повернуть выра на бок. Иначе ил до конца и не выбрать без полного вскрытия брюшного панциря. А если вскрыть...

– Выродёр, – снова выдохнул Сорг.

– Я не такой, – всхлипнул Малек. – Я же как лучше!

– При чем тут ты, Малек? Я на Шрома ругаюсь! – засипел Сорг, отчаявшись отделаться одним словом. – Невыносимо так давить и выкручивать панцирь брату, невыносимо... хоть с хвоста слезь, раздавишь! Туша ты каменная, отродье глубинное.

– Разговорился, – обрадовался Ларна. – Значит, полегчало.

– Малька надо увести за ворота, – строго приказал Шрон. – Сюда идут ар-Дохи.

– Так это я позвал их, – выдавил Сорг. – И не только их... Хотел скovyрнуть Борга, но не смог. Он хитер. Был хитер. Да слезь с хвоста, выродёр ты проклятуший! Я терплю и так. Не дергаюсь...

Ларна щелкнул языком и указал на воду у самой пристани. Точнее, на три пары глаз, настороженно изучающих сцену лечения Сорга. Выры осознали, что обнаружены, и всплыли. Самый крупный вежливо заложил усы назад, отфыркался, раскрывая легкие, и прицелил взгляд в Шрона.

– Ар Шрон, мой брат полагал вас мертвым. Он уважает вас, он скорбел по поводу гибели. Он числит среди покой-

ных и ара Шрома, и ара Сорга... Мы ничего не понимаем, мы шли сюда с наточенным оружием и болью в душе. Что сказать брату, наша передовая галера уже рядом?

– Пока что у нас в семье приключилась всего одна убыль, – отозвался Шрон. – Борг издох. Не сам, ему помогли. Но перед смертью он рассказал много ценного. Вот так передай, будет точно. От меня передай.

– Сдох, – в голосе чужака прозвучала отчетливая радость.

Выр шумно и поспешно схлопнул легкие, нырнул. Шром проводил его взглядом, покосился на Малька, кашляющего в очередной луже воды, вылитой по-новому, через дыру в панцире, как и желал того Ларна.

– Так хорошо, удобно, – наконец отплевался Малек. – Комков сразу стало меньше, но ил есть, его пока много. Еще одну бадейку, капитан. И лейте медленно.

– Еще одну, медленно, – согласился Ларна.

Когда галера подошла к причалу, вылито было две бадьи, и Сорг осторожно предположил, что жабры можно проверить в воде, продышать: жжение еще осталось, но незначительное. Малек упрямо сполз с пристани следом за дядьками. Нырнул и снова взялся чистить работающие уже жабры, презирая риск защемления руки под панцирем. С палубы большой галеры наблюдали молча и удивленно. Оружие убрали заранее, услышав новости, переданные своим же дозорным.

На носу корабля в гордой позе возвышался пожилой выр,

его панцирь был отмечен двумя ярко-синими полосами боевой раскраски. Выр оглядел берег и собравшихся.

– Шрон, Шром, Сорг и еще невесть кто... – сипло удивился боевитый гость. – Нескучная семейка, нескучная. Сперва умирают, всё побережье узнает о том. Но стоит явиться на похороны – и вот, никакой радости! Вы испортили мне бой, а ведь я стар, когда еще возьмусь замыслить штурм замка... Я уже присвоил себе в мыслях этот замок, если говорить прямо. Нельзя его было оставлять Боргу. Он всех нас сделает последними в роду. Гнилец. Родную кровь не пощадил... так я думал. Теперь хочу изучить косяки ваших мыслей.

– Кто ж среди дня, шумно и прямо, идет на штурм? – возмутился Шром. – У тебя двое толковых полнопанцирников, дядька Ботр. Ночью бы им вползти по стене, да наверх до спальни нашего братца, и все дела.

– Так я и думал: пошуметь, поторговаться, – вздохнул выр в боевой раскраске, нехотя складывая усы и перебираясь на сушу, едва наладили сходни. – Как раз дал бы моим младшим время спрятаться у берега. Хороший план.

– Главное – редкий и неожиданный, – тихо буркнул Ларна. – Советники главного бассейна его числят под номером один в списке возможных угроз нападения. Рекомендуют сразу давить личинок рода мятежников... так я слышал случайно в городе, а точнее, в городских застенках порта Синги. Там много интересного можно узнать.

– С вырождёрами не общаюсь, – сухо уточнил старик. – Ар Шрон, что у вас творится? Две недели назад мы изловили такого вот наемника у своих родных гротов. Допросили и казнили, само собой. Потому и поспешили сюда, едва получили весть от Сорга. Неладно на берегу, гниль течением жизни крутит, как хочет. Мы нищаем, они богатеют. Нас заказывают вырождёрам, они готовят наемников. Смерть Борга меня радует, скажу прямо. Но смерть этого выродёра порадует вдвойне.

– Он сменил род занятий, – Шром выбрался из воды, поскольку Сорг уже плыл сам, пусть и неловко. – Он лекарь, проверено на моем панцире. Я за него отвечаю отныне и впредь, да. Вырождествует он только по моим личным приказам, в крайней необходимости.

– Не понимаю, – возмутился старый выр.

– Пошли, ар Ботр, осмотрим ниши с личинками вашего рода, – предложил Шрон. – Это ведь пока что главное. Борг натворил много гадкого, но все же уцелело семь десятков сухих гнезд, ваш род велик и по-прежнему силен... Скажи своим младшим, не надо устраивать засаду. Без ужина рискуют остаться.

– В вонючих замках питаться могут только гнильцы, – ошетилил надбровья воинственный выр. – У нас нет замка, зато мы живем морем. И помним прежнее.

– Пошли, не булькай попусту, – Шрон двинулся к воротам. – Нет у вас замка? Вот и обсудим, как укрепить этот,

берегущий ваши личинки. Стража у нас слабовата. Как тебе глянется место второго хранителя, ар Ботр? С полным договором чести.

– Хитрый ты старик, – было слышно по голосу, что выр польщён. Прекратил демонстративно прожигать взглядом Ларну и заспешил в ворота. – Уже прознал, что сюда идут ар-Томиса? Но мои галеры быстрее. Да, я не готов уступить им право хранить личинки. Идем, тихо обсудим подобающее лишь слуху старых, глубинных мудрецов.

Шром выудил Малька из воды и усадил себе на спину, вызвав на галере целую бурю удивления. Ларна оказался забыт, по крайней мере – на время. Сам он это сразу отметил и вздохнул с облегчением. Чуть расслабил руку на узком ноже, годном для метания и заранее смазанном, чем следует. Умереть выродёр может в любой день. Но всегда хочется, чтобы этот день наступил не сегодня... Ларна чуть постоял и двинулся от пристани прочь, в ворота. Усмехнулся. Благодаря Шрому не состоялся очередной последний бой. Старика в синих полосах раскраски выродер успел бы убить, точно. Почему так хочется перед смертью – убить? Нелепое свойство мстительности или еще более нелепое неумение решать дела мирно? Привычка считать выров предметом найма и ожидание ответного действия с их стороны – казни?

Ларна тихонько рассмеялся, уже миновав ворота. Видели бы выры себя со стороны! Одно движение клешней Шрома приводит их к миролюбию, всеобщему и исключитель-

ному. Трудно представить состояние несчастных, которым на мелководье доставался этот противник. Отказаться невозможно, выиграть бой – тоже. Не исключено, что свою привычку звать брата вырождёром Сорг приобрел давно и по иному поводу. Он врожденно добр и едва ли понимал необходимость убийства во имя чести. Ларна убрал нож в ножны. Вздыхнул полной грудью и подумал: как быстро меняется положение дел! Нелепый заговор двух сильных выров, лишённых поддержки и по сути выдворенных из родного замка, обрастает сторонниками, обретает глубину и смысл. Пожалуй, главный бассейн устроится и на время затихнет. А потом перейдет к обычному для себя – к торгу.

Служители кланда начнут свою игру, будут покупать за золото надменных ар-Томиса и предлагать роскошный замок тщеславным ар-Дохам. Выры так давно живут рядом с людьми, что начали усваивать их ценности и устремления. Увы, не лучшие... Отчуждение, рознь – только помогают падению гордого и могучего народа. Который, стоит признать уже ради одного Шрома – достоин жить под солнцем... и тем более в тени, к которой он стремится, оставляя обширное свободное пространство для людей.

Глава четвёртая. Горнива, край людей у опушки Безвременья

Вороного страфа заметили издали. Еще бы! Таких зверюг на всю лесистую северную Горниву – не более десятка. Поро-дистый, ноги саженные, движется побежью. Усидеть на эда-кой каланче, когда когтистые ноги на замахе вскидываются выше клюва, способен не всякий наездник из опытных. Да и норов у страфов дик, их под седло редко решаются ставить, чаще – в строгую упряжь. Всех, только не этого.

Кривопузая недокормленная малышня заголосила при-вычное, звонкое и нахальное, пока гостье издали не слышать слов: «Монька едет, гулявая Монька». Самый догадливый припустился к старостиной избенке напрямки, по свежим лужам, щедро расшлепывая кляксы брызг по плетням. Не ве-лика разница у той избы с прочими, только что пятистенка –

попросторнее иных, а на вид кособока да черна, как всё догнивающее поселение.

Щели в дерюжках штопаных занавесок сделались на волос шире. Глаз не видать за ними – но глаза-то всё видят! Привычно щурятся, ни на мгновение не упуская большое событие для деревни. Как же! Монька, шаарова приبلудка, сама изволила приехать. Позвали – и вот она, явилась. Хаять гулявую привыкли на всех посиделках. И как иначе? Деревенька жмётся у леса, но слухи в неё затягивает словно сквозняком в щель, со всей округи. И копошатся они тут, как неведомые зверушки, и переводу им нет, множатся куда охотнее домашней птицы. Никакого мора не ведают.

– Вона, ишь, подбоченилась, – азартно шипит из-за своей занавески дозорная старуха крайней избы, бросив без пригляда кислые щи в печи. – Ужо и на её шею хомут найдется, давно пора. Мыслимое ли дело! Девке в портах ходить, да на страфе разъезжать! Хочь бы скинул, тьфу, бесстыжая...

– Мать, уймись, – лениво зевает старший сын, затевая столь же привычный ответ, говоримый при каждом приезде Моньки. – Гулявая – не гулявая, а токмо лучше она, чем братец ейный, шаару законный сынок. Вот тот и три шкуры спустит, и за новыми тремя в лес оправит столь далече, что отсель не видать. Токмо он не приедет, к нему надобно самим идти, ноги бить да лбы расшибать.

– Ага, аг-га-га, – не унимается бабка, проявляя чудеса зоркости, ничуть не совместимые с её возрастом, – вона, гля:

руку как есть рассадила, от плеча до локтя. Ох, верно сказывают: и гулявая, и драться горазда. Оттого и сидит в девках в двадцать два года, кто на её польстится, на перестарку, на яблочко надкушенное? Вечёр Бронька сказывала, что ей соседка верно донесла, которой внучка на торг в большое село племянника надысь снарядила, и он сам слышал: по трактирам пьяная эта Моська шлындает. К мужикам липнет и упивается до беспамяти, да не одна пьет, с любовниками. А чего ей? Все знают, как она в родню-то к неродному батюшке набилась, с его управляющим за избой обо всем сговорилась.

– А ну цыть! – сердится с печи старик. – Не твоего ума дело, замшель кривогорбая! Всякому ведомо: шаары законов старых не блюдут, да и новые сами правят, как им удобнее. Сколь баб поперепортит этот пакостник, и высказать страшно. Может, и дочь она, а может, и приبلуда. Токмо жить хочешь – молчи о том. Пирог вона доставай да полотенце почище на поднос подстели.

– Пирог ей... – шипит старуха, нехотя выбирая полотенце. – Экая честь бесстыдной бабе! Пирог... последней муке перевод. Все одно, штрафу скормит, помяните мое слово!

Но пирог на полотенце выкладывает, парадный платок, светлый да с вышивкой в два тона, повязывает, улыбку самую ровную натягивает – и шась за порог.

– Ой, да кто же энто туточки? – сладко разливается голос, утративший всё своё шипение. – А ведь Марница, душеч-

ка наша, радость-то, вот радость! Ужо не чаяли, с весны все ждали...

– Жданики проели, – голос у дочки шаара ровный, с отчетливой ноткой металла, выказывающей нескрываемую насмешку. Женщина ловко спрыгивает из седла и чуть кивает. – Привет, бабка вредная! Вкусны твои пироги. Видно, вся вредность в печи выгорает. Чего звали?

Ростом дочь шаара не особо высока, но гнуться не обучена и смотрит прямо, оттого получается всегда – вроде она и рослая. Волосом черна, а глаза выдают материну породу, северную, густо-серые они в сумерках, а днем полный цвет дают, синеву затаенную кажут. Только смотреть в них глубоко и прямо мало кто решается. Шаар – он всему краю хозяин. Хуже всякого выра, коих тут не бывало так давно, что и старики их не помнят. Клешнятым из рода ар-Сарна полагается отдать десятину с любого прибýtка, о таком законе все слышали. Но только отдавать приходится две десятины, поскольку и шаар желает жить небедно. Да ладно бы две! Как приедут лихие люди – сборщики, так и начинается: одним потеха – другим разорение. После их отъезда только и получается учесть, что осталось. А остается мало. Иногда лишь то, что уж вовсе никому не глянется... В стороне от дорог деревня стоит, в мох врастает. До выра далеко, а шаар верит своим служивым, и никому более. Кроме, разве что, Моньки.

– А ты бы в дом прошла, шами угостилася, – поет бабка, подсовывая поднос и гордо кося на соседские занавесочки.

Вот, мол: мои-то пироги и шаару хороши. – С дороги морсу выпей, да и квасок у нас имеется, уж не побрезгуй.

– Да я-то пройду, мне что, – бессовестно хохочет шаарова дочка, упирая руки в колени и сгибаясь, встряхивая гривой позорно неубранных кудрявых волос, перевязанных на лбу цветной лентой – от пота. – Только штраф мой тут останется хозяйничать, один. Вот потеха будет! Прошлый раз пошла я в дом, а он Семерикам чуть не раскатал избу по бревнышку. Гнилые бревна-то, бабка!

– Руку вона, – задает бабка жгущий её вопрос, – об ветку, чай, рассадила, болезная? Ох ты ж, перевязать надобно, лапушка.

– Нет, – шаарова дочь насмешливо косится на бабку и громко сообщает деревне свежую сплетню, всё одно узнают: – об ножик, вот такой вот. Мужик больно настойчивый попался. В женихи набивался, а мне ничуть не глянулся... Привередливая я. Ты, бабка, не охай, ты его не видела. В смысле, чем я угостила его и как дело... гм... сладилось. – Женщина хмурится и меняет тон: – Где старосту, мать вашу, носит? Мне тут что, до ночи пироги жрать да в носу ковырять?

Штраф опознаёт смену настроения любимой хозяйки и начинает топтаться. Вот уже вороной выпустил когти трехпалых лап, озирается, готовый к возможному бою.

Народ затихает. Бабка пригибается. Боевой штраф – он страшнее всякой иной напасти. Три когтя, каждый – по ла-

дони длиной. Лапы саженные, в темной мелкой чешуе, прочностью подобной броне. Крайние перья бесполезных для полета крыльев – скорее уж иглы, и они срываются и жалят врага охотно, метко. Но и это не самое ужасное. Никто и никогда не видел удара страфьего клюва. Не видел – потому и не увернулся... Не на что смотреть: голова вроде и не меняла положения – а вот он, враг с раскроенным черепом, падает, клонится к земле. Спокойный лиловый глаз птицы наблюдает за смертью свысока и всегда с безразличием фальшивой непричастности к расправе. В сказках говорится: страфов придумали колдуны, чтобы воевать с вырами. Казалось, это поможет. Не помогло... зато теперь страфы служат всё тем же вырам, состоят в загонах наёмников, стойлах застав курьеров да на дворах шааров.

– Клык, не начинай, – Монька резко одергивает своего страфа. Ломает пирог надвое и не глядя бросает половину за спину. – На, уймись, вымогатель.

Голова птицы чуть вздрагивает, раздается сложный дробный хруст – и уже снова страф презрительно и безразлично озирает гнилую деревеньку с высоты своего роста. До седла – сажень, а голова и того выше, без локтя две сажени при плавно изогнутой шее. Есть, чем гордиться, вся красота и сила породы ласмских вороных при нем. Зато половины пирога нет, как не было...

Народ охает, замирает – птица, это всякому ведомо, резких движений не любит. Но, благодарение тайно почитаемой

и поныне Пряхе, есть для страфа новое занятие: высматривать, как по грязи, не разбирая дороги, во всю шлепает-торопится староста. Сапоги надел парадные, пояс подпоясал вышитый, важности пробует добрать осанкой... а серые пятна страха сами на щёки сели, хозяина не спросивши.

– Ох, и ждали, – начинает пожилой староста издали, с дороги, в крик. – Ох, и ждали, достойная брэми Марница! Нету жизни нам, как есть пропадаем.

– Дальше, – намеренно зевает женщина, поигрывая поводом страфа. – И короче.

– Так... э... птицу забрали всю, биглей взрослых увели...

– Квас выпили, оскомину, и ту стащили, – подсказывает Марница.

Староста давится заготовленным приветствием и переходит к деловому тону. Смущается и пытается сообразить, отчего вдруг начал с наименее значимых бед. Есть ли смысл врать Моньке, она вон – щурится, понимает, что биглей по обыкновению успели припрятать в лесу, да и прочее... Староста вздыхает, мрачнеет и говорит иным тоном:

– Посевное зерно увезли. Можете проверить, до последнего зернышка, как есть до последнего... Ваш брат велел, так сказывали, брэми.

– Пергамент выдали? – сухо уточняет Марница. – Деньги, обязательства, опись взятого?

– Ни единого кархона, ни единой записи, ничего, – всхлипывает староста и начинает клониться в ноги страфу, брезг-

ливо переступающему подальше в сторону, тянущему повод. – Уж не покиньте в беде неминучей!

– Так. – Глаза у женщины становятся уже и темнее. – Когда уехали, куда, чьи люди?

– Так ить... брэми шаара новые слуги. К нему и повезли, то есть, прощения просим, к брату вашему Люпию, на сборный двор. Тому уже семь ден, а я как осмелился, вам весточку и отправил... – торопливо указывает староста на колеи и следы лап страфов, известные всей деревне. – Там их след, как раз дождело, всё видать...

– Ясно. Три дня ты весточку мне писал, староста? Покуда их след простыл... Ну, этого добра вам не вернуть, – спокойно заверяет женщина. – С отцом я поговорю. Посевное зерно забирать нельзя. Если бы вы имели... гм... наглость подать жалобу выру, вот тогда многое могло бы измениться. Но вас хватает только на обсуждение моих штанов и моего поведения. Коли вам себя не жаль, с чего мне жалеть вас? Дальше говори, староста. Не тяни, недосуг мне. Пока что получается: зря я сюда ехала. А я даром не гощу.

– Велели людей слать к концу лета на тот же сборный двор, – тихо и с болью завершает описание беды староста, суетливо добывая из-за пазухи вышитый мешочек и отдавая с поклоном. – Сами выбрали, кого уведут. Сказывали, выр велел. Новые рабы ему надобны. И за то нам выплатят полную меру, тридцать золотых кархонов. А как деревне жить, когда из каждой избы хоть одного молодого мужика заберут?

– Как жить... – женщина криво усмехнулась. – На кой ляд вам мои ответы? Вы уже людей-то, братом присмотренных, собрали да оплакали, не возразив. Ладно... К моему управляющему подойдите через десять дней, не ранее. Зерно он вам отсыплет. Немного, только на посев. И только под раскорчевку новых полей, где – указано будет. Позже сама разберусь, как с вас доход взять. А мужики, коих брат в рабы приглядел, пусть сидят на печах, коль уродились пустобрехами. Бабу вызвали за себя воевать, герои босолапые. – Женщина свела веки ещё уже. – Как же, всяк меня обсудил и осудил, но пироги вынес да в ноги упал. Тошно ездить к вам. Все одно, сгниёт деревня. Сколько раз говорила: уходите отсюда. Сей же час уходите, слышали? Выр ар-Сарна, хозяин Горнивы, сам и есть кланд. Велел он от дикого леса на два перехода отступить всем селениям. На площадях такое не объявят, но я знаю. Последний раз вам помогаю. Не уйдете до конца осени, всех сама сгоню и даже на тант подсажу. Это ясно?

Староста мелко закивал, дрожа серыми щеками и не рискуя поднять головы. Моньку звать – дело последнее, крайнее. Лютости в ней на троих, а язык и вовсе удержу не ведает. Такое иногда скажет – хоть ложись и умирай. Мыслимое ли дело: уйти из деревни... Куда? И не уйти уже невозможно. Давно за дочкой шаара замечено: если сказала нечто и добавила свое страшное «это ясно?», значит, исполнит по задуманному.

– Теть Монь, я головную повязочку вам сшила, – ласко-

во и вкрадчиво шепчет старостина дочь, мечтающая о месте на дворе всемогущей и безмерно богатой, как утверждают слухи, шааровой безродки. – Вот извольте глянуть.

Монька не смотрит, щелкает языком, уговаривая страфа подогнуть ноги. Ловко прыгает в неудобное малое седло, и чудовищная птица вздымается во весь свой рост. Дочь шаара уже смотрит на деревню поверх низких её, вросших в землю, избенок. Презрительно щурится на пышнотелую пятнадцатилетнюю дуреху – дочь старосты.

– Глянуть, говоришь? Я много на что нагладелась. Староста, ядовитый жук! Девку пора замуж гнать палкой, пока брюхо не надулось. Вон – о городе мечтает... Этот город тебя, дуру, прожует и не заметит. Эй, серощекий! Осенью проверю, чтоб при мужике состоялась, как положено. Тогда, может, на избу денег дам. Если захочу.

– Спасибочки, – пискнула старостина дочь.

– Ты на меня не косись, окосеешь, – сухо советует Марница, закручивая приплясывающего страфа и глядя его шею. – Думаешь, раз нос сломан, так и мужик не глянет? Это я на них не гляжу, если не хочу того. А чего смотреть? Я его корми, я его береги, я ему детей рожай... Нет уж, я лучше поживу для себя. Верность – она только в страфах и цела. Эй, староста! Всё запомнил? Избы пожечь, на новое место перейти, девку с рук сбить. Это ясно? Тант вашей деревне не надобен, неправ брат. Вы и без того пустоголовы.

Страф зло заклокотал, шевельнул тощими крыльями,

угрожая выпустить иглы. Марница рассмеялась и ослабила ремень повода. На ходу нагнулась, выхватила повязочку – и была такова.

– Вот ведь выродок, нелюдь насмешливая, – всхлипнул староста, дрожа всем телом и кое-как пробуя отдышаться. – Ладно, что гулявая, так слухи ходят, весь запретный товар мимо шаарова двора через её руки плывет. Избы жечь! Что удумала. Верно брэми, законный шааров сын, сказывали: не зови, не будет пользы... – Староста сердито оглянулся на дочь. – Что встала? Собирай вещи, пойду второй раз на поклон к законному сыну шаара, вымолю нам отсрочку, чтоб здесь жить, на прежнем месте. Он не откажет... как и я не отказал кой в чем.

– Так вроде обещалась Монька-то... – распахнула крупные глупые глаза девушка.

– Обещала она... нету более в слове её силы, конечно. – Прокряхтел староста, тяжело поднимаясь на ноги. И пошел прочь, бормоча себе под нос так тихо, что никому и не разобрать. – Хватит. Сколь людей перетравилось, запретную таннскую соль по её слову добывая. И все мы виноваты, что ни скажи! Не так толчем, не так сушим, и спешим излишне, и оно не вредно, ежели с умом... Вот теперича и будет – с умом. Теперича ей вправят ум, как бабе положено. Тоже мне, эту безродь называть брэми! Тьфу, девка трактирная, вот и весь сказ. Пойду к брату ейному, погляжу, как он с делом управляется. Пятьдесят кархонов за пустяк – деньги

немалые. И дело простое спрошено, без всякой там травленной соли.

Марница, достойная брэми из рода Квард, пустила страфа резвой побежью и подставила лицо прохладному ветру. Уши горели, злость душила, подступала к самому горлу. Зачем поехала? Ну, зачем? Пирогов отведать? А заодно собрать полный мешок невысказанных насмешек. Спину себе исколоть взглядами из-под занавесок. Как же, безродь... Все их мысли как на ладони, видны и слышны даже сквозь гнилые стены – и сами они гнилые да черные, мысли эти. Жалко дурней, мать жила в деревне недалече, пока шаар её не приглядел да к себе не увез. То ли пятой бабой в дом, то ли шестой. Он разве вёл счет своим забавам, родной батюшка, всему краю первый страх? Брал, что понравилось, и бросал, наигравшись, где придётся. Только с него и спроса нет. Ему кланяются в землю, ноги целуют. Славнейшим брэми именуют на выдохе, благоговейно. Зато ей, гулявой Моньке, это вежливое слово бросают плевком в лицо.

– Злее надо быть, – тихо посоветовала сама себе женщина. – Полдеревни на тант посадить – и тогда уж глянуть, как прочие запоют полное имя с придыханием. А я что? Я так не умею... Это к брату, он подход к людям знает. Цену им тоже знает. Три кархона за молодого мужика в порту на месте, один – за старших. Старостина дочка пойдет за пятнадцать. Пухлых да светловолосых любят. Только танта ей

не видать, будет учиться сознательно услуживать. И гулявой никто не назовет, рабы делом заняты, они попусту не гуляют.

Кончик повода хлестнул страфа по крылу. Вороной возмущенно заклокотал и прибавил, переходя с побежи на особый, немногим его родичам доступный, скок. В седле этот кошмар выдержать едва возможно, зато мысли он вытряхивает из головы получше любой выпивки.

А мыслей много... Всяк знает: безродь Монька с управляющим сговорилась, и признали её законной. Глупости. Тогда у неё ни силы не было, ни повода для торга. Дурой выросла, с обозом в город добралась – на батюшку знаменитого да богатого хоть одним глазком глянуть, от постылой судьбы увернуться. А что на неё саму под шааровыми окнами еще кто глянет – и мысли не родилось. Впрочем, батюшка, сам шаар лично, выглянул на балкон, заслышав крики и причитания в своем саду. Послушал-послушал, ручкой управляющему махнул – мол, не шумит пусть, голова болит. Про родство, впрочем, всё разобрал. Велел в трактир не отдавать и в порт на торг не везти. Выпороть до бессознания за свою головную боль да за врожденную бабью глупость – и в сарай бросить. Потом пришёл и сказал: злее будешь, если выживешь. А как выжила да ходить начала, поставил за управляющим приглядывать. Умел понять, кто кому такой враг, что и за деньги ту вражду не избыть.

У отца она многому научилась. Как про людей визнавать то, чего они сами о себе помнить не желают. Как позже пре-

вращать знания в золото, а людей – в своих личных кукол. Тант для того не требуется, если ниточки крепко привязать и дёргать с умом... Батюшка шаар даже гордился ею иногда. Говорил: унаследовала отцов ум. А вот злость – не унаследовала. Не нашла радости в играх, столь любимых шааром и его окружением.

– Шаар, если вольно перевести с вырского, – холодно усмехнулась Марница, успокаивая страфа и переводя на шаг, – слышишь, Клык? Ну, так слушай... «Шаа» есть всего лишь «имущество». Мой папаша – имущество выра, раб. Ценный раб. Нашел, чем гордиться. Все мы шаары, даже та дура с повязочкой, мечтающая о покорении большого города. В самом свободном переводе шаар – рыбий корм.

Закончив пояснения, женщина рассмеялась. Потом смолкла и устало потерла рукой лоб. Причин для радости не наблюдалось никаких, ровным счетом. Кто она? Никто, злющая баба, поставленная проверять вора и не давать тому украсть больше, чем следует. Не у деревни, само собой. Причем тут деревня, эта или иная, сколько их у отца в краю – и счесть трудно. Деревни могут пухнуть от голода, – но управляющий обязан меру знать, и с изъятых больше этой меры себе в сундук не пихать. Есть и поглубже сундуки. Там тоже свой пригляд, свой учет. Семь лет она служит отцу. И вот – перемена. Брат внезапно стал законным наследником, сменил управляющего и ей – ни полслова. Хотя и без того ясно, молчание – оно куда как красноречиво.

Когда имеется законный наследник, прочим пора двигаться. Куда? Да яснее ясного: в сторону порта.

– Чем я не угодила ему? – сквозь зубы шепнула Марница. – Да просто время ушло, надоела батюшке игрушка. Опять же, тише надо быть. Незаметнее. Соблюдать хоть иногда внешние приличия, как это делает брат.

Женщина снова рассмеялась. Ей ли не знать, как именно брат соблюдает приличия! Точно так же, как отец. Злее надо быть – и тогда остерегутся хоть одно гадкое слово молвить. А кто не будет осторожен, тех сразу и без разбора – в порт. И на тантовую иглу. Десяток отправишь – прочие станут выдыхать слово брэми совсем уж вежливо, еще десяток – и поклон углубится до земного, а потом уже пойдут подарки, похвалы, даже восторженные слезы. Брата в городе любят. А её вот – не очень.

– Клык, может, нам пора съездить к ару? – задумалась Марница. – Он на редкость прост, наш великий и славный кланд Аффар ар-Сарна. Он не человек, не интересуется девицами и не ценит людскую убогую лесть. Он просто считает золото и очень, очень огорчается, когда у него воруют так изрядно, как это делает брат. Еще он синее хвостом, едва услышав слово «князь». Брат же склонен себя считать правителем, он разыскивает женщину с интересной родословной... У меня имеется список с пергамента, выданного наемникам, там приметы поиска. Так что, Клык, надо ли нам ехать этой дорогой? В столицу поблизости есть хорошая

срезка, напрямки через старый лес. Опять же, товар можно попробовать сдать удобно, попутно. Вот не ждала, что староста расстарается и изготовит... А ведь самое время, оговоренный день завтра. Хоть кто, а продавца поджидает, там место прикормленное.

Женщина хитро прищурилась, похлопала по сумке, куда убрала полученный у старосты мешочек. Таннскую соль додумался производить управляющий, она лишь перехватила это маленькое незаконное дельце из слабых рук. Выкупила в обмен на пару неблагоприятных секретов пожилого сластолюбца.

Страф дернул головой, на лету изловив птичку. Шумно клацнул клювом, перья полетели разноцветным веером... Вороной хищно сглотнул и уставился на лес пустыми, ничего не выражающими, круглыми глазами. Ему нравилась короткая дорога. Там есть надежда поохотиться, пока хозяйка будет решать свои дела, малопонятные верному страфу.

Женщина усмехнулась, приняла окончательное решение и качнула повод, подтверждая его. Страф зашипел, выпустил когти и покинул утопанную дорогу, взбираясь по крутому склону к зарослям колючего кустарника. В несколько движений длинных защищенных чешуей ног миновал этот заслон, ограждающий лес от любопытства незваных гостей – и скрылся в тени.

Солнце сразу отдалилось, задернутое плотной занавесью

листвы. Недавний дождь висел на ветвях драгоценными ожерельями хрустала, шуршал капелью, пах свежестью и прелым теплом. Страф развлекался ловлей мух и жуков, его хозяйка рассеянно озиралась, изучая приметы давно заброшенной тропы. И не забывала пригибаться, когда ветки угрожали голове. А угрожали часто: страфов создали для боя на открытых пространствах, в лесу их рост далеко не всегда хорош. Впрочем, этот хозяйку обожает, и потому сам бережёт. Гнет ноги, давая место всаднице под сводами зарослей. Или клокотанием и шипением предупреждает о низких ветках.

День достиг зенита и скатился в овраг вечера без всяких приключений. Разве от зелени рябило в глазах, да приметы давно утратившей наезженность тропы приходилось порой искать упрямо и долго.

Избушка, выстроенная в незапамятные времена, явила себя в прогале малой полянки. Марница тихо вздохнула, радуясь своему везению: сумерки, приметы искать уже невозможно. Еще бы чуть – и пришлось ночевать последи мокрого леса. А что она – выр, чтобы сырости радоваться?

– Эй, есть кто? – вырезанная по пути палка ткнула в старое гнилое бревно.

– А чё не быть-то? – лениво отозвался мужской голос. – Жду с утра, ночь-то торговая, оговоренная. Думал: а не напрасно ли? Прошлый раз никто не пришёл и соли не предложил...

– Пешком добирался, да по лесу, – фальшиво посочувствовала Марница. – Или наконец штрафом обзавелся?

– Выродёру, душа моя, полагается самому резво бегать, – подмигнул рослый мужчина, выбираясь из тени под деревьями. – Привезла? Не как в прошлый раз, надеюсь? Я солидный человек, второсортную дрянь не беру.

– Нормальная дрянь, – усмехнулась женщина. – Одного не пойму: на кой вы тайком её покупаете? Я-то давно сообщила, что наниматель ваш и заказ из одного народа происходят. Неужели не снабжают?

– Разве могут ары пятнать себя общением с нами? – на показ ужаснулся мужчина. – Нет, дорогуша. Мы вне закона. Гласно. Они нас ловят. Гласно и даже шумно. Но уж все прочее – для того есть посредники и подельника. Слезай, шея болит глядеть вверх. Зверюгу привяжи там. После прошлого раза я просто обязан проверить соль. Идем, костра не видать, но он есть, и не прячь иззябшие руки в рукава, я хозяин гостеприимный. Ужином накормлю, обогрею. Ты хоть раз пробовала дикое мясо с приправой из диких трав?

– Всякий в городе знает: дикое мясо – яд, – поучительно сообщила Марница, принюхиваясь и облизываясь. – Опять же, я не намерена мешать дела с чем-либо. Проверь товар и гони золото, не тяни.

– Дела, гони... – мужчина презрительно скривился. – Фи. Мы год встречаемся самым невинным образом в весьма уединенных местах. Ты красива, я так просто знаменит...

ты ни разу не спросила даже моего имени. Хотя я не могу не нравиться тебе. Может, плюнем на дела? Ну что ты забыла в гнилом доме этого шаара? Я через пару-тройку лет заброшу наёмничество, а личный каменный особняк на берегу я давно прикупил. Перебирайся, а? С тобой, пожалуй, не скучно коротать вечера.

– На что намекаешь?

Наемник тихонько рассмеялся и подвинул чуть в сторону узкое лезвие клинка, толкнувшее его под горло.

– Я слышал, что вы одинаковые придурки, ты и твой штраф. Чуть что – острым по голове. Только он в макушку, а ты под горло. Зря. Я не выжил из ума. Знаю, что привязать штрафа – это тоже самое, что не привязывать. И что он и есть основа твоей безопасности... и наглости. Серьезна основа, надо признать. Я бы дорого дал за птичку. Выров ловить непросто, так что мне очень нужен штраф. Такие заказы порой отдаю в чужие руки, аж больно вспомнить. Месяца четыре назад уступил полнопанцирного... Три дня травил его, морока страшная, риск огромный – и в оплату дали жалких пятьдесят кархонов, пшик... Восемь сотен обломилось кому-то другому. Восемь сотен, золотом, а это самое ведь за такого меньшее... – наемник тяжело вздохнул. – Так что, не надумала? Половина домика в твою собственность, время от времени одалживаешь мне штрафа, доход от вырождёрства делим честно, по-семейному, пополам.

– Проверил соль?

– Её греть надо, я нежно грею, – ласково, с внятным намеком, выдохнул в самое ухо выроде́р.

Марница зашипела от злости. Почему каждый, решительно каждый, норовит намекнуть на её якобы всеобщую доступность? И полагает себя, ясно дело – несравненного, мечтой всех без исключения баб. Хотя о чем тут мечтать? Сволочь, свихнувшийся на зверстве и деньгах подлец.

После каждой встречи она зарекалась: последний раз... Но потом опять не хватало денег. Страфа содержать дорого, да и прочее тянет немало средств. Откуда взять посевное зерно? Не у брата же слезно просить. И не у папочки, шаара вонючего... Марница огляделась. Интересно, сколько ещё продавцов таннской соли сюда заглядывает? Она никого не встречала, ни разу.

– Ты мне что подсовываешь? – в голосе выродера колыхнулся настоящий гнев. – Это что? Это соль по-твоему?

Он сунул под самый нос медную ложку на длинной ручке, обличающе ткнув в неё пальцем. Дымок полз вверх едва заметно, спекшаяся в темную массу нагретая таннская соль выглядела вполне обычно. Хотя пахла, надо признать, странно. Марница нахмурилась, принюхиваясь. И сам воздух от сладковатого запаха казался темным, душным. Кашель зародился в высохшем горле, перешел в хрип, и вечер вмиг сделался беспросветной ночью...

– Когда баба год тебя не замечает и выделяется недо-

трогой-шаарой, – голос пробился издали, сквозь многослойную тяжесть тошноты и боли, – уже одно это заслуживает должной кары. Очухалась? Ну, мы еще водички польем. Нам водички не жаль. Я и вырам воду даю щедро, чтоб подольше жили. Ты не дёргайся, поздно дёргаться. Ты дыши. Глаза открой, это приказ. Скоро поймешь: мои приказы надо выполнять сразу и точно. Открой и гляди в небо, пока я решаю дела с посредником. Ты теперь с нами, душа моя, до последнего вздоха неразлучна. А случится он нескоро. Ты, конечно, не выр, но дня три-то протянешь. Копи силенки. Ах, да, я не сказал... ты не поставщик соли мне, ты заказ. Брат заказал тебя, бывает и так. У выров всегда – так, по опыту знаю... У людей разнообразие побольше, но не в нашем случае. Сколько за неё дают, кстати уж? Хоть окупится мое тупое ожидание в этом лесу?

– Ты не ждал, – едва слышно усмехнулся сдавленный, словно бы искаженный, голос. – Её к тебе вывели сразу, это заказчик на себя взял, и сроки выдержал в точности.

Тошнота не отпускала, вода лилась на запрокинутое лицо, затекала в нос, вынуждала кашлять, душила. Рвота подступала к горлу. От собственной беспомощности хотелось выть. А вот открывать глаза и принимать кошмар происходящего ничуть не хотелось... Но пришлось разлепить веки и смотреть. Без особой пользы: мужчины уже сидели спиной к жертве, у костра. Выродёр деловито считал золото. Его посредник столь же деловито рылся в вещах, извлеченных

из седельной сумки.

– Условия сложные, – проскрипел незнакомый голос. – Страфа ты получаешь за то, что она из леса не выйдет. Это понятно... далее. Вот список вопросов. Каждый ответ – полсотни золотом. Но учти, оплата только при наличии документов, означенных в вопросе. В сумке-то пергаментов нет.

– Тогда за три дня не управиться, – посетовал выродер. – Вопрос в том, стоит ли браться. Страф мне нужен, прочее же... Сколько там вопросов?

– Три, то есть сто пятьдесят монет, да еще моя доля вычтется. Не так и много. Но браться надо, я не готов ссориться с сыном и наследником шаара из рода Квард. И тебе не советую. Её вызвал староста по приказу этого ловкача, она поехала оттуда напрямик сюда, в её доме документов нет. Как полагает наниматель, далее эта падаль намеревалась напрямик двинуть в столицу. Так что документы у неё. Или поблизости, припрятаны в этом лесу.

– Понятно... доходчиво даже. Ты как, дочкой шаара интересуешься?

– Не смешиваю дела и прочее, она сама это сказала, правило в нашей работе обязательное. Срок ты сам обозначил: три дня. Жду сам знаешь, где. Страф очнется к утру, об этом тоже помни. Он норовистый, я заранее предупреждал.

Посредник поднялся и стал собирать свой мешок. Это выглядело так буднично и страшно, что крик подступал к горлу Марницы – да так и высыхал в нем. Она сама согласилась

на сделки и подтвердила это место. Здесь кричать бесполезно. Здесь некого звать: люди забросили тропу более века назад, когда умерла последняя деревушка на ней.

Лес, дикий мокрый лес, сожрал посева жадной поволокой гнилых туманов, хозяйски заплел брошенные поля корнями подлеска, взметнулся вверх зеленым покровом тайны. Ненавистный вырам лес. Ни урожая в нем нет, ни иной пользы. Дровосеки руки себе рубят. Охотники гибнут нелепо, хотя и дичи вроде – тоже нет. Зато есть неприязнь. Всегда была и сейчас сочится по капле с веток. Словно этот лес наблюдает за людьми, пойманными в силки корней. И она попалась крепче крепкого.

– Так, вопросы, – бодро сообщил выродер, не отвлекаясь от приготовления мяса на огне. – Слушаешь? Ты слушай, а то я повторяю... поподробнее. Слушай и думай. Тебе уже не надо хотеть жить, душа моя. Самое время прикинуть, насколько хороша быстрая и легкая смерть. Я и это растолкую, но пока ты отдыхай. Яды – наше ремесло, траванул я тебя крепко, до рассвета даже боли настоящей не поймешь. Так что спешки нет у нас, незачем нам спешить. Четыре вопроса. Три от брата и один от меня. Для начала пергаменты с отчетом по сбору вырьем десятины, настоящие, у тебя есть полный список – и он это знает. Далее... отцовы записи, тоже должны быть. И архив твоих личных мелких вымогательств, твой братец желает приобщить его к своему. Это все, ничего сложного. От меня вот что. Утром растолкуй штраф, что я

ему новый хозяин. Подробно, с усердием! И я, слово чести, тебе заплачу за доброту. Не стану спрашивать для шаара, отговорюсь тем, что пергаменты сгорели в пожаре. Ах, ты же и не знаешь еще новости. Твоё подворье с утра запылало, бывает ведь и так... не повезло.

Выродер говорил неторопливо, любуясь собой и своей властью. Ему нравилось строить фразу с красотой, играть то удивление, то сочувствие, то угрозу. Марница лежала и думала про своего страфа. Про Клыка, которого она предала нелепой тягой к таннской соли, легко обращаемой в золото. Золото – оно ведь болото, не имеющее дна. Потянись к его сладким ягодам разок, напейся его обманной воды – и никогда уже не очнешься. Золота не бывает много. Его всегда не хватает, сколь ни добудь. Золото втягивает в трясины жадности, засасывает с головой. Уже и дышать нечем – и нет сил двинуться, что-либо изменить. Женщина презрительно усмехнулась. Красиво подумала. Вроде, и не она виновата. А только пришла-то в этот лес по своей воле, и полагала, можно брать и не платить, и не меняться, и не стать добычей других берущих.

Почему-то настоящие хищники, вроде брата и отца, за свои дела не платят. Порой всю жизнь гниют, уже и глянуть страшно, и не люди вовсе становятся, – а золото к ним течёт, послушное и ужасное в своей силе...

До утра можно передумать много всякого. До утра есть время. Это потом уже не будет ничего. Ни времени, ни самой

жизни. Иногда, оказывается, надо перед смертью оказаться и всякую надежду утратить, чтобы начать о себе думать, ничего не приукрашивая...

Выродер сдавленно охнул и подобрал под руку длинный клинок.

Женщина презрительно фыркнула, покосившись в сторону костра. Нелепо и грустно сознавать, что поймавший тебя – такой исключительный трус. Кого испугался? Обыкновенного пастушка, немочь кудрявую. На вид, может, лет двадцать и есть, но тощ до прозрачности. Если такой враг у выродера дрожь вызывает – как наемник ловил выров? А так и ловил! Вряд ли поднимаясь выше пяти десятков монет, всегда вторым и на подхвате у более сильных, опытных, азартных. Зря пробовал хвастать именем. Нет у него имени и нет о нем сказок и слухов. Клык не станет ему служить. Умрет, а не покорится. Он такой, его за золото не приманишь и голодом не переборешь.

Пастушок вежливо поклонился костру, карие глаза блеснули смешинками, отражая огонь. Выродёр начал было нащупывать рукоять клинка, но унял руку. Задумчиво почесал затылок. Возможно, подумал то же в точности, что и Марница. Откуда бы посреди леса взяться ночью этому нелепому пастуху? И кого он тут может пасти? Биглей? Но их никакой силой в лес не затащить. Страфов? Так выр нужен, чтобы удержать породистого.

– Тепла вашему очагу и достатка дому, – начал гость

со странным выговором и нелепой улыбкой блаженного. – Я тут сестру разыскиваю, ей на вид лет шестнадцать. Она у меня красавица, умница... Коса длинная, бурая, глаза карие, светлые да ясные. Не встречали?

– Здесь? – от изумления выродёр заговорил, отозвался. – Ночью? Парень, ты в уме?

– Вроде, до сего дня не жаловался, – задумался гость, хитро щурясь. – Хотя дед тож самое спросил, когда я в бега пустился. Ему виднее, он мудрый. Можешь считать, что я не в уме. Если это важно тебе. Так вы уж ответствуйте по чести: сестру не встречали? Ни один из вас?

– Я тебе сейчас отвечаю, – выродер побагровел, запоздало осознав, как глупо он смотрится. – Я тебя... Да я...

Пастух сел к огню, заинтересованно кивая в ответ на угрозы и чуть склоняя голову, чтобы разобрать невнятные и понять смысл внятных. Выродер пришел в крайнее и окончательное бешенство. Поднялся во весь свой немалый рост.

– Еще я спросить надумал, – вздохнул парнишка, не замечая выродера, сопящего и тянущего клинок из ножен. – Вам, хозяйюшка, пастух не требуется? А то животинка ваша вовсе уж неухожена. Чудная она, я такой и не видывал. Но нраву мирного и веселого, мне сразу глянулась. Как звать, я уже выяснил. Клыком, да? А вот что за вид её? В целом как именуется?

– Страф, – не понимая, отчего решила заговорить, выдавила Марница сухим горлом.

Нелепый тощий парень вызывал доверие. Он так наивно хлопал линиялыми ресницами и так добродушно улыбался, так рассматривал лес, что не отвечать было невозможно. Хотя говорящий с посторонними заказ выродера – это же глупость.

– Убью! – запоздало взревел незадачливый исполнитель простого заказа.

– Ты не шуми, – посоветовал парнишка все тем же добрым тоном, нырнув под клинок и снова разогнувшись. – Не сутись так, рукав подпалишь, костер здесь, разве не видно? Ишь, бороду уже спалил, эка жалость. Страф, значит... Красивое имя. Новое, а все одно, нравится, для сказки оно годное. Да не тычь ты в меня железкой, ну слова нельзя вымолвить... – парнишка отпрянул в тень и сердито покачал головой. Погрозил пальцем. – Экий ты перечливый да невежливый, недобрый ты молодец... Сядь. А хочешь, и не садись. Мы с Клыком поговорили, так он настаивал изрядно: не лезть к тебе и ему дороги не переходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.